nonf_biography
adv_animal

Джой
Адамсон
http://www.litmir.net/a/?id=497

Моя беспокойная жизнь

Автобиография известной писательницы и исследователя дикой природы Джой Адамсон, известной своей книгой «Рожденная свободной».

28.10.2013

Джой Адамсон

Моя беспокойная жизнь

ru
en

B.
B.
Агафонов
http://www.litmir.net/a/?id=73800

Г.
М.
Улицкая
http://www.litmir.net/a/?id=73799

nonf_biography
adv_animal

Joy
Adamson

The Searching spirit
1978
en

llorona

Петров Эдуард

ABBYY FineReader 11, FictionBook Editor Release 2.6
130214267848380000
http://www.litmir.net
ABBYY FineReader 11
{7B5A01B9-613E-4E26-BA21-97139E73A705}
1

V.1.0 — llorona, Петров Эдуард

Прогресс
1981

Джой Адамсон
Моя беспокойная жизнь

Предисловие

Джой Адамсон — пионер. Не в том, прежнем понимании этого слова, которое было связано с освоением нетронутых пространств — хотя значительную часть своей жизни она провела в диких, необжитых местах, невероятно далеко от больших городов, — а в том, что она — человек, заставляющий нас по-новому взглянуть на окружающую природу и лучше понять «братьев наших меньших», живущих с нами вместе на одной планете.

Сама Джой Адамсон едва ли стала бы претендовать на такую высокую оценку; она ни ученый, ни философ или мыслитель, она просто человек, который занимается своим делом по велению сердца. Из того, что Джой Адамсон сделала, наибольшую известность получило воспитание ею осиротевшего львенка, как это не раз до нее делали и другие. Однако потом, когда львенок превратился во взрослую львицу, она не отправила ее в зоопарк, а проявила беспредельную заботу и терпение, чтобы вернуть львицу в естественную среду, туда, откуда она пришла. Самым удивительным во всей этой истории было то, что после встречи с диким львом молодая львица Эльса привела своих детенышей обратно в лагерь Джорджа и Джой Адамсон, как бы представила их людям, и до конца жизни продолжала навещать своих приемных родителей и считать их верными друзьями.

Успех этого эксперимента с львицей и последующая работа Адамсон с гепардами опрокинули ряд общепринятых понятий, а именно: что прирученное людьми дикое животное никогда не будет принято назад его сородичами и не выживет без защиты человека.

Повышенный интерес читателей к истории Эльсы, возможно, вызван тем, что эта история напомнила им старейший миф человечества, его мечту о Золотом веке гармонии, когда Адам не вкусил еще рокового яблока и лев отдыхал рядом с ягненком.

Никто, я думаю, в действительности и не помышлял, что такой сказочный мир может быть создан на нашей планете, однако этот случай показал, что в исключительных обстоятельствах чувство страха и вины, обычно определяющее взаимоотношения между человеком и дикими животными, может быть преодолено. История Эльсы — это, несомненно, история любви. Джой любила Эльсу, Эльса отвечала ей доверием. И древнее изречение «любовь побеждает все» в этом неожиданном контексте оказалось верным. Любовь победила страх, тот глубокий инстинктивный страх, который испытывали друг перед другом человек и лев с тех пор, как человек спустился с дерева на землю.

История Эльсы уже рассказана, и теперь Джой обращается к своей собственной истории. Ее жизнь не началась и не кончилась Эльсой. Если бы приобретшая популярность львица не вошла в ее жизнь, Джой все равно стала бы известной — хотя, может быть, и не такому широкому кругу людей — как оригинальная художница, запечатлевшая мир растений. Классическими в своем роде являются ее рисунки восточноафриканских растений и диких цветов. Она мечтала создать большую серию портретов мужчин и женщин многих племен и родовых групп Кении в их полном ритуальном убранстве. Когда около тридцати лет назад она создавала свои рисунки, многие предметы этого убранства были уже заброшены или забыты, и их пришлось извлекать из дальних уголков прокопченных дымом хижин. В настоящее время такие щиты и головные уборы, орнаментальные украшения и ножные браслеты уже исчезли или исчезнут в ближайшие годы, и если их отдельные экземпляры не сохранились в музеях, то возможно, что рисунки Джой Адамсон явятся единственным оставшимся свидетельством былого великолепия прошедшей эпохи.

Одновременно Джой была занята делом, которое потребовало всех ее сил: она пыталась сохранить от исчезновения все возможное из природных богатств Африки, которым грозит опасность со всех сторон. Сокращается площадь лесов, буш (кустарниковые заросли) превращается в пустыню, исчезают местные виды растений, один за другим виды чудесной африканской фауны заносятся в «список находящихся под угрозой исчезновения животных», численность которых катастрофически сокращается и которые могут исчезнуть навсегда. Страшная перспектива. И среди немногих посвятивших себя этому делу людей, которые стремятся предотвратить бедствие, Джой занимает выдающееся место. Все деньги до последнего пенса, полученные от издания ее книг, она вложила в Фонд Эльсы — в фонд помощи диким животным, — чтобы они были потрачены на поиски путей и средств для охраны и изучения диких животных во всем мире.

Вряд ли кто-либо из читающих эти строки усомнится в личном мужестве Джой. Ей приходилось иметь дело с леопардами и львами буща. Более того, в обязанности ее мужа как инспектора по охране дичи входило выслеживание и уничтожение львов-людоедов, и она сама не раз находилась слишком близко от этих львов, чтобы чувствовать себя спокойно. Однако, возможно, самым смелым ее поступком, по ее собственному признанию, был выход на трибуну с лекцией, прочитанной с сильным австрийским акцентом в свойственной ей манере быстро говорить перед трехтысячной аудиторией в Лондоне в начале ее лекционного турне по странам мира. Сердце Джой остается в уголках земного шара с еще нетронутой дикой природой, ее друзья — четвероногие существа, но ради их интересов она бросила вызов всем превратностям славы, которые могут действовать на нервы сильнее, чем нападающие носороги или панически бегущие слоны.

Джой Адамсон стала всемирно известной, и этот рассказ о ее жизни — от счастливого детства в большой и дружной семье в Австрии накануне первой мировой войны до ее уединения среди животных на берегах озера Наиваша в Кении — не нуждается в представлении ни с моей стороны, ни с чьей-либо другой. Это единственная в своем роде история, рассказанная с присущими всем ее книгам прямотой и простотой, — история благородной, творческой и одаренной личности, обладающей большим чувством привязанности к своим четвероногим собратьям. Это история человека, посвятившего свою жизнь наблюдению за ними как за индивидуальностями, чтобы раскрыть их сообразительность, чувства и поведение, запечатлеть полученные результаты пером и кистью, а также повсеместно защищать их. Однако настоящая книга не является научным трактатом или какой-то полемической работой. Это рассказ об истории женщины мужественной, веселой и жизнелюбивой. «В буше нет скучных дней», — говорила она. Нет скучных страниц и в ее биографии.

Элспет Хаксли

Сенбернар в автобусе

Не явилось ли своеобразным предзнаменованием моей дальнейшей судьбы то, что в детстве нашей любимой игрой была охота на львов и что из-за моих русых волос и умения хорошо бегать мне всегда приходилось исполнять роль львицы? В дни летних каникул в австрийском имении Зайфенмюле собиралось до пятнадцати детей, и среди них всегда находилось немало желающих поохотиться на двух «львов». Роль льва неизменно исполнял мой любимый кузен Питер.

А поскольку имение было большим, то охотникам нередко требовалось несколько часов, чтобы выследить свою добычу. Иногда им даже не удавалось поймать нас в установленное время. Тогда охота прекращалась, и мы, львы, выигрывали.

Игра была захватывающей. Если мы видели, что охотники приближаются к одному из наших укрытий, один из львов рычал, чтобы отвлечь их внимание, а затем спасался бегством.

Все мои самые дорогие воспоминания детства связаны с имением Зайфенмюле, которое принадлежало роду моей матери — Вайсхунам. Семья моей матери издавна владела несколькими бумажными фабриками. На этих предприятиях приходилось, помимо прочего, перерабатывать вышедшие из употребления банкноты, и я хорошо помню то время после первой мировой войны, когда за дюжину яиц нужно было отдавать банкноту достоинством в один триллион. А поскольку сама бумага еще представляла ценность, банкноты сваливались в огромные груды во дворах фабрик. Мы проделывали в них туннели и играли среди миллиардов и триллионов. Столь необычным было наше знакомство с деньгами, но оно, возможно, и помогло мне понять, насколько они в ряде случаев обесцениваются.

В каникулы на вилле «Фридерика» собиралось иногда до тридцати человек. Родственники Вайсхунов приезжали не только из Австрии, но и из Германии, Италии, Англии и Америки. Приезжали также и друзья, и тогда над входной дверью виллы появлялась соответствующая духу нашей семьи надпись:

Десятерых пригласили, двадцать пришло.
Добавьте в суп воды, пусть будет всем хорошо.

Для детей вилла была райским уголком. Здесь были теннисный корт и плавательный бассейн. Мечтой каждого было съехать на велосипеде с вышки для прыжков по деревянному желобу в воду не перевернувшись или сесть на четырехколесную тележку и скатиться на большой скорости в бассейн, пытаясь не пойти ко дну, когда она шлепалась в воду. Вместе со своими родственниками мы устраивали наши семейные «Олимпийские игры»: состязались в метании диска, прыжках в высоту, в стрельбе по мишеням, верховой езде и в скачках с препятствиями. В дни рождений взрослых мы ставили пьесы, а вечерами нередко давали концерты, на которых пели песни или играли в созданном нами импровизированном оркестре.

Летом самым большим событием был праздник урожая. Как только последние возы зрелой кукурузы засыпались в амбары, к нам в своих красиво убранных повозках и праздничных домотканых одеждах приезжали крестьяне. Управляющий вручал главе семьи дядюшке Карлу двухметровую корону, сделанную из кукурузы, маков, ромашек и васильков. Затем какая-нибудь девочка в хрустящем от крахмала белом платьице, с гладко зачесанными назад волосами и сияющим личиком, запинаясь, читала стишок. Дети разносили на подносах печенье, сладости, фруктовые соки и шнапс, и тогда начиналось настоящее веселье.

Затем дети и взрослые забирались на большую повозку и ехали к украшенному яркими флагами и лентами амбару, превращенному в танцевальный зал, Под звуки концертино и двух скрипок дядюшка Карл с супругой управляющего открывал бал, а ее муж танцевал с моей тетей, потом уже к ним присоединялись и мы.

Из людей, проживающих в имении, я особенно хорошо помню нашего кучера венгра Орга, у которого было много черноволосых детей. Он часто брал меня с собой в лес по грибы, и я очень любила его.

В имении водилось много косуль, зайцев, лисиц, куропаток, и охота считалась традиционным увлечением нашей семьи. Я не любила организованную охоту, когда вооруженные люди располагались большим полукругом в ожидании появления перепуганного загонщиками зайца, несущегося навстречу своей гибели. Но вообще-то в детском возрасте я уже довольно сносно стреляла из ружья. Единственным проявлением моего отвращения к охоте было то, что я не любила мясо убитых на охоте животных и категорически отказывалась есть зайчатину, причем меня даже наказывали за мои капризы.

Когда мне исполнилось пятнадцать лет, произошел необычайный случай, который произвел на меня неизгладимое впечатление. Как-то под вечер мы обходили угодья с нашим лесником. Мы видели не одного оленя, перед тем как присели передохнуть на лесной полянке. Вскоре появился самец косули и, пощипывая на ходу траву, направился к небольшому ручью. Дневной свет угасал, и безмолвие леса, казалось, лишь усиливало красоту животного, идущего в нашу сторону. Помнится, что в тот момент, когда я размышляла о бессмысленности стрельбы по такому совершенному существу, лесник протянул мне свое ружье и сказал, чтобы я застрелила косулю, потому что рога у нее были неправильной формы. Я прицелилась, выстрелила и убила ее. Как я могла с такой нежностью думать о животном, а минуту спустя убить его? Что же я наделала? Смогу ли я когда-нибудь снова доверять себе? Прежде чем подвесить тушу на шест, лесник торжественно вручил мне сосновую веточку, обагренную кровью животного. За обедом эта веточка все еще была у меня в петлице, и мой дядя, заядлый охотник, поздравил меня с первой подстреленной косулей, но я чувствовала себя убийцей и поклялась никогда больше не стрелять ради спортивного интереса.

Были и другие случаи, которые глубоко запали мне в душу и вспоминались мной гораздо позднее, когда я решила наконец посвятить свою жизнь охране диких животных.

У нас жила куница, которую держали для нашего развлечения, но управляющий поместил ее в такую тесную железную клетку, что ей негде было повернуться. Жили у нас и маленькие лисята; обычно мы доставали их из охотничьей сумки, и нам разрешалось играть с ними, но, как правило, это продолжалось недолго. Затем они исчезали, потому что их использовали при обучении терьеров охоте на лис. Был у меня и любимый белый кролик Хаси. Однажды во время

войны нам подали рагу из кролика. Когда я похвалила кушанье, моя мать равнодушно ответила, что оно приготовлено из Хаси.

Все эти случаи, казалось, и привели меня к мечте об охране диких животных, которая зародилась у меня через много лет спустя, когда я работала в группе Мэри Лики, супруги известного антрополога д-ра Луиса Лики. Мы производили раскопки в поисках остатков древнего человека в кратере Нгоронгоро в Танганьике, нынешней Танзании, еще задолго до того, как этот район был превращен в национальный парк. Здесь обитало много диких животных, но, несмотря на почти райскую природу, мои мысли постоянно возвращались к одному серому, дождливому ноябрьскому утру в Вене.

Как помнится, на безлюдной улице стоял человек в ожидании автобуса, на котором он должен был добираться до работы. Это была единственная живая душа среди серых стен окружавших его домов, не считая сенбернара, который казался здесь таким же одиноким. Немного погодя собака подошла к человеку и, потершись о его ноги, предложила ему свою верность и дружбу. Человек был растроган этим проявлением дружеских чувств и в ответ погладил собаку по шерсти. Когда он вошел в автобус, собака сразу же последовала за своим новым хозяином. Их обоих тепло приветствовали пассажиры, ежедневно ездившие на работу в том же автобусе и воспринявшие появление собаки как забавное новшество. Все оживились и засуетились. Собака доверчиво опускала свою большую морду на колени людям, но, как это свойственно сенбернарам, оставляла следы слюны на их одежде. Вскоре это вызвало недовольство и протесты, а затем человека попросили вывести собаку из автобуса. И хотя сначала он был, несомненно, польщен вниманием, которое оказали ему из-за собаки, теперь он вытолкнул ее на улицу. К тому времени моросящий дождь перешел в снег, который шел весь день. Вечером на обратном пути домой человек проезжал мимо того места, где он утром вытолкнул собаку из автобуса. В окно он увидел небольшой холмик, покрытый свежевыпавшим снегом.

Из обитателей Зайфенмюле наиболее колоритной фигурой был мой прадед, обаятельный человек огромного роста с добрым сердцем. Его бедная жена мирилась со всеми его проделками, и их брак оставался прочным, как скала. Это действительно была скала, служившая надежной опорой их детям, внукам и правнукам. Именно он, мой прадед по матери, был первым, кто стал ездить на автомобиле в нашей местности. Это была ярко-красная машина, представлявшаяся местным крестьянам дьяволом, изрыгающим дым. Чтобы остановить наступление этого угрожающего чудовища, они посыпали дорогу битым стеклом. В ответ на это мой прадед, проезжая по деревне, разбрасывал детям пакетики с мятными конфетами, что оставляло значительно лучшее впечатление о чудовище.

Одна из фабрик моего прадеда стояла на берегу реки, и здесь он решил установить первую в стране гидротурбину. С этой целью надо было проложить туннель через холм, чтобы отвести через него часть стока реки. Он был уверен, что перепад потока воды у туннеля примерно в триста метров позволит вырабатывать достаточно энергии для того, чтобы электрифицировать все бумажные фабрики в округе. А поскольку затраты на прокладку туннеля были значительными, прадед попросил заем у своих банкиров. Финансирование такого смелого проекта было встречено ими без энтузиазма, но в конце концов все уладилось.

День пуска воды по туннелю принес огромное беспокойство нашей семье. Правительственные, финансовые и технические учреждения прислали своих представителей, чтобы засвидетельствовать момент, когда вода с грохотом вырвется из туннеля. Но когда этот долгожданный миг наступил, ничего не произошло. Вода не появилась ни на второй, ни на третий день. На прадеда надвигалась катастрофа. Только на четвертый день по туннелю заструился маленький ручеек, превратившийся скоро в могучий поток; новая эра гидроэнергетики в нашем округе началась. Задержка воды на протяжении первых трех дней объяснялась, вероятно, тем, что сухие стенки туннеля поглощали воду до тех пор, пока не произошло полного насыщения их влагой.

Очередным проектом прадеда было строительство плотины в узкой долине Зайфенмюле между отвесными скалами. Он предполагал, что созданного с помощью такой плотины водохранилища хватило бы на всю прилегающую местность. Однако этот проект был слишком смелым для его современников, и лишь после второй мировой войны в долине Зайфенмюле, которая в то время находилась уже не в Австрии, а в Чехословакии, была построена большая плотина.

Разрабатывая свои планы, прадед предвидел, что, если его плотина будет построена, вилла «Фридерика» может когда-нибудь оказаться затопленной. Поэтому были приняты необходимые

меры предосторожности. Виллу соорудили из сборных элементов в соответствии с методами строительства стандартных зданий. Ее можно было разобрать и снова возвести на более возвышенном месте.
Во время одной из поездок моего прадеда в США Эдисон предложил ему деловое сотрудничество. И он принял бы это предложение, если бы не сопротивление его жены, которая опасалась, что он вложит весь свой капитал в рискованные эксперименты. А прадеду ведь надо было воспитывать двенадцать детей.
Несмотря на свои многочисленные дела, прадед всегда проявлял глубокий интерес к своей большой семье. У него был обычай бросать золотую монету в ванночку, в которой первый раз купали новорожденного, считая, что это принесет ребенку счастье. Я хорошо помню, как сильно он расстроился, когда опоздал на первое купание моей младшей сестры и увидел ее уже одетой. Из любой заграничной поездки он возвращался с каким-либо подарком для каждого из своих внуков и правнуков, хотя нас было тридцать человек. Я могу вспомнить еще много других мелких событий, связанных с прадедом. Например, однажды на прогулке мы проходили с ним мимо лиственницы, покрытой небольшими наростами, свидетельствующими о заболевании, вызванном какими-то паразитами. Попросив меня помочь ему, прадед сразу же начал срывать их, утверждая, что, если человек видит какое-то дело, которое надо выполнить, он должен действовать немедленно, поскольку подобной возможности может больше и не представиться. Я часто потом вспоминала эти его слова.
Однажды уже в возрасте восьмидесяти двух лет он с лесником объезжал на санях свой лес. На одном из крутых склонов сани перевернулись и покатились вниз. Прадед не был ранен, но, казалось, находился в шоковом состоянии. Тем не менее он настоял на том, чтобы продолжить поездку. В обед он пожаловался на небольшую головную боль и затем поднялся в свою комнату, с тем чтобы отдохнуть. Полчаса спустя кто-то вошел в его спальню и нашел его мертвым.
Мы, дети, наблюдали за похоронами из окна. Процессия, во главе которой шел оркестр местной пожарной команды, казалась бесконечной. Шли крестьяне из ближайших имений, работники фабрик, многие друзья прадеда и большинство жителей близлежащего городка. Никто из нас тогда даже и не предполагал, что на протяжении жизни одного поколения наша дружная семья будет разбросана по всему свету, не сохранив почти ничего общего, кроме глубоких корней, связывавших нас с Зайфенмюле.
Мой отец, старший советник строительного комитета Виктор Гесснер, был гражданским служащим, а позднее, во время первой мировой войны, он стал полковником. При всей моей любви и уважении к нему я его побаивалась. Он часто рассказывал нам различные истории, учил наблюдать за поведением муравьев и других мелких насекомых и временами бывал очень ласковым. Но иногда без всякого повода он игнорировал нас, издевался над нами или наказывал.
Гораздо ближе я была к своей матери, привлекательной, одаренной и милой женщине. Я очень гордилась ею, она казалась мне богиней. Мать пела, у нее было приятное сопрано, она хорошо рисовала и всегда была душой общества. Единственная моя жалоба в ее адрес заключалась в том, что нас часто оставляли сначала на попечение няньки, а потом — гувернантки. И получилось так, что, хотя я обожала свою мать, наша повариха Милли стала моим ближайшим другом, человеком, к которому я всегда шла за сочувствием и утешением. Она обладала бесконечным терпением и была доброжелательным зрителем, когда, нарядившись в шали матери, я танцевала или играла под «сценическим псевдонимом» Бобрики Еньяр.
Я боготворила свою мать, но не могла понять, почему иногда она обижала меня, то забывая о своем обещании взять куда-то с собой, то обсуждая со своими друзьями мое стихотворение, которое я стеснялась даже показать ей сама и прятала обычно под ее подушку.
Кроме родителей, у меня была еще сестра Трауте, старше меня на год, и сестра Дорле, на девять лет моложе.
Мне трудно сказать, что я представляла собой, когда была ребенком, но могу привести строки из письма, которое написала мне мать в день моего шестнадцатилетия. Она призналась в нем, что мое появление на свет 20 января 1910 года было большим разочарованием, поскольку родители ждали мальчика. Меня назвали Фридерикой — именем, которое давалось каждой второй дочери в роду моей матери. К нему было добавлено имя Виктория. Но мой отец, будучи

не в состоянии примириться с фактом, что я девочка, называл меня Фрицем, обращался со мной как с мальчиком и заставлял носить мальчишескую одежду.
По словам матери, я не боялась ничего, кроме какого-то вымышленного Бубутца, которого придумала Милли, для того чтобы держать меня в повиновении. Я питала страсть к цветам, особенно к фиалкам, и поэтому делалось все, чтобы я получала эти цветы в день моего рождения, так как для меня никакой другой подарок не мог сравниться с ними. Я любила музыку и могла читать ноты с листа еще до того, как выучила азбуку. Если я бывала расстроена, я просила сыграть что-нибудь из произведений Шопена, чтобы успокоиться. Так как все в нашей семье обладали музыкальностью, было естественно, что каждый пел или играл на каком-либо инструменте, а прислуга исполняла на несколько голосов славянские народные песни.
В школе я училась легко и настолько добросовестно относилась к выполнению домашних заданий, что, даже когда у нас бывали гости, я нередко просила разрешения покинуть их, чтобы успеть подготовиться к следующим занятиям.
Но больше всего мне запомнилось, как после ужина мы с моим кузеном Питером иногда потихоньку ускользали из виллы «Фридерика», ложились на лугу в траву и, глядя на звезды, обсуждали, что мы будем делать, когда станем взрослыми. Оба мы мечтали об исследовании разных стран и открытии новых видов животных. В известном смысле наши мечты действительно сбылись: Питер поселился в канадской провинции Альберта, а я на протяжении последних сорока лет живу в Кении.

Первая любовь

В конце первой мировой войны наши края перестали быть австрийской Силезией и отошли к Чехословакии. Часть нашего недвижимого имущества и фабрик оказалась конфискованной.
Я была еще маленькой, когда поняла, что семейство моей матери считалось более зажиточным, чем семейство моего отца. Я болезненно ощущала это неравенство, особенно когда кузены из семейства Вайсхунов смеялись над тем, что подметки моих туфель для прочности были прибиты гвоздями.
Когда мне исполнилось восемь лет, видимо, для спасения своего брака родители решили обзавестись еще одним ребенком в надежде, что родится мальчик. Но родилась третья дочь — Дорле, и через четыре года мои родители развелись. Моя мать переехала в Вену и очень скоро вновь вышла замуж. Ни сестры, ни я не любили отчима, и поэтому мы все оставались с нашим родным отцом. Но в конце концов было решено, что Трауте и я будем жить в Вене с нашей бабушкой по материнской линии, и только Дорле осталась с нашим отцом. С тех пор мы виделись с ней редко и в конце концов потеряли всякие связи с Гесснерами.
Следующие четыре года я провела в закрытом учебном заведении, где преподавание велось новыми и поистине необычными методами. Это было одно из шести созданных после войны правительством Австрии таких учебных заведений для детей в возрасте от двенадцати до восемнадцати лет.
У нас был шведский гимнастический зал, а в хорошую погоду уроки проходили в саду. Преподавание велось преимущественно в форме вопросов и ответов, и разыгрывались различные исторические сцены. Наши учителя были собраны со всего света, и географию, например, преподавали с использованием кинофильмов, сопровождавшихся лекциями людей из тех стран, о которых рассказывалось в фильмах.
Затем я продолжила учебу в экспериментальной школе. Там были обширные парки, игровые площадки, крытый манеж, плавательный бассейн, больница и часовня. В лабораториях мы составляли из химических веществ различные смеси, которых я всегда боялась, поскольку они могли взорваться. К моему большому удовольствию, здесь было много комнат, изящно украшенных лепкой и позолотой, где мы могли заниматься музыкой, и огромная столовая, которую мы часто превращали в концертный зал и исполняли произведения Гайдна. Мне повезло в том, что я могла брать уроки игры на фортепьяно у профессора, который ранее преподавал в консерватории имени Моцарта в Зальцбурге. Я пробовала также играть на скрипке, но скоро обнаружила, что мои руки слишком малы для этого.

Мы часто ставили французские и английские пьесы, занимались лепкой, литографией и живописью. Живопись я любила больше всего и особенно увлекалась украшением стен комнат, где мы жили, фресками. Как-то мне поручили нарисовать деревенский оркестр, играющий на празднике урожая. Я была поклонницей Тони Конрада, дирижера Венского симфонического оркестра и брата директора нашей школы, и на своей фреске изобразила его дирижером деревенского оркестра. Сходство оказалось настолько поразительным, что однажды Конрад приехал посмотреть на свой портрет. Это было выше всёх моих ожиданий, и, когда позднее нас представили друг другу, я была на вершине блаженства.
Прием в экспериментальные школы осуществлялся по конкурсу, то есть по знаниям, и поэтому в них попадали дети из всех социальных слоев общества. Это помогло мне избавиться от предрассудков, и я научилась уважать индивидуальные способности каждого.
Я любила свою школу, но, когда мне исполнилось пятнадцать лет, ушла из нее, с тем чтобы серьезно заняться музыкой. С тех пор я жила у бабущки по материнской линии.
Мы, звали ее Ома. Всем, что есть у меня хорошего, я обязана бабушке. Она проявляла бесконечное терпение, пытаясь понять волнующие меня проблемы, и помогала мне больше примером, чем советом, в преодолении моих трудностей. Она неустанно повторяла мне, что, поскольку она не сможет быть постоянно со мной и защищать меня, я должна в конце концов сама нести ответственность за свои решения. Чтобы подготовить меня к этому, она предоставляла мне полную свободу и полностью доверяла мне. В результате я никогда ничего не делала за ее спиной и всегда обсуждала с ней свои проблемы.
Ому совсем не смущал ее преклонный возраст, в семьдесят лет она брала уроки живописи, играла на фортепьяно и пела глубоким контральто. Она упражнялась ежедневно, чтобы совершенствовать свою технику. Добрый характер Омы привлекал к ней людей как магнит, и поэтому ее дом всегда был полон гостей, которых она, если это было необходимо, успокаивала и утешала, как своих родных.
Следующие два года я усердно трудилась, чтобы получить официальное свидетельство об образовании по классу фортепьяно, которое давало право быть преподавателем музыки. Расписание занятий у меня было менее напряженным, чем в музыкальной школе, но оно также требовало изучения контрапункта, гармонии, композиции и истории музыки. Я работала много, слишком много, и в результате перетрудила обе руки. Они оказались недостаточно сильными, чтобы дать мне какую-то надежду стать профессиональной пианисткой. Я довольно сносно справлялась с упражнениями, до тех пор пока мне не попадалось подряд много октав. Но когда я увидела программу выпускных экзаменов, мое сердце оборвалось. С гаммами и классическим произведением я могла бы справиться, однако последняя часть экзаменов включала произведение современного композитора с бесконечным рядом октав. Как бы я ни старалась разучивать этот пассаж, мои попытки всегда заканчивались судорогами обеих рук. Утром, накануне экзамена, у меня произошло несчастье: я резала довольно жесткий ржаной хлебец, как вдруг нож сорвался и глубоко порезал подушечку большого пальца левой руки. Если бы я не появилась на экзамене в тот день, это означало бы, что он будет отложен на целый год. Поэтому я туго перевязала рану и пошла на экзамен в надежде на счастье. Экзаменатор заметил мою повязку. Он оказался симпатичным человеком и, видимо, остался доволен тем, как я отбарабанила свои гаммы и сыграла произведения Баха и Бетховена. Когда дело дошло до виртуозной пьесы, повязка, к моему счастью, сорвалась и кровь залила клавиши. Экзаменатор сразу остановил меня и, поскольку его вполне устраивало то, что он уже слышал, поставил мне удовлетворительную оценку. Я не ожидала этого, ведь мне было всего семнадцать, на год меньше, чем студентам, которым обычно дается право преподавания, и я ликовала от счастья.
Но что мне было делать дальше? Я сознавала, что никогда не смогу давать концерты, а быть преподавателем мне не хотелось. Отказавшись от музыкальной карьеры, я поступила на двухгодичные курсы кройки и шитья и получила диплом. Занимаясь на курсах, я проводила вечера за тем, что рисовала с натуры, изучала искусство реставрации картин и брала уроки пения. Я изучала также машинопись и стенографию и делала попытки оформлять афиши и обложки книг. Я, конечно, была довольно занята, но никак не могла ни на чем остановить свой выбор.
Во время летних каникул мы поехали в Зайфенмюле, где, несмотря на мою любовь к этому месту, проводить целые дни на теннисном корте или в плавательном бассейне надоело мне до безумия. Поэтому я спросила у Омы, не могу ли я брать уроки у скульптора Каппса, который

жил недалеко от Зайфенмюле и недавно сделал мраморный саркофаг для нашего фамильного склепа. В то время он работал над огромной фигурой Христа, которая должна была украсить военный мемориал. Фигура изготовлялась из меди. Завороженная, я наблюдала, как он трудился, создавая фигуру по частям и затем соединяя металлические пластины воедино. Никогда раньше я не видела подобного метода работы. Я пробовала свои силы в изготовлении ваз с барельефом, а позднее занялась чеканкой серебряных тарелок, инкрустируя их полудрагоценными камнями. Но все-таки меня больше всего интересовала скульптура — особенно вырезание фигур из цельного куска дерева.
Моей первой резной работой была женщина, держащая в руках кролика (может быть, у меня в голове была мысль о Хаси?). Я была увлечена этим искусством, так как оно давало возможность использовать структуру дерева для передачи динамичности фигуры. Теперь мне казалось, что я нашла средство, с помощью которого смогу удовлетворить свое честолюбие художника.
Я была настолько поглощена резьбой, что не заметила, как Каппс стал проявлять ко мне повышенный интерес. Его брак с самого начала не был счастливым, а его знакомые в Заубсдорфе надоели ему, поэтому я, видимо, внесла новую струю в его жизнь. Пока он рисовал мой портрет, мне казалось, что он слишком пристально и довольно странно смотрит на меня, а когда позднее он сказал, что хотел бы изваять мою фигуру в обнаженном виде, я ответила отказом и уехала в Вену.
Мне было восемнадцать лет, я была высокой, стройной, но довольно несерьезной. Со своим вздернутым носиком я чувствовала себя Золушкой по сравнению с Трауте, которая имела красивые черты лица. Она пользовалась большим успехом у студентов, и ее всегда приглашали на вечеринки. Я лично считала большинство студентов скучными людьми, а многих определенно отталкивающими, поскольку их лица были «разукрашены» шрамами, полученными в поединках. Однако мне не хотелось чувствовать себя оторванной от того веселого мира молодежи, в котором жили Трауте, мои подруги и знакомые с курсов кройки и шитья.
Мы брали уроки танцев, чтобы подготовиться к нашему первому хофбургскому балу, который всегда проходил в императорском замке. С нетерпением ждала я этого торжественного вечера, но, когда он наступил, подумала, что кружиться в вальсе перед рядами глазеющих людей и пытаться улыбаться, когда партнер наступает тебе на ноги, слишком странная форма развлечения.
Чем больше я общалась со своими сверстниками, тем больше я убеждалась, что они более осведомлены в вопросах половых отношений, чем я. Не имея никого, кто мог бы поведать мне откровенную правду жизни, я при первой возможности пробралась в библиотеку, где нашла среди другой литературы несколько книг о рождении детей. Книги были содержательными, но довольно пугающими, поэтому я решила не вдаваться глубоко в этот предмет.
Однажды во время каникул я поехала кататься на лыжах и встретила молодого очаровательного венгра. Мы влюбились друг в друга, но вскоре он серьезно заболел и был вынужден уехать лечиться. Мы переписывались, а когда он выздоровел, то приехал в Вену повидать меня. У нас было много общих интересов, и он был приятным собеседником, но я чувствовала, что не люблю его настолько, чтобы выйти за него замуж, хотя он и пригрозил мне уйти в священники, если его предложение будет отвергнуто. Мы расстались друзьями, и я больше не встречала его в течение сорока лет. Когда мы наконец встретились вновь, он сообщил мне, что удачно женился, имеет милых детей, и я нашла, что он все еще очарователен. Наши дружеские отношения остались по-прежнему теплыми, и однажды я спросила его, обиделся ли он, когда я сказала, что не смогу выйти за него замуж. Он ответил, что, приехав в Вену повидать меня, конечно, надеялся на большее, чем дружба, но был поражен, увидев, насколько я выросла с тех пор, как мы вместе катались на лыжах во время каникул. Он признался, что считал неудобным при разговоре со мной смотреть на меня снизу вверх.
Я получила еще два предложения, которые отклонила настолько тактично, насколько могла. Затем у нас произошло внезапное и очень неожиданное событие: вышла замуж Трауте. Кто-то из наших друзей познакомил нас со своим кузеном, приехавшим в Австрию из Аргентины навестить тяжело больного отца. Ома пригласила его к нам на чай. Он пришел, но не проявил никакого особого интереса к Трауте. Вскоре отец его умер, и он собрался обратно в Аргентину. Каково же было наше удивление, когда он прислал с борта парохода письмо, в котором предложил Трауте поехать за ним следом в Буэнос-Айрес, где он работал инженером, и там

стать его женой. Она была в восторге и без колебаний дала свое согласие. Я недоумевала, поскольку полагала, что замужество должно основываться на взаимной любви и общности интересов обеих сторон. В случае с сестрой я не видела никаких признаков глубоких чувств с ее стороны к этому «внезапному» жениху, кроме лишь восторгов по поводу его необычной формы предложения, а также сильной ее возбужденности, связанной с предстоящей поездкой в Южную Америку. В действительности Трауте, как и я, была не подготовлена к замужеству, и оно оказалось неудачным. После рождения их единственного ребенка они вернулись в Австрию, где развелись.

Хотя у нас были совершенно разные характеры, с отъездом Трауте я почувствовала себя одинокой и очень обрадовалась, когда дядюшка Карл позвонил из Троппау
[1]
и пригласил меня присоединиться к нему и его подруге-актрисе в поездке по Италии. Дядюшка Карл был несчастлив со своей женой, и симпатии всех окружающих были на его стороне, когда он позволял себе различные выходки.

Ома и я часто встречали эту актрису и вполне понимали привязанность к ней дядюшки Карла. Поэтому мне было позволено принять приглашение. Проведенное время оказалось самым счастливым для всех нас. Это была моя первая поездка и в Швейцарию. Дядюшка Карл любезно уступил мне свою машину, так что я могла поехать, куда мне хотелось, чтобы ознакомиться с достопримечательностями. Я хорошо изучила горную долину Эигадин, посетила хижину, где создавал свои полотна Сегантини
[2]
, побывала на леднике, поднималась к истокам реки Инн. Я ездила также на итальянские озера и к доломитовым пещерам, много часов провела в картинных галереях Венеции и Милана. Наряду со всеми этими достопримечательностями мне доставляло большое удовольствие сознание того, что своим присутствием, а вернее, своим тактичным отсутствием я позволяла двум людям наслаждаться счастьем.

Во время поездки я совсем влюбилась в подругу дядюшки Карла, и, когда по возвращении в Вену у меня появилась мысль о карьере на сцене, она устроила мне встречу со своим антрепренером. Встреча состоялась в кафе «Сахер». Я вошла в хорошо обставленное и заполненное народом помещение. Там меня встретил пожилой горбун, который облизнул свой большой палец и провел им по моим бровям. Я остолбенела от удивления, а он засмеялся и сказал, что хотел всего лишь убедиться, натуральные они или подкрашенные. Потом он предложил пройти в отдельный кабинет. Я с радостью согласилась, боясь, что иначе буду публично подвергнута еще большему испытанию, чем протирка бровей слюнявым пальцем. Был холодный дождливый ноябрьский день, и от этого отделанная красным комната казалась еще более уютной. Коротышка сказал мне, что хочет испытать мои актерские способности и что я должна сыграть роль ревнивой жены, которая хочет отвадить своего мужа от его любовницы. Мне было предложено покинуть комнату и сказано, что, когда я вновь войду, я должна буду найти его играющим роль заблудшего мужа. Я вышла и подождала, пока он не позвал меня. Он выключил все лампы, кроме одной у кушетки, на которой расположился сам. Я медленно приближалась к нему, пытаясь сдержать свою веселость, вызванную этой сценой. К сожалению, заметив в его глазах явное ликование, когда он пытался сыграть роль плута, я рассмеялась, и это положило конец моей перспективе попасть на сцену.
Вскоре после этого мой тренер по верховой езде спросил меня, не пожелаю ли я выступить на белом жеребце в постановке Макса Рейнгардта «Мистерия». Представление должно было состояться на большой арене в Вене, и школе верховой езды было предложено выдвинуть кандидатуру девушки, хорошо сидящей в седле и умеющей управлять жеребцом. Я нашла все это очень интересным, но, когда стала обсуждать свои планы с Омой, она категорически отказалась разрешить мне сыграть эту роль.
Моей следующей авантюрой было обращение к профессиональному фотографу, который делал прелестные цветные фотографии, почти как миниатюры, с вопросом, не возьмет ли он меня в ученицы. До сих пор он отказывался учить кого-либо, боясь конкуренции, но мне удалось

убедить его, что я не собираюсь становиться его конкурентом, и получить согласие. В его студии я научилась подмечать в фотографии мельчайшие детали, что позднее пригодилось мне в моих зарисовках цветов, но в целом я не нашла искусство фотографирования особо привлекательным.
Мои отношения с матерью постепенно достигли критической точки. Мы, сестры, никогда не поднимали вопроса о нашем отце, но я чувствовала, что мне хочется защищать его, когда он подвергался нападкам со стороны моей матери. Что касается отчима, признать которого она постоянно пыталась заставить нас, то я ревновала к нему мать и временами просто ненавидела его за то, что он отдалял ее от нас. Некоторое время я навещала свою мать, но только тогда, когда была уверена, что ее муж отсутствует. Я любила эти посещения, во время которых мы занимались музыкой или вместе рисовали эскизы. То были редкие случаи, когда моя мать принадлежала мне. Но она стала использовать эти посещения, чтобы расхваливать отчима, противопоставляя его моему отцу, и в конце концов я перестала навещать ее.
Я очень редко видела своего отца, поскольку после того, как он вновь женился, он построил себе виллу в Троппау. Но всегда, когда я встречалась с ним, он был любезен, интересовался, чем я занимаюсь, и никогда не пытался вмешиваться в мою жизнь или в чем-то меня упрекать. Изредка мы переписывались.
Однажды утром, когда я работала в студии фотографа, моя мать позвонила мне. Она никогда не делала ничего подобного ранее, и я испугалась. Холодным, совершенно безучастным голосом она сообщила мне, что только что слышала, будто мой отец умер. Последнее время отец болел, но я не думала, что опасность столь велика. Далее моя мать сказала, что, как показало вскрытие, он умер от неизвестной болезни селезенки. Я едва успела положить трубку и рухнула без сил.
Ома делала все возможное, чтобы предотвратить окончательный разрыв между мной и матерью, и в то время была исключительно нежна и чутка ко мне.
Я особенно хорошо помню, как однажды накануне рождества я отказалась поехать к матери, где, как я знала, должна была встретиться с отчимом. Ома вошла в мою комнату, крепко обняла меня и подарила мне брошь, которой она дорожила больше всего. Это была камея с прелестным изображением богини Дианы с орденом Золотого руна. Камея была в золотой оправе с брильянтами и имела удивительную историю.
Она была подарена императором Францем-Иосифом барону фон Седлницкому. Ома была знакома с внучкой барона, которая унаследовала камею, а после смерти внучки Ома приобрела ее. Это был редкий экземпляр, поскольку богиня на камее была изображена в полный рост. Камея представляла также исключительный интерес и потому, что она была вручена фон Седлницкому вместо ордена Золотого руна, которым награждали только знатных аристократов. Орден Золотого руна был учрежден в 1429 году Филиппом Добрым и являлся высшей в Европе наградой для рыцарей.
Когда Ома приколола мне брошь, чтобы утешить меня в этот печальный день, она сказала: «Я хочу, чтобы ты всегда была счастлива, когда носишь ее». Я очень дорожила камеей до того самого дня, пока тридцать пять лет спустя она не была у меня похищена.
Мы были знакомы с довольно многими художниками, и я несколько раз позировала для портрета. У меня до сих пор хранится набросок Вальтера Клира, который я люблю больше всего. Анри де Бувар нарисовал меня маслом во весь рост. Другой наш друг-художник изобразил головку девушки с карими глазами, с янтарного цвета волосами и узким личиком. Как картина, она была потрясающей, но, зная, что у меня голубые глаза, белокурые волосы и круглое лицо, я была поражена, когда он сказал, что видит меня такой. Я никогда не понимала, что привлекает людей к модернистскому искусству, будь то искусство импрессионистов, футуристов или абстракционистов.
На предварительном осмотре выставки в Сецессионе, крупнейшей венской галерее современной живописи, я получила пригласительный билет на «Гшиас», известный шутовской маскарад богемы. Хотя хофбургский бал мне не понравился, мне очень хотелось попасть на этот новый праздник, представляющий собой апогей венского карнавала. С помощью одного способного студента-живописца мое белое атласное хофбургское платье было превращено в карнавальный костюм, в котором половина атласа была покрашена красками, так же как и часть моей кожи. Это было, конечно, оригинально, и с неохотного благословения Омы я отправилась в Кунстлерхауз, где знакомые комнаты с помощью смелых фресок были превращены в весьма привлекательную сцену. Я была очарована и напугана одновременно, и моей первой реакцией

было побыстрее осмотреть все вокруг и стрелой помчаться домой, но прежде, чем я смогла выбраться из пестрой толпы, меня обнял за плечи апаш в маске. Со словами «ты моя» он увлек меня. Так началась моя первая любовь. Когда же через два года она закончилась, я осталась с подаренной мне маленькой таксой по кличке Плинкус и глубокой раной в сердце, залечивать которую пришлось долгие годы.

В то время в Вене зародился и приобрел широкую популярность психоанализ. Захваченная общим увлечением, я стала наблюдать за всеми, кого мне приходилось встречать, чтобы подметить, ведут ли они себя в соответствии с психоаналитическими теориями, о которых я читала, и толковать их поступки как проявление подсознания. Мои друзья предупредили меня, что я смогу оценить преимущества новой науки только в том случае, если сама буду готова подвергаться анализу, и я ежедневно по часу безропотно расслаблялась, сидя на кушетке в квартире известного психоаналитика. По его требованию я говорила обо всем, что мне приходило в голову. Предполагалось, что, поступая таким образом, человек, не задумываясь, будет обнаруживать свои чувства, которые в свое время были подавлены.

Занимаясь психоанализом, я посещала также лекции по психиатрии на медицинском факультете. Изучение случаев психических заболеваний позволило мне кое-что узнать о трагедиях, постигающих многих людей. Но более глубокое исследование этих аномалий пугало меня. Поэтому в поисках здоровой основы, которая могла стать целью моей жизни, я вернулась к занятиям скульптурой.

Ома, зная о моей возрастающей депрессии, поощряла меня брать уроки у известного скульптора профессора Вильгельма Фрасса. Его студия находилась в Пратере, лесопарке, который тянется вдоль Дуная и одно время был местом королевской охоты. Небольшой участок Пратера близ Вены иногда использовался для международных выставок. В 1873 году, когда в Австрии проводилась всемирная выставка, там были построены два стоящих друг против друга больших здания, напоминающих греческие храмы. Позднее они были превращены в студии для художников, создававших монументальные полотна.

Был чудесный весенний день, когда после прогулки в лесу я добралась до этих двух греческих храмов, постояла у фонтана, потом прошла по вымощенным плитами ступеням, ведущим к портику, и постучала в дверь студии.

Фрасс приветствовал меня. На нем был белый халат и белая шапочка, прикрывавшая его седые волосы. Улыбаясь, он сказал: «Какой приятный сюрприз, что именно вы решили стать моей ученицей, с тех пор как я увидел вас на художественной выставке, мне хотелось сделать с вас скульптуру». С этого момента мы стали большими друзьями, а вскоре я подружилась и с семьей скульптора. С его женой и двумя сыновьями я провела много счастливых вечеров, исполняя камерные музыкальные произведения.

Что больше всего восхищало меня во Фрассе — это его манера выполнять все самому, от первоначального замысла до завершения работы. Очень немногие скульпторы поступают таким образом.

От него я узнала, насколько важно сделать такой набросок фигуры, чтобы он удовлетворял требованиям материала, в котором она будет воплощена, поскольку камень, мрамор, бронза, воск и дерево предъявляют различные требования к скульптору. Создание фигуры из целого куска дерева или камня казалось мне более привлекательным, чем работа с глиной. Поэтому я вернулась к резьбе по дереву и сделала несколько обнаженных фигур.

Одно время я стала увлекаться индонезийской резьбой по дереву и намеревалась поехать на остров Бали, чтобы поучиться у Вальтера Шписса, который там жил. В ответ на мое письмо он сообщил, что я должна либо иметь определенные доходы, либо выйти замуж за голландского плантатора, но, поскольку я не располагала средствами, чтобы жить в Индонезии, и у меня не было желания выходить замуж за голландского плантатора, я отказалась от этой идеи. Мне подумалось, что можно также поехать с человеком, намеревавшимся исследовать Соломоновы острова, на которых местные жители также занимались резьбой по дереву. Однако, когда этот исследователь сказал, что, если я поеду с ним, он оставит свою жену и я должна буду стать его любовницей, мне пришлось отказаться и от этого замысла.

Конечно, я хотела бы выйти замуж, но я не встретила еще такого человека, с которым могла бы соединить свою жизнь. Поэтому я много времени проводила в одиночестве, подолгу гуляя в лесу или катаясь на лыжах и стараясь быть как можно ближе к природе и как можно дальше от общества.

Внезапно в моей жизни появился новый интерес. Мои друзья студенты-медики устроили так, что я смогла побывать вместе с ними в прозекторской. Они предупредили меня, что мне может стать дурно, но я была настолько заинтересована соединением костей, сухожилий и тканей, что не думала о последствиях. Действительно, я так увлеклась, что решила бросить скульптуру ради медицины. Это означало, что мне придется потратить два года для подготовки к вступительным экзаменам, которые позволят поступить в университет, и в то же время мне придется освежить в памяти латынь. Бедная Ома! Только теперь, когда я пишу о тех временах, я сознаю, как прекрасно она понимала меня и как глубоко любила. Мне было двадцать три года, многие мои родственницы и подруги уже вышли замуж или работали. Только я, решившая вновь пойти учиться и потратить на это семь лет, как всегда, оставалась далекой от какого-либо определенного дела и представляла тяжелое финансовое бремя для Омы.

Мои новые занятия давались мне нелегко. Я никогда не была сильна в математике, химии или физике, а на подготовительных курсах не имела доступа в лаборатории и поэтому часто впадала в отчаяние. Было трудно также учиться с людьми моложе меня, и много часов уходило на домашние задания, которые почти не оставляли времени для встреч с интересными учеными и художниками или для лыжных прогулок в конце недели, которые я так любила.

Именно на одной из таких прогулок я и встретила Виктора фон Кларвилла, известного среди друзей как Цибель, которого они считали одним из самых эксцентричных людей в Вене. Он рассказывал мне о своем увлечении птицами, о любви к природе, о желании избавиться от сложностей городской жизни и о том, как, мечтая об этом, он переписывался с Аленом Жербо, жившим тогда на Маркизских островах. Цибель думал поехать к нему, но Жербо ответил, что предпочел бы, чтобы острова остались для него одного.

Мы виделись каждый день, но я была очень удивлена, когда через три недели Цибель сделал мне предложение и настаивал, чтобы мы поженились немедленно. Он умолял меня прервать занятия, уверяя, что мне никогда не придется зарабатывать себе на жизнь, и обещал, что мы вместе подыщем домик, который будет соответствовать нашим мечтам. Мы поженились весной 1935 года.

Цибель был преуспевающим бизнесменом, имел много друзей и страстно увлекался лыжами. Летом мы много путешествовали, а зимой катались на лыжах. Мой муж избаловал меня, стараясь изо всех сил сделать мою жизнь как можно более беззаботной, но именно этим он бессознательно делал ее еще труднее.

Мы очень мало знали друг друга до женитьбы, чтобы я могла понять, насколько различны были наши взгляды на жизнь. Я пыталась разделять взгляды мужа и понять его поведение, но и то и другое было чуждо мне, и это омрачало наш брак. Я также считала светскую жизнь, которую теперь вела, совершенно пустой и терпела ее лишь постольку, поскольку сознавала, что скоро наступит момент, когда мы найдем себе местечко, где сможем жить так, как хотели.

Мы написали письма губернатору Таити и некоторым лицам на Тасмании и в Калифорнии, но безрезультатно. Теперь мы переписывались со швейцарским фермером, обосновавшимся в Кении. Цибель не хотел сжигать свои корабли в Вене до тех пор, пока не будет знать, понравится ли мне Африка, и поэтому предложил, чтобы я отправилась туда вначале одна, пожила в семье фермера и присмотрелась к стране. Он не хотел, чтобы люди знали, что мы собираемся покинуть Австрию навсегда, и настаивал на том, чтобы моя поездка в Африку осталась в тайне.

По пути на машине в Геную, где я должна была сесть на пароход, мы остановились в Каринтии у наших друзей. Мы застали их обсуждающими удивительные способности местного предсказателя судьбы. Я довольно скептически относилась к людям такого рода, но этому человеку, безусловно, принадлежал ряд впечатляющих предсказаний. Я решила, что было бы любопытно испробовать его способности, и написала два вопроса: останусь ли я жить там, где я нахожусь сейчас, и будут ли у меня дети? Я не подписала письма и не оставила своего адреса, а просто запечатала письмо в конверт и попросила друзей сохранить ответ до тех пор, пока я не затребую его.

В Генуе я простилась с Цибелем. Раньше я никогда не выезжала из Европы, и путешествие в одиночку пугало меня. Но Цибель успокоил меня своей убежденностью, что все обернется лучшим образом для нас обоих.

Когда пароход отчалил, я стояла на палубе и смотрела, как он становился все меньше и меньше, пока окончательно не исчез в прибрежной дымке. Это было 12 мая 1937 года.

Знакомство с Африкой

На рассвете следующего дня впервые передо мной предстала Африка. Взбежав на верхнюю палубу, я увидела словно сошедших с египетского фриза мускулистых бородатых суданских носильщиков, поднимавшихся по трапу.

Мы прибыли в Порт-Саид. Ослепительный дневной свет, незнакомые запахи гавани, белые постройки с плоскими крышами, яркие одежды людей — все это пленило меня. Ни в одной из многих европейских стран, где я побывала, мне не приходилось видеть ничего подобного, и вместе с тем я почувствовала себя здесь как дома.

Когда стало известно, что нашему судну потребуется два дня, чтобы пройти через Суэцкий канал, я решила присоединиться к группе пассажиров, которые направлялись в Каир и намеревались вернуться обратно на судно в Порт-Судане. Мы побывали на базаре, выпили кофе из крошечных фарфоровых чашечек и отведали фиников. На посещение музея и ознакомление с его экспонатами, относящимися к эпохе фараона Тутанхамона, нам было отведено лишь полчаса. Затем наша группа отправилась на большой официальный завтрак в отель «Шефердс». Но на меня даже беглый осмотр музея произвел такое впечатление, что я не пошла на этот завтрак, а осталась в музее, с тем чтобы ознакомиться получше с его удивительными экспонатами.

Позднее, когда мы на верблюдах объезжали пирамиды в Гизе, прибыл агент, руководивший всей поездкой, и сообщил, что наше судно прошло через Суэцкий канал гораздо быстрее, чем это предполагалось. У нас не осталось больше времени на осмотр остальных древних памятников, мы должны были взять такси и мчаться по пустыне, чтобы успеть на судно. Но когда мы уже в темноте добрались до Порт-Судана, никаких признаков нашего судна там не было. В единственном отеле в Порт-Судане мы провели ночь в очень стесненных обстоятельствах. Поскольку и на следующее утро наше судно еще не прибыло, мы наняли лодку со стеклянным дном, и я открыла для себя в воде новый мир непередаваемой красоты. Над кораллами всех цветов и оттенков скользили необычайно красивые рыбы — одни проплывали среди туннелей и расщелин большими косяками, другие стремительно проносились в одиночку между яркими водорослями. Это были рыбы самых неправдоподобных форм, и их радужные цвета сверкали в приглушенном свете подводного царства.

Сама того не подозревая, я усвоила правило, которое затем стало характерным для моей жизни в Африке: я отправлялась в поиски за чем-то таким, чего я никогда не находила, но зато открывала при этом сокровище, гораздо более значительное, чем надеялась открыть.

Когда мы наконец дождались наше судно, я заметила несколько новых пассажиров, прибывших на нем из Каира. Среди них был один человек, пробудивший во мне необычное чувство: мне казалось, будто бы я знала его всю жизнь.

На следующее утро он пригласил меня сыграть с ним в теннис на палубе и представился мне как Питер Балли, сказав при этом, что он швейцарец. В последующие дни я узнала, что Питер занимается ботаникой и проводил исследования лекарственных свойств растений в Индии. Он изучал возможность выращивания таких растений в целях возрождения гомеопатии, для которой характерно меньше вредных побочных явлений, чем для применяемых в настоящее время химических лекарств. Питер показал мне написанную нм по этому вопросу книгу, которая была недавно опубликована в Швейцарии, а также рассказал о своем намерении продолжать исследования в Южной Африке. Однако сначала он должен был остаться в Кении, чтобы ознакомиться с ботанической коллекцией музея в Найроби, а также чтобы оборудовать автомобиль, сконструированный им для своих будущих путешествий. Он должен был быть настоящим домом на колесах.

К тому времени, когда мы добрались до Момбасы, мы еще больше сблизились, и Питер поведал мне о споем неудачном браке и о том, что он начал дело о разводе. На этом мы расстались: Питер остался в Найроби, а я направилась навестить семью швейцарского фермера.

Я разрывалась между возникшим у меня чувством к Питеру и сознанием того, что Цибель меня любит и доверил мне поиски дома для нас в Кении. Так продолжалось несколько недель, но,

когда Питер неожиданно приехал навестить меня, мы поняли, что не можем жить друг без друга.
После этого мне стало ясно, что существует только один выход: я должна немедленно вернуться в Вену и обсудить создавшееся положение с Цибелем. Добравшись туда, я узнала, что по моим письмам он уже догадывался, что со мной что-то случилось, но, когда я рассказала ему о Питере, он был совершенно подавлен.
Решив еще раз проверить прочность нашего брака с Цибелем, я договорилась с друзьями о переезде к ним в Цюрих. Мне трудно было сидеть без дела, и с разрешения директора Цюрихского музея естественной истории доктора Фогта я присоединилась к группе студентов, производивших раскопки на вершине холма в центре города. В средневековую эпоху там был построен форт, под которым обнаружили остатки гораздо более древнего фортификационного сооружения. Вначале доктор Фогт сомневался, что я смогу выдержать суровые условия, в которых работали студенты, но скоро увидел, что я с этим справляюсь, и мы стали впоследствии большими друзьями. Несмотря на мои искренние попытки улучшить отношения с Цибелем, они продолжали ухудшаться. В конце концов он поступил весьма благородно и, насколько это было возможно, старался облегчить наш развод. Мы расстались друзьями, и я рада, что через несколько лет он женился снова и как будто счастлив и до сих пор.
Вернувшись в Австрию, я поинтересовалась ответами, которые дал карнитийский прорицатель на мои вопросы. Он предсказал, что я буду жить в тропиках, что мне следует получше изучить английский язык и что у меня не будет детей. Узнав эти предсказания, я была все же преисполнена решимости не считаться с ними. В марте 1938 года я отплыла в Кению. В день моего отъезда по радио было объявлено о захвате Австрии Гитлером. Эта страшная весть омрачала всю мою казавшуюся бесконечно долгой поездку.
Когда я приехала в Найроби, то оказалось, что у Питера был для меня замечательный сюрприз: он получил должность ботаника в музее города Найроби и нам предстояло провести чудесный медовый месяц. Музей недавно получил субсидию на организацию трехмесячной экспедиции для изучения горной цепи Чиулу, и Питер был включен в группу сотрудников музея, только что начавшую исследование этого неизученного района. Меня пригласили присоединиться к нему.

> Горная цепь Чиулу представляет собой вулканическую гряду, протянувшуюся почти на пятьдесят километров по границе между Кенией и Танганьикой
> [3]
> и на полпути между Момбасой и Найроби. Поскольку этот район безводный, сюда забредают лишь охотники-браконьеры из некоторых местных племен в поисках буйволов и антилоп. Чиулу — молодое горное образование, сформировавшееся около тысячи лет назад. Ее северо-западная часть представляет собой почти бесплодные наслоения застывшей лавы, а склоны кратеров, покрытых лапиллями
> [4]
> , практически лишены всякой жизни. В самих кратерах образование гумуса еще только началось, и поэтому растительность здесь весьма скудная. В юго-восточной части Чиулу природные условия улучшаются, и там растут густые тропические леса с богатой фауной. Таким образом, на этой горной цепи можно было сразу изучать и развитие растительности, и те формы жизни, которые от нее зависят.

До сих пор в коротких экскурсиях с Цибелем палатки служили нам лишь простым укрытием на ночь. Поэтому жизнь в течение трех месяцев под тентом таких просторных палаток, в которых размещались зоолог, палеонтолог, энтомолог, геолог и ботаник, оказалась необычной для меня. У нас была также полевая лаборатория, хранилище для продуктов и кухня, не говоря уже о жилище для обслуживающего персонала и носильщиков.
Железнодорожная станция Кибвези служила базой, откуда около ста пятидесяти носильщиков доставляли нам продовольствие и почту.
Нашу первую ночь мы провели недалеко от Кибвези в большом хозяйстве, где занимаются производством сизаля. Здесь мы познакомились с инспектором по охране животных этого района Мак-Артуром, человеком лет сорока, жизнерадостным и обладающим чувством юмора. Будучи работником предприимчивым, он вынашивал план создания национального парка с охотничьим домиком на полпути между Момбасой и Найроби. Его мечта сбылась в 1948 году,

когда был создан национальный парк Цаво (Восточный и Западный). Несколько раньше он построил гостиницу Мака, известную сейчас многим посетителям как охотничий домик Мтито Ндеи.
Мак-Артур рассказал нам о недавно ожившем вулкане в юго-восточной части горной цепи Чиулу и возникших вокруг него, очевидно, бездонных кратерах, в которые браконьеры сбрасывают улики своих преступлений. Впоследствии, когда мы бросали туда камни, обернутые пропитанной бензином бумагой и поджигали ее, мы представили, насколько глубокими они должны быть, так как никогда не слышали, чтобы камень ударялся о дно. Тридцать восемь лет спустя я взобралась на вершину этого вулкана, получившего название «Шайтан», что на языке суахили означает «дьявол». Извержение лавы к тому времени уже закончилось, однако затвердевшая кора с тщательно обозначенной тропинкой, по которой я шла, отдавала тревожной пустотой, и ряд запретных зон указывал на то, что вулкан еще не совсем потух.
По пути из Кибвези в горный район Чиулу мы пересекли поля, покрытые высохшими стеблями сахарного тростника; местные жители из племени вакамба покинули их еще до наступления засухи, уничтожившей посевы.
Носильщики с питьевой водой ушли вперед, и после изнурительного перехода по труднопроходимой местности мы испытывали невыносимую жажду. Чтобы помочь нам, проводник привел нас к тропе, протоптанной когда-то слонами. В рытвинах сохранилось немного влаги, похожей на густую чечевичную похлебку, — это все, что осталось от последних дождей. Он предложил собрать воду, вскипятить ее и напиться. На вид она была отвратительной, однако, не последуй мы его совету, мы могли бы погибнуть от жажды. Пришлось пить эту омерзительную жидкость, но, так как мы ее прокипятили, никто из нас не заболел. Происшедший с нами случай научил меня никогда не отправляться в продолжительные экспедиции без запасов воды. И впоследствии, когда меня спрашивали, что, по-моему, самое важное в жизни, надеясь, очевидно, услышать, что я скажу — «здоровье» или «счастье», я неизменно отвечала — «вода».
Когда мы прибыли в лагерь, расположенный на северо-восточных склонах Чиулу, меня представили директору музея д-ру Ван Сомерену и его сотрудникам. К тому времени Питер решил, что мои имена Фридерика Виктория слишком трудно произносить, и дал мне новое имя — Джой. С тех пор я и ношу это имя.
Наш лагерь разместился рядом с единственным на всей почти пятидесятикилометровой вулканической гряде родничком пресной воды, да и то он был настолько небольшим, что для наполнения одной восемнадцатилитровой канистры требовалось двадцать четыре часа. Поэтому воду приходилось расходовать очень экономно и вместо душа обтираться губками.
Чтобы не сидеть без дела, я стала делать зарисовки растении, собранных Питером. Тогда я впервые использовала акварельные краски, но результаты разочаровали меня, и я разорвала свой набросок. Однако Питер, который сам очень тщательно зарисовывал цветы, собрал обрывки, склеил их клейкой лентой и посоветовал мне продолжать занятие. Я до сих пор храню этот первый рисунок цветов, который напоминает мне о том, как хобби скоро переросло в одно из основных занятий моей жизни.
Вместе с Питером мы проводили целые дни, собирая скудную растительность на голых, покрытых мелкими обломками склонах и роя траншеи на дне кратера, с тем чтобы определить мощность образовавшегося слоя гумуса и укоренившуюся там растительность.
Хотя высота горной цепи не превышала 2100 метров, ее нередко окутывал густой туман, и наша одежда становилась влажной. Дров практически не было, поэтому по вечерам мы часто располагались погреться вокруг керосиновой печки, которую Питер взял с собой для сушки растений. Однако за все эти неудобства я была вознаграждена тем, что передо мной открылся новый чудесный мир. У д-ра Ван Сомерена была большая коллекция птиц, и каждая из них представляла собой совершенный пример эволюции. Смотришь на первую и последнюю птицу в каком-либо ряду, и трудно поверить, что они все относятся к одному и тому же виду, если, разумеется, не обращать внимания на постепенное изменение цвета отдельных особей в зависимости от возраста, брачного сезона и различий в среде их обитания.
От Ван Сомерена я узнала, что пигмент многих птичьих перьев не является стойким. Он продемонстрировал это, поместив темно-красные перья турако в воду на несколько дней, а затем разложив их на солнце. Они обесцветились до бледно-розовых.

Орнитология, несомненно, была интересным занятием, но я понимала, что она не для меня, поскольку орнитологу приходится часто убивать пернатые существа, а я слишком любила живых птиц.
Я часто наблюдала, как энтомолог препарировал насекомых. Меня восхищала защитная окраска бабочек — когда они складывали крылышки, их можно было принять за листочки, — а также небольшие скопления цикад-флатид, которые, сгрудившись на стебле растения, могут стать похожими на цветок и таким образом обмануть своих врагов.
Через месяц мы перенесли наш лагерь в центральную часть горной цепи, и хотя там тоже отсутствовала грунтовая вода, однако была обычная для такой высоты растительность, и мы с Питером собрали растений больше, чем вмещали наши прессы.
Питьевая вода была большой драгоценностью, поскольку ее приходилось доставлять из родника почти за пятнадцать километров в дополнение к недельному запасу, поступавшему из Кибвези. Когда приносили воду, мирная тишина лагеря нарушалась громкими голосами носильщиков, всегда шутивших, несмотря на то что им приходилось нести тяжелую ношу. Казалось, что они чуть ли не боготворят Питера, подчиняются его распоряжениям с большей готовностью, чем приказаниям других членов группы, имевших гораздо больший опыт общения с африканцами! Это было для нас загадкой, пока мы не установили, что авторитет Питера объясняется тем, что он левша, а племена вакамба считают, что лев убивает свою добычу левой лапой, поэтому и носильщики полагали, что Питер наделен такой же силой. Другое его преимущество заключалось в том, что он иногда носил монокль; носильщикам монокль представлялся несказанным богатством.
Вакамба — единственное племя в Кении, украшавшее свою деревянную утварь резьбой. Они высоко ее ценили и очень редко продавали какой-нибудь ковшик, гребень или тотемную фигурку животного. Чтобы приобрести интересную вещь, приходилось упорно торговаться несколько часов. Однако менее чем за тридцать лет разные изделия вакамба стали предметом торговли, и теперь их продают на улицах Найроби, Лондона, Стокгольма и Нью-Йорка. На каждом изделии есть штамп, подтверждающий, что оно сделано руками вакамба. Но налаженное массовое производство резных фигурок лишает их индивидуального стиля прежних резчиков. И иногда я задаюсь вопросом: не вырождается ли дух, побуждающий художников к самовыражению, в результате того, что их произведения стали теперь источником доходов?
Переместившись в юго-восточную часть горной цепи, мы разбили наш лагерь у кромки тропического дождевого леса. Когда я скрывалась от палящих лучей солнца в полумраке леса, мне казалось, будто я иду под сводами прохладного купола, поддерживаемого какими-то странными колоннами. Кроны деревьев настолько плотно смыкались над головой, что почти не пропускали солнечных лучей, а влага, источаемая пышной растительностью, не успевала испаряться и каплями стекала с листа на лист до тех пор, пока не достигала земли, представлявшей собой рыхлую массу гниющих остатков растительности.
Тишина этого мира подавляла; лишь изредка она нарушалась звуками падающей ветки или далекими криками какой-либо птицы.
Мы проникали в лес постепенно, шаг за шагом, прорубая перед собой узкий проход. Для отбора образцов растительности Питер протягивал с одной из сторон от прохода в глубь подлеска десятиметровую бечевку и потом рассматривал — каждое растение вдоль нее. Когда нам хотелось пополнить свою коллекцию цветком, растущим на верхушке дерева, мы часто сбивали его стрелой из лука, сделанного по замыслу Питера.
Трудно представить себе больший контраст между нашими исследованиями в тропическом дождевом лесу и исследованиями тонкого слоя гумуса и укоренившихся на нем отдельных растений в районе нашего первого лагеря. Здесь обнаружить гумус нам не удавалось, поскольку он находился под толстым слоем гниющей растительности.
Несмотря на то что воздух в лесу был перенасыщен влагой, проблема воды для нас оставалась по-прежнему серьезной, и мы были вынуждены рано утром собирать росу с травы простынями и отжимать из них воду в сосуды.
Нам на помощь пришли носильщики из племени вакамба, обратив наше внимание на небольшое дерево, горький и вяжущий сок которого превращается в чистую питьевую воду, когда дерево начинает гнить. Питер определил, что это был дикий банан (род Musa). Лишь из одного такого дерева мы получили более двухсот литров жидкости. Это разрешило не только

проблему питьевой воды, но и позволило спасти наше белье, ставшее уже довольно ветхим, — теперь его можно было постирать.
Совершая с Питером ежедневные переходы по труднопроходимой местности в поисках растений, я стала ощущать недомогание, но думала, что это результат моих физических нагрузок. Я мужественно терпела боли, однако через некоторое время ходить стало невозможно, и вскоре у меня произошел выкидыш. Не означало ли это, что каринтийский прорицатель был, в конце концов, прав? Меня это сильно угнетало.
После того как мы с Питером возвратились в Найроби, д-р Джекс-Блейк, редактор книги «Садоводство в Восточной Африке», собиравший в то время материалы для второго издания, и его жена Мюриель попросили меня познакомить их с моими зарисовками цветов. Меня это очень смутило, так как я не считала свои рисунки выполненными настолько хорошо, чтобы показывать кому бы то ни было, не говоря уже о таком знатоке, как Мюриель. Ей принадлежал великолепный сад в Уилтшире в Англии; ею было основано Общество садоводства Кении, а в Найроби создан замечательный сад из местных растений Восточной Африки. Я боялась показывать им свои рисунки, но теперь избежать этого было невозможно.
Джекс-Блейки долго изучали мои работы, а затем спросили меня, не пожелаю ли я иллюстрировать книгу «Садоводство в Восточной Африке». Я совсем недавно начала рисовать и не представляла себе, каким образом мне удастся справиться с такой задачей, поскольку выполнение ее потребовало бы отбора растений, произрастающих от уровня моря до горных вершин, и означало бы завершение всей работы в установленные сроки. Я высказала свои опасения, но Джекс-Блейки, успокоив меня, убедили начать работу. С первой же встречи мы стали с ними большими друзьями. Я проиллюстрировала и второе и последующие издания «Садоводства в Восточной Африке». Всего мною было проиллюстрировано семь книг по флоре Восточной Африки, в том числе несколько книг по деревьям и кустарникам.
Леди Мюриель, будучи сверстницей Омы, имела с ней много общего. Она была такой же душевной и мудрой женщиной, способной оказать моральную поддержку. А это мне иногда требовалось, потому что я с трудом приспосабливалась к английским нормам поведения. Если в Австрии эмоциональные порывы были вполне приемлемы и даже считались положительной чертой характера, то здесь на них смотрели с неодобрением. Более того, хотя к нам с Питером люди относились дружелюбно, но, поскольку он был швейцарцем, а я — австрийкой, нас, естественно, считали иностранцами, и я испытывала чувство отчужденности.
Чтобы укрепить мою уверенность в своих силах, Мюриель организовала выставку моих рисунков в Найроби. Они получили хорошую оценку, и несколько лет спустя она убедила меня показать их на выставке Королевского общества садоводства в Лондоне. За эти рисунки я получила золотую медаль Гренфел, и мне даже была предложена должность официального художника по цветам в Кью-Гарденс, но я отказалась от этого предложения, поскольку теперь мой дом был в Кении.
Сразу же после возвращения из экспедиции на горную гряду Чиулу Питер подарил мне щенка керн-терьера. Мы полюбили друг друга с первого взгляда, и терьер Пиппин стал моим лучшим другом. Мы брали Пиппина с собой в каждое путешествие, неизменно покрывая его москитной сеткой, если находились в районе распространения мухи цеце, чтобы предохранить от заболевания сонной болезнью.
Пиппин оказался замечательным певцом. Когда я пела, он присоединялся ко мне. Если я повышала голос, он подвывал на высоких тонах, если я понижала голос, то же самое делал и он. Для развлечения наших друзей мы отрепетировали своеобразный номер, в котором я пела арию из «Аиды», а Пиппин, стоя у меня на коленях, подвывал настолько точно, что наш дуэт получил широкую известность.
До восхождения на гору Килиманджаро мы с Питером по заданию музея отправились на три недели в очень жаркий район, где он занимался сбором ценного лекарственного растения. Такие травы Питер обычно отправлял в лаборатории Циба или Сандос, откуда после всесторонних исследований они уже выпускались как готовый препарат в широкую продажу.
За время нашего отсутствия в Кении было обнаружено несколько случаев заболевания бубонной чумой, и по возвращении в Найроби мы должны были сделать прививки — три укола, обычно с интервалами в несколько дней. Но это могло бы сорвать мой план восхождения на Килиманджаро с нашим другом Томасом, ботаником, работающим в Ботаническом саду города

Энтеббе, находящегося неподалеку от столицы Уганды Кампалы. Поэтому мне ввели сразу тройную дозу вакцины, которая не вызвала у меня никаких болезненных ощущений.
Восхождение на гору Килиманджаро многие обычно начинают из небольшого населенного пункта Марангу в Танзании; именно здесь я и встретилась с Томасом. Нам сказали, что восхождение займет три дня и что для этого нам потребуется нанять не только проводника, но и семь носильщиков. Из продуктов мы предпочли взять изюм, орехи и шоколад, отказавшись от таких более тяжелых продуктов, как яйца, вареное мясо и сыр, предложенных нам в гостинице.
В первое утро нашего пути мы шли густым лесом, где гигантский вереск достигал почти пятиметровой высоты, лианы свисали плотными занавесями, а над берегами небольших горных потоков раскинул свои кроны древовидный папоротник.
Флора была удивительной, но нам пришлось ограничиться только краткими записями, поскольку носильщики и так уже были сильно нагружены. К полудню мы добрались до «Приюта Бисмарка» на высоте более 2500 метров, который был построен немцами еще до первой мировой войны. Я порывалась идти дальше, но нас предупредили, что разумнее было бы привыкать к высоте постепенно, и мы провели остаток дня, изучая растения и наблюдая за птицами в окрестностях домика.
После холодной и бессонной ночи мы рано утром двинулись дальше. Сначала путь пролегал через лес, а затем мы вышли на поросшие вереском склоны, где наши предшественники, к счастью, оставили хорошо протоптанную тропу. Самым эффектным растением здесь была напоминавшая огромную свечу гигантская лобелия; мы насчитали несколько ее видов. Стоявшие прямо, будто закоченевшие от холода на рассвете, растения приютили в своих цветках очень редких клещей, которых просил меня собрать для него энтомолог музея в Найроби. Мне оставалось лишь потрясти полутораметровые стебли растения, чтобы стряхнуть насекомых в мою бутылку с эфиром.

> Другим поразившим нас растением был гигантский крестовник
> (Seneco).
> Мы провели интересный день под вздымавшимся над нами покрытым снегом пиком Килиманджаро, описывая все встретившиеся растения.

В полдень следующего дня мы добрались до «Приюта Питерса» на высоте около 4000 метров и остались здесь до конца дня. Воздух был свежим и бодрящим, открывавшийся отсюда вид — великолепным. Берега небольшого ручья были покрыты крошечными яркими цветами.
На третье утро мы добрались до седловины между вулканами Килиманджаро и Мавензи. Последний представляет собой зазубренный конус, и, если бы его кратер не разрушился, он был бы выше Килиманджаро. Подниматься на Килиманджаро сравнительно легко, здесь не требуются ни веревки, ни альпенштоки, и всякий, кто выдерживает недостаток кислорода на высоте 5895 метров, может подняться на эту вершину.
Седловина была покрыта редкой жесткой травой, и поэтому мы были удивлены, когда увидели там следы канны, крупнейшей африканской антилопы — ее вес достигает почти 700 килограммов. Никаких признаков других животных мы не обнаружили. Мы было уже подумали, что гора принадлежит исключительно нам, когда вдруг, к нашему изумлению, увидели еще трех человек. Ими оказались американцы, от которых мы с тревогой узнали, что они не смогли добраться до кратера, не говоря уже о вершине.
К «Приюту Кибо», находящемуся на высоте более 4900 метров, мы добрались к вечернему чаю и рано легли спать. Нас предупредили, что на этой высоте можно заболеть горной болезнью, но мы с удовольствием принялись за нашу легкую и питательную пищу и чувствовали себя превосходно. Я едва смогла дождаться полуночи, когда мы собирались начать подъем на вершину Килиманджаро. Мы решили отправиться в полночь, поскольку это позволило бы нам добраться до кратера еще до того, как лед начнет подтаивать и передвигаться станет гораздо труднее.
Спать в тесном и душном домике было невозможно, и поэтому около десяти часов вечера я вышла посмотреть, какая погода. Была прекрасная ясная ночь, и высоко надо мной маняще мерцал покрытый льдом кратер. Вскоре, оставив позади носильщиков, мы отправились вверх с нашим проводником Йоганнесом.

Сначала мы шли по рыхлой лаве, но, чем выше мы поднимались, тем лава становилась мельче — она уже походила на пепел, — пока наконец не превратилась в пыль. Нередко, сделав один шаг вперед, мы соскальзывали почти на два шага назад и вынуждены были отдыхать почти через каждые четыре шага. На высоте около 5600 метров мы стали продвигаться еще медленнее и еще чаще отдыхали. Йоганнес галантно вызвался нести мой фотоаппарат, чтобы избавить меня даже от такой небольшой поклажи, и посоветовал мне прикрывать лицо, чтобы оно не обветрилось. На полпути к кратеру я увидела бабочку, занесенную, видимо, на такую высоту ветром.

Мы добрались до пика Гилмана как раз к началу рассвета. Перед нами открылась фантастическая картина: все вокруг было покрыто облаками и лишь контур Мавензи резко выделялся среди них. Прямо над ним плыл мираж кратера Килиманджаро, словно ореол, венчавший Мавензи. Это было поразительное зрелище, и даже Йоганнес, который так часто сопровождал сюда людей, никогда раньше не видел ничего подобного.

Много лет назад возле пика Гилмана нашли скелет леопарда. Он не мог найти здесь никакой пищи, и поэтому можно было предположить, что леопард, чувствуя приближение смерти, взобрался на стену кратера в поисках уединения, которое животные обычно ищут перед смертью.

В этом безмолвии раннего утра я чувствовала себя восторженно. Лед был достаточно твердым, и мы смогли пройти по краю кратера до пика Вильгельма, Здесь мы написали свои фамилии и поместили записку в специально припасенную бутылку. Это должно было послужить свидетельством того, что мы достигли высочайшей точки Африки.

В Европе, совершая восхождения, я всегда стремилась во что бы то ни стало добраться до вершины горы, на которую пыталась подняться, но не ради рекордов, а ради морального удовлетворения. Впоследствии я убедилась, что такая тренировка на выносливость очень полезна.

Когда стало светлее, нам удалось разглядеть, что дно кратера было покрыто глыбами голубовато-зеленоватого льда самых причудливых форм. В то же время внизу под нами облака постепенно редели и стали проступать очертания ландшафта. Вскоре Йоганнес предложил нам начать спуск, пока лед не начал таять. Спускаться по лавовой осыпи было довольно легко, а когда мы ступили на твердую почву, я почти бежала до гостиницы Марангу, куда мы и добрались засветло. Здесь Йоганнес преподнес мне традиционный приз, который вручается всем, кто достиг вершины Килиманджаро. Это была гирлянда из рубиново-красных бессмертников, собранных проводником на поросших вереском склонах. Жаль было расставаться с Йоганнесом, с которым мы подружились. Мы провели с ним лишь четыре дня, но это были особенно памятные дни. На прощание я подарила ему свои горные ботинки, поскольку его собственные показались мне недостаточно прочными для переходов по острым обломкам лавы и льду; однако, покидая нас с перекинутыми через плечо ботинками, он сказал, что предпочтет надевать такие замечательные ботинки по выходным дням в деревне, чем будет рвать их на льду.

После трехнедельного путешествия в очень жаркой местности и изнурительного восхождения на высоту почти 6000 метров я имела право чувствовать себя усталой, но, наоборот, во мне кипела энергия, требовавшая бурной деятельности. Такая реакция меня очень беспокоила, и я обратилась к д-ру Джекс-Блейку за советом. Он сказал, что это вполне естественно, поскольку в зависимости от нагрузки количество красных кровяных телец в организме увеличивается и мне необходимо было освободиться от их избытка. Он также высказал мысль, что для людей, живущих в тропиках, восхождение на Килиманджаро может заменить отдых в странах умеренного климата, который необходим им один раз в три года.

Со времени моего приезда в Кению мы стали близкими друзьями с Мэри и Луисом Лики, и, как только у нас появлялась хоть малейшая возможность, мы с Питером принимали участие в их раскопках в Рифт-Валли [5]. От них я узнала гораздо больше об антропологии и археологии, чем могла бы почерпнуть из книг, и именно они рассказали мне, какое важное место занимает Кения в этих областях исследований.

Первый год мы с Питером жили в пансионе недалеко от музея; затем нас навестила его мать и дала нам денег на постройку своего собственного дома. Когда нанятый нами подрядчик не смог завершить работы по строительству дома ко времени нашего предполагаемого переезда, семья Лики пришла нам на помощь и пригласила пожить с ними в бунгало, которое они сняли на время раскопок.

В доме был минимум мебели: двуспальная кровать, стол и два стула; остальная площадь была свободной и использовалась для восстановления остатков ископаемых костей, найденных при раскопках. Эта работа отнимала у Мэри и Луиса Лики массу времени, и мы с нашими дилетантскими познаниями всячески старались помочь им.

И вот однажды, когда мы все ползали по полу, пытаясь совместить отдельные обломки костей, по радио была объявлена страшная новость о начале второй мировой войны. Опасаясь за жизнь моих друзей и родственников в Австрии, которые были, как и я, антифашистами, я совсем упала духом. Питер и чета Лики делали все, чтобы меня успокоить.

Вскоре нас пригласили поехать вместе с Мэри Лики и молодым антропологом по фамилии Тревор на раскопки в кратере Нгоронгоро, представляющем собой одну из величайших в мире котлообразных впадин диаметром около тридцати километров с озером посередине. Интересно прежнее знакомство Тревора с этим районом. Первыми и в то время единственными людьми, проживавшими в кратере, были два немца — братья Зидентопф. Поссорившись между собой, они разъехались как можно дальше друг от друга: один остался у основания стены кратера, ниже того места, где сейчас находится домик, а другой поселился на противоположной стороне кратера, у небольшого ручья — единственного здесь источника воды. У племени масаев, которым принадлежала эта местность, братья Зидентопф популярностью не пользовались, так как убивали диких животных только для того, чтобы получить в качестве лакомого блюда их языки.

Однажды, когда братья отправились в поездку, масаи напали на жену одного из них. Она успела послать гонца за инспектором ближайшего округа. Фамилия инспектора, который прибыл на помощь вместе со своим юным сыном, была Тревор.

Госпожа Зидентопф рассказала им, что много лет назад в кратере, должно быть, жили люди, потому что, копая картофель, она часто находила обломки керамических изделий. Этот факт запомнился молодому Тревору, и, став ученым-антропологом, он решил избрать темой своей научной работы изучение древних остатков в кратере Нгоронгоро. Уже во время второй мировой войны, находясь на службе в Эфиопии, он использовал свой первый же отпуск для проведения раскопок в этих местах.

Будучи болен, Луис Лики попросил Питера заняться ботаническими исследованиями, в то время как Мэри и Тревор производили раскопки. Они обнаружили не только керамические изделия, но также скелеты и украшения, и мы с Питером помогали им, чем могли. Экспедиция оказалась интересной.

Эти места изобиловали животными, которые никогда не покидали их, не считая периодов жестоких засух, и поскольку наш лагерь находился рядом с единственным источником воды, то с наступлением темноты мы оказывались в окружении львов и других диких животных, приходивших на водопой. Как зачарованная, я часто слушала этот необычный хор ночных голосов. Затем неизменно наступала тишина, внезапно прерываемая предсмертными криками и грозным рычанием. Это означало, что царь зверей убил свою очередную жертву. После этого снова наступала полнейшая тишина, до тех пор пока ее не начинали нарушать движущиеся животные, возвещавшие о том, что все стало спокойно.

Ко времени нашего возвращения в Найроби война сильно затруднила поездки за пределами Кении. Разумеется, как представитель нейтральной страны, Питер не мог принимать участия в войне, если не считать его поисков съедобных растений, произрастающих в засушливых районах, что обеспечивало воюющие в пустыне армии некоторым запасом овощей. И все же мы совершали довольно много поездок. Остальное время мы находились в своем доме, стоявшем в конце улицы Риверсайд-драйв. Тогда это был совершенно необжитый район, и по утрам в качестве физических упражнений мы совершали пробежки по полям.

Все свое свободное время я проводила с Питером в музее, делая зарисовки местных цветов. Когда об этом стало известно, люди начали приносить мне редкие растения, и у меня никогда не было недостатка в объектах для рисования. Вместе с тем знакомства с новыми людьми, часто очень интересными, расширяли круг наших друзей. Как-то с целью проведения экспериментов

над хамелеонами в музей зашла д-р Салли Атсат из университета Лос-Анджелеса. Она уже проделала много таких экспериментов с ними (от Кейптауна до Каира) и теперь хотела проделать последний опыт, чтобы выяснить, что же заставляет этих пресмыкающихся изменять свою окраску.

Сначала она поместила одну особь в стеклянный сосуд и затем стала обертывать его в бумагу различного цвета — хамелеон не реагировал. Потом она опускала сосуд то в горячую, то в холодную воду — хамелеон оставался зеленым. Она производила различные шумы — и снова безрезультатно. Наконец она приблизила к стеклу живую змею. Адреналиновые железы хамелеона сразу же заработали, и его окраска приняла самый темный оттенок из того, что его окружало. Ведь змеи являются смертельными врагами хамелеонов.

Африканцы очень боятся хамелеонов и никогда не прикасаются к ним, считая эти безобидные существа куда более опасными, чем змеи. Несомненно, такое отношение объясняется тем, что, когда змея заглатывает хамелеона, ее внутренности часто бывают распороты шипами, имеющимися на спине ее жертвы. Мы часто брали хамелеонов в руки или пускали ползать по себе, пытаясь доказать их безобидность, но убедить африканца в том, что хамелеон не опасен, было невозможно.

Говорят, что существует и другая причина страха африканцев перед хамелеоном, и даже ненависти к нему. Как рассказывается в одной старинной легенде, бог послал хамелеона предупредить людей о надвигающейся засухе, но тот полз настолько медленно, что не смог добраться вовремя и большая часть скота африканцев погибла. В действительности же мнение, что хамелеоны медлительны, ошибочно. Когда за ними следят, они сидят неподвижно, но стоит только оставить их одних, как хамелеоны моментально исчезают.

Несколько лет спустя, когда я как-то рисовала великолепного хамелеона Джексона, мне представилась возможность сделать некоторые любопытные наблюдения. Но только я начала делать наброски, как нам пришлось переехать километров на триста на север к Марсабиту. Я устроила хамелеона как можно удобнее в картонной коробке, положив туда достаточное количество пищи, и взяла его с собой.

Впоследствии мы должны были переехать километров на триста с лишним южнее, примерно к тому месту, где был пойман этот хамелеон Джексона. И мы снова взяли его с собой, но, как только я закончила свой рисунок, я выпустила его на свободу.

В Конго

Когда Салли Атсат закончила свои эксперименты в музее, она предложила мне поехать в Конго [6]. За время ее пребывания в Найроби мы стали друзьями, и я сказала ей, что мы можем совершить эту поездку вместе на нашем «форде». С нами также решила поехать одна наша подруга, голландка, по имени Меен. К сожалению, Питер был очень занят в музее и не смог присоединиться к нам.

Накануне нашего отъезда Луис Лики зашел к нам, чтобы спросить, не может ли он позаимствовать мою портативную швейную машинку для Мэри. Ожидая, пока машинка будет упакована, он обошел вокруг «форда», который мы недавно перекрасили, и сделал несколько замечаний. Потом он спросил полное имя Салли и Меен и их домашние адреса. Я не знала этого и не смогла ему ответить, так же как не смогла ответить и на его вопрос о точном маршруте нашей поездки, поскольку он зависел от начала сезона дождей.

Мы отправились на следующий день, взяв с собой для услуг африканца Тото. Проехав озеро Наиваша, потом озеро Элментейта, мы добрались до Накуру, известного своими огромными стаями фламинго, однако не увидели здесь ни одной птицы, поскольку за время последней засухи озеро полностью высохло и теперь было покрыто блестящей коркой соли.

На ночь мы разбили лагерь на берегу озера. К удивлению Салли, я поместила всю нашу провизию, а также всю лишнюю одежду на крышу машины. Опыт предыдущих путешествий научил меня, что гиены не прочь отведать не только пищу, но и обувь.
На следующее утро мы отправились к самой высокой точке, где была проложена кенийско-угандийская железная дорога на пути между Момбасой и озером Виктория. Ее высота — около 3000 метров. Этот район представляет собой самое лучшее в Кении место для земледелия, но в период засухи здесь все, кроме лесов, превращается в выжженную равнину. Африканские легенды утверждают, что в этих местах когда-то обитал медведь нанди, но его до сих пор никто так и не видел. Хотя мы и миновали перевал, воздух все еще оставался ледяным. Мимо промелькнул кратер горы Элгон, где в прошлом в пещерах этого потухшего вулкана жили доисторические люди.
На следующий день мы добрались до города Какамега. Здесь было обнаружено золото, что послужило причиной первой и единственной в истории Кении золотой лихорадки. В настоящее время запасы золота значительно сократились, и тем не менее это место продолжает привлекать некоторых питающих надежды старателей. Нас сразу же окружила толпа любопытных африканцев. Они были настроены очень дружелюбно и пели всю ночь, но заснуть под такой аккомпанемент было невозможно.

Мы хотели как можно больше времени провести в Конго и поэтому решили поскорее проехать через Уганду
[7]
, известную в те дни как страна велосипедов, бананов, Библии и бескрайних болот.

Для проезда из Кении в Уганду необходимо было переправиться через Нил у водопадов Рипон. Перед переездом по мосту в Джиндже мы были задержаны полицией, которая начала нас обыскивать. Поскольку шла война, мы сочли эту процедуру естественной, но, когда обыск затянулся на несколько часов и нас не только раздели, но и вскрыли рулоны туалетной бумаги, мы страшно возмутились, что с нами обращаются как со шпионами.
И вдруг у меня в голове мелькнула мысль, что все это могло быть результатом одной из шуток Луиса Лики. Я вспомнила его необычный интерес к нашему путешествию; мы были здесь всего лишь тремя женщинами-иностранками, путешествующими из одной страны в другую, тогда как он теперь состоял на службе в отделе уголовного розыска, принятый на эту работу за свое знание языка кикуйю. Хотя Луис Лики был человеком, пожертвовавшим всем своим комфортом ради работы, у него была страсть к детективным историям, а также сильно развитое чувство подозрительности. Большинство его докладов отвергалось его коллегами со словами: «Опять очередная шутка Луиса Лики». Так что случай с нами мог быть из той же серии. Правда, мы были друзьями, и он прекрасно знал, насколько я доверяю ему, поэтому я отбросила в сторону все свои догадки.
Позднее мы сообщили об инциденте нашим консулам и потребовали извинений. Когда же мы вернулись в Найроби, я обнаружила, что Луис и в самом деле был причиной всех наших злоключений, и стала его «журить». Он извинился, и этот случай не повлиял на мою дружбу с ним.
После всех испытаний мы продолжили наше путешествие в Кампалу. В пути мы встретили растянувшуюся на три километра стаю саранчи, которая подобно туче висела над нами и покрывала всю землю. Когда мы давили саранчу машиной, она превращалась в маслянистую массу, на которой буксовали колеса. Мы закрыли в машине окна, но она проникала даже через пол, и еще долго после того, как саранча осталась позади, она напоминала нам о себе прогорклым запахом насекомых, сгоревших в моторе.
Мы ехали через тропические пальмовые леса и заросшие папирусом болота, пока не нашли возвышенное местечко, расположенное далеко от поселений. Здесь мы и разбили наш лагерь. Это место показалось нам превосходным, однако, несмотря на тишину, которая лишь иногда прерывалась назойливым писком комаров или воем гиен, мы не смогли уснуть из-за жары. Салли никогда не слышала так называемого смеха этих животных, питающихся падалью, и думала, что это смеялись люди. Боясь ее напугать, я ничего не сказала, но, когда мы услышали не вызывавшее сомнений рычание приближающихся львов, я попросила Тото забраться в

машину и включить фары, надеясь отпугнуть их. Только значительно позднее я узнала, что свет и огонь, наоборот, вызывают любопытство львов.

Остаток ночи мы беспокойно прислушивались к передвижению львов недалеко от машины и были рады, когда смогли покинуть «идеальное для лагеря место».

Следующую ночь мы провели в помещении миссии, после чего, двигаясь с большой осторожностью по крутой дороге, мы добрались до озера Буньоньи, скрытого отвесными горными склонами. Нам открылся величественный и прекрасный вид. В центре озера находился остров, где разместился лепрозорий. Здесь больных лечили приобретшим тогда широкую известность маслом чаульмугры. К этому месту не было другого пути, кроме опасной дороги, по которой мы приехали. Путешественников на берегу озера всегда ждет единственная лодка, на которой можно добраться до острова. К счастью, наши друзья из миссии дали нам рекомендательные письма сотрудникам лепрозория, и нас гостеприимно приняли в поселке. Мы были поражены тесной дружбой между пациентами и медицинским персоналом и, казалось, счастливым видом прокаженных. Нам рассказали, что очень часто вылечившиеся пациенты оставались работать на острове, чтобы помогать тем, кто еще продолжал лечиться. Поселок походил скорее на спокойную маленькую колонию, чем на место для отверженных.

Преодолевая далее крутые горные дороги, проходившие через бамбуковые леса, мы въехали в Руанда-Урунди
[8]
, миновав Мухавуру и два других потухших вулкана с такими отвесными склонами, что они походят на сахарные головы.

В конце концов мы добрались до границы Конго. Здесь мы увидели домики из красного кирпича с раздвинутыми на окнах занавесками. После дикой местности, по которой мы проезжали, они казались удивительно привлекательными, и, поскольку окрестности окутывал густой туман, мне представилось, что мы находимся в Бельгии, где дома выглядят также уютно. Таможенный чиновник был удивлен, увидев нас, и сказал, что мы первые туристы, прибывшие в Конго со времени начала войны. После некоторых формальностей, выполненных в дружелюбной обстановке, он пожелал нам удачи, и мы продолжили свой путь.

Постепенно местность становилась все более открытой, и мы прибыли к берегам озера Киву. Красоту этого озера еще больше подчеркивал действующий вулкан Ньирагонго. Повторявшиеся через определенные интервалы времени извержения, которые происходили вблизи берегов озера, представляли собой захватывающее зрелище, особенно после наступления темноты. Озеро оказалось безопасным для купания — в нем не водились ни бильгарции
[9]
, ни крокодилы. Мы провели ночь в Кисеньи
[10]
, идиллическом месте, расположенном прямо на берегу озера, — хотя нас предупредили, что эта местность изобилует малярийными комарами. Я сильно удивилась, что, несмотря на это, никто не пользовался москитной сеткой, но каждый принимал по сорок гранов хинина ежедневно, что мне казалось смертельной дозой.

На следующий день мы отправились вдоль озера к тому месту, где последнее извержение лавы вулкана Ньямлагира прервало дорожное сообщение. Мы продолжали трястись в машине до тех пор, пока не были вынуждены остановиться там, где перепад лавового потока достигал одного метра. Начиная с этого места лава покрывала около тридцати квадратных километров. Мы попытались пройти вдоль края лавового потока, но быстро вернулись к машине, встревоженные треском лавы, которая, как нам казалось, в любой момент готова была провалиться под ногами.

Все же мы добрались до парома, на котором обычно машины переправлялись через озеро к дороге, ведушей, в Костерманвиль
[11]

, но на этот раз паром не действовал. Однако нам повезло: мы нашли владельца лодки, который после короткого, но упорного торга согласился пройти с нами на веслах более трех километров к тому месту, где поток кипящей лавы достигал воды. Машину мы оставили на попечение Тото.

Лодка протекала в нескольких местах, и нам пришлось затыкать дыры травой. Все эти неудачи усугублялись еще и тем, что мы сидели в неустойчивой лодке с двумя мрачными гребцами, с которыми из-за незнания языка не могли разговаривать. Моя тревога возрастала, и я даже начала беспокоиться, не ограбят ли нас и не сбросят ли в озеро. Никто из туристов не видел, как мы садились в лодку, а оставленный с машиной Тото ничем не мог нам помочь.
Чтобы как-то изменить напряженную обстановку, я начала напевать старую песню кикуйю, недавно записанную мною для Луиса Лики, которую он хотел включить в свою книгу об этом племени. И вдруг наши конголезские гребцы на мою песенку сразу же ответили нам «Марсельезой». Я почувствовала всю глупость своих подозрений. И коль скоро лед тронулся, мы продолжали соревноваться в исполнении наших любимых песен, пока вода под нашей лодкой не стала слишком горячей. Поток спускающейся в озеро кипящей лавы был скрыт клубами пара, но через определенные промежутки времени сквозь него прорывались всплески раскаленной лавы. Хотя наша лодка находилась в двадцати метрах от шипящего водоворота, каждое новое извержение производило на нас потрясающее впечатление. Мы перестали исполнять свои песни и с трепетом наблюдали за происходящим, сознавая, что оказались свидетелями удивительного явления природы, и стараясь запомнить это зрелище.
На обратном пути у Салли начался приступ озноба, первый и безошибочный признак малярии, и мы были вынуждены провести три дня в гостинице, прежде чем она почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы продолжить путешествие. За это время я исследовала окрестности в поисках диких орхидей и других местных растений.

Затем мы направились к парку Альберта
[12]
— огромной территории, на которой обитали практически все виды африканских животных, кроме жирафов, зебр и носорогов. Мы двигались по дороге, сплошь покрытой слоновьим пометом, в направлении небольшого местечка Ручуру у въезда в парк. Слоны Конго в отличие от их кенийских собратьев пользуются репутацией более агрессивных животных. Известны случаи, когда они даже опрокидывали машины, и мы были рады, что добрались до лагеря Руинди, не встретив ни одного из этих чудовищ.

Здесь мы наняли проводника, так как никому не разрешалось самостоятельно въезжать в парк на машине, и прежде всего отправились к озеру Эдуард
[13]
. Нашу дорогу окаймлял пеннисетум красный (слоновья трава) в рост человека. Озеро было прекрасным местом для водоплавающих птиц, крокодилов и бегемотов. О присутствии последних, поскольку их громоздкие туши скрывались под водой, легко было догадаться лишь по фырканью и торчащим из воды глазам. Но когда наш проводник бросил в озеро несколько камней, огромные животные немедленно всплыли, сталкиваясь друг с другом, но уже через несколько минут они снова погрузились в воду, возвратившись к своему дремотному состоянию. Пока мы наблюдали за всем происходящим, цапли и пеликаны мирно скользили вблизи этих явно безобидных гигантов, но каждый здесь знал, что стоит кому-либо преградить им путь к воде, когда они возвращаются в озеро со своих пастбищ, как они становятся очень свирепыми, особенно это относится к самкам бегемота, если рядом с ними находятся детеныши.

На обратном пути в Руинди мы проезжали мимо большого стада слонов, бредущего к озеру на водопой. Слонята находились в центре стада, а вожак охранял все семейство, широко растопырив уши. Это походило на боевую стойку, но наш проводник заверил, что слон решил просто попугать нас. Я была очень довольна, что нас сопровождает опытный человек, который может вовремя предупредить, если слоны что-либо замыслят. Когда стемнело, мы могли

различать лишь серые силуэты, безмолвно идущие сквозь чащу. Мне не верилось, что такие огромные животные могут двигаться столь бесшумно.
На рассвете мы с проводником отправились в путь и скоро увидели огромные стада антилоп и многочисленных неуклюжих бегемотов, наслаждавшихся росистой травой, которую позднее солнце превратит в сухие стебли. Вдалеке мы заметили двух львов, вышедших на охоту. Их скрывала такая высокая трава, что все, что мы могли увидеть, — это две головы, временами выныривавшие из травы и, безусловно, не спускавшие с нас бдительного взгляда. Потом появилась гиена, которая неуклюже вертелась вокруг нашего автомобиля. Она, вероятно, надеялась поживиться какими-нибудь остатками нашего обеда, но, убедившись, что мы есть не собираемся, затрусила в сторону львов.
По дороге к реке Ручуру нас едва не сбил воинственно настроенный буйвол, забавно скакавший в лучах утреннего солнца. Когда мы подошли к реке, бегемоты наслаждались своими утренними играми, но, заметив нас, мгновенно погрузились в воду. Однако вскоре на поверхности воды вновь стали появляться пара глаз или пара подергивающихся ушей, а когда мы бросили в воду несколько камней, их огромные лоснящиеся туши пришли в движение и вода вспенилась от того, что они лезли друг на друга, громко сопя и фыркая.
Мы видели несколько буйволов, стоявших с явным наслаждением прямо на солнцепеке. Это удивило меня, поскольку я знала, что буйволы в Кении всегда держатся в тени деревьев. Можно было только предположить, что в Кении на буйволов часто охотятся и поэтому они вынуждены прятаться, а здесь, в парке Альберта, они чувствовали себя в безопасности.
Солнце уже пекло нещадно, и большинство животных скрылось в укрытиях. Мы тоже подумывали об отдыхе и прохладе лагеря, но когда узнали, что следующую часть пути нам предстоит проехать по безводной местности, то поняли, что у нас нет другого выбора, как отправиться немедленно дальше, чтобы до темноты добраться до следующего водоема.
Наш путь пролегал по обрывистым склонам, окружавшим равнины парка Альберта. Только бабуины и мартышки-верветки прыжками пересекали очень узкую дорогу, приседали на обочине на корточки и с любопытством разглядывали нас.
Миновав многие крутые повороты, мы достигли границ парка. Вокруг, насколько хватал глаз, простирались заросли папоротника, достигающего метровой высоты, которые постепенно переходили в тропический дождевой лес, а дорога была проложена через скалы.
На следующее утро, пересекая тропический лес, мы видели древовидные папоротники, пальмы, гигантские лобелии, орхидеи в человеческий рост и необычайно колоритные ползучие растения, совершенно невероятно переплетенные между собой. Для меня это было мучительным зрелищем, поскольку мы не могли остановиться, чтобы собрать образцы.
Когда мы приехали в небольшое селение Луберо, африканские дети предложили нам корзиночки аппетитно выглядевшей лесной земляники. Мне не хотелось отказываться от угощения, но я вспомнила, как одна моя подруга покупала точно такие же соблазнительные корзиночки в Каире и наслаждалась ягодами до тех пор, пока однажды, проходя по боковой улочке, не увидела, как несколько продавцов, сидевших на корточках в ряд, слизывали грязь с земляники, перед тем как ее продать.
Через некоторое время мы добрались до небольшой гостиницы, стоящей в глуши. Домик был безупречно чистым, и нас встретила типичная австрийская девушка. Она оказалась хозяйкой этого очаровательного шале, и, поскольку была родом из Зальцбурга, у нас нашлось много общих интересов. Отведав превосходный венский шницель и зальцбургские клецки, мы с сожалением продолжили путь в Бени, деревушку с единственной улочкой, на которой размещались обычные индийские лавочки и несколько бунгало, принадлежавших европейцам. Нас не привлек захудалый отель, и мы решили проехать еще километров тридцать до гостиницы, которая, как нам сказали, была очень удобной и находилась недалеко от поселений пигмеев, которых мы хотели увидеть. Встретившиеся нам африканцы были почти голыми. Мужчины гордо несли свои копья. У женщин на головах были тяжелые вязанки травы или хвороста, и у каждой за спиной виднелся привязанный куском материи младенец.
Дети постарше носились вокруг своих матерей. Мальчики, даже самые маленькие, имели небольшие копья. На обочине дороги стояло несколько глинобитных хижин, в которых у огня сидели старухи, покуривая длинные трубки.
Когда мы наконец добрались до «комфортабельной гостиницы», она оказалась заплесневевшей однокомнатной постройкой с земляным полом, покрытым пометом животных и кишащим

насекомыми. Тогда мы решили переночевать в машине, несмотря на угнетающую жару, причем мы не осмелились даже открыть окна из-за африканцев, почти всю ночь окружавших машину и непрестанно о чем-то разговаривавших. Тото добавлял еще больше шума, все время выкрикивая: «Уходите прочь, мой хозяин хочет спать!» Салли и я держались очень тихо, не желая, чтобы обнаружилось, что «хозяином» на самом деле были три женщины, которые чувствовали себя счастливыми уже хотя бы потому, что для своей защиты имели мужской голос Тото.

На рассвете нас разбудило странное хихиканье, которое совершенно не походило на предыдущую болтовню. Выбравшись из машины, мы увидели группу карликов: их тощие ноги подпирали неестественно большие животы, которые у женщин частично прикрывались длинными, свисающими грудями — свидетельство того, что они вскормили многочисленных детей. Перед нами стояли пигмеи.

Лица их покрывали морщины, и, не считая классических фиговых листочков, на них не было никакой одежды. У нас был с собой табак, и мы раздали его пигмеям. Они сразу же предложили нам в обмен два своих крохотных лука, обтянутых для удобства обезьяньей шкурой, и две крохотных стрелы, острие которых было смочено настолько сильным ядом, что за несколько минут он мог бы убить льва. Мы с большой осторожностью приняли эти опасные подарки и, сделав нисколько снимков, расстались весьма дружелюбно. Вспоминая их великодушную щедрость, когда они отдали нам две свои самые ценные вещи, и храбрость, с которой они охотятся, чтобы добыть себе пищу, даже на таких крупных животных, как слоны, я решила, что в конечном счете они очень милые люди. Позднее, когда мне представилась возможность изучать их в течение более длительного времени, это впечатление полностью подтвердилось.

> Потом мы переправились по висячему мосту через реку Семлики, где видели много крокодилов, но напрасно искали взором вершины Рувензори — они были скрыты густыми облаками. Еще со времен Птолемея люди пытались раскрыть тайны этих Лунных гор
> [14]
> невулканического происхождения. И даже сейчас нам мало что известно об их флоре и фауне.

Взбираясь все выше по склонам, мы пытались хотя бы мельком разглядеть лес, по которому проходил наш путь к местности, поросшей вереском. Обнаружив старую тропу, мы два часа тряслись по ней, пересекая ручьи и объезжая выходы горных пород, пока не достигли маленького плато, на котором стояла глинобитная хижина, окруженная возделанным участком. К нашему великому удивлению, внезапно появился белый человек лет шестидесяти и любезно пригласил нас отобедать. Заинтригованные, мы приняли приглашение. Мы были уверены, что наш хозяин окажется интересным человеком, и очень обрадовались, что так и оказалось на самом деле. Полковник Харкасс построил себе это маленькое пристанище на старости лет и жил здесь со своей африканской прислугой в компании шимпанзе. До отставки он провел тридцать лет в Бельгийском Конго.

Позади дома шумел водопад, в котором вода была настолько чистой, что ее можно было пить не опасаясь. За водопадом далеко уходил, скрываясь в дымке, тропический дождевой лес, а из дома открывался прекрасный вид на парк Альберта, на озеро Эдуард и дальше — на море покрытых лесами холмов. Здесь царила атмосфера уединения, мира и свободы.

За последние девять лет полковник Харкасс построил несколько дорог, сделавших местность более доступной. Но важнее всего то, что благодаря прежде всего его усилиям парк был избавлен от сонной болезни, которая в прошлом уносила ежегодно тысячи жертв.

Недавно он приступил к осуществлению нового проекта, создав фермы для разведения окапи, чтобы защитить этих редких сородичей жирафов, которых охотно приобретали зоопарки и постоянно истребляли браконьеры. Он показал нам фотографии и публикации об экспедициях на шесть вершин Рувензори. Мы восхищались многими образцами неизвестных нам птиц, бабочек, рептилий и мелких млекопитающих, в большинстве своем собранных нашим хозяином. Все это тщательно хранилось и после окончания войны было отправлено в Брюссель для определения видов. После обеда, который заслужил бы похвалу любого гурмана, полковник преподнес каждой из нас по слоновьему хвосту, и вскоре мы простились с нашим радушным хозяином.

На закате мы достигли границы Конго с Угандой и обрадовались, когда бельгийский таможенник предложил нам воспользоваться гостеприимством его домика для приезжих. Он предложил нам большой выбор беспошлинных напитков, потом угостил жарким, сдобренным французским вином. За этим изысканным угощением мы приятно провели вечер, который закончился тем, что все мы пели свои любимые песни в сопровождении цитры
[15]
. На некоторое время мы забыли о войне. Но самый большой сюрприз ожидал нас, когда мы пошли спать. В ванной комнате — о, что это была за комната! — мы обнаружили ряды ведер с горячей водой, а посередине комнаты — цементную ванну площадью около одного квадратного метра. Как бы то ни было, мы были очень благодарны за предоставленную нам такую роскошь, тем более что мы знали, каким дефицитом здесь была вода.

На следующее утро наш любезный хозяин пожелал сам открыть для нас таможенный шлагбаум. Мы помахали ему на прощание подаренными нам слоновьими хвостами и с недоумением заметили, что он отвернулся в сторону. Только позднее мы узнали, что самые большие пошлины налагались на владельцев таких незаконно приобретенных трофеев.

Далее мы ехали через заросли похожих по форме на канделябры молочаев и видели множество растений-суккулентов
[16]
, отдельные экземпляры которых я собрала для специализировавшегося по ним Питера. Пока я выкапывала растения, собралась толпа африканцев. На них была коричневато-желтая одежда из луба. Такая материя очень ноская, ее изготовляют из коры определенного вида дерева, которую отбивают до тех пор, пока она не станет тонкой, как бумага.

Миновав Кампалу, мы пересекли Нил близ водопадов Рипон и приехали в небольшой городок Кисуму, раскинувшийся на том месте, где в доисторические времена было дно озера Виктория, занимавшего тогда около 175 000 квадратных километров. Когда позднее я, подшучивая над Питером, говорила, что это чуть ли не в четыре раза больше Швейцарии, он патриотично отвечал: «Не больше, если ты хорошенько разгладишь Швейцарию».
Последний отрезок нашего пути проходил по нагорьям Кисии и Керичо, где находились крупнейшие чайные плантации Кении. Здесь многие гектары земель были аккуратно засажены чайными кустами. После этого района с пышной растительностью мы выбрались на пожелтевшие равнины, по которым вернулись обратно в Найроби.

Встреча с Джорджем

Кения находилась под угрозой вторжения итальянских войск, оккупировавших Эфиопию. Их наступления ждали в любой момент, и поэтому в стране были созданы, в основном из фермеров, отряды обороны.
Однажды утром, когда я дома рисовала редкий экземпляр белого дельфиниума, который мне принесла Мюриель, открылась дверь, и в комнату в сопровождении эскорта вошла женщина-полицейский. Она предложила мне взять с собой самые необходимые вещи, сообщив, что я буду содержаться под арестом на протяжении всей войны.
Меня и Питера это известие ошеломило. Нам и в голову никогда не приходило, что мое австрийское происхождение может вызвать какие-то подозрения, поскольку всем было известно, как я ненавидела фашизм.
Мы пытались объяснить, что, видимо, произошла ошибка, но все было безрезультатно. В ответ на мою просьбу разрешить мне закончить рисунок, над которым я работала, мне сказали, что я могу взять цветок в монастырь, где я и другие подозреваемые лица будут находиться до создания постоянного лагеря.

Уложив вещи и взяв под мышку Пиппина, я отправилась за женщиной-полицейским в монастырь. Там я увидела женщин многих национальностей, в том числе и нескольких англичанок. Каждая говорила на своем языке. Мое появление с белым дельфиниумом в одной руке и с собакой в другой вызвало некоторое удивление. Меня спросили, как это мне разрешили взять с собой Пиппина. В ответ я сказала, что это мой друг. Затем я устроилась в уголке и продолжала рисовать. Сосредоточившись на изящной голубой тычинке и хрупких кружевных лепестках, я ушла в тот мир, где едва ли кто-нибудь из людей мог меня обидеть.
На следующий день нас всех вывезли поездом и плато и разместили на ферме, расположенной на высоте 2400 метров. Условия жизни здесь были самым примитивными. Все мы испытывали чувство глубокой подавленности, и это, пожалуй, единственное, что было у нас общего. Я обрадовалась, когда мне разрешили делать наброски цветов, растущих вокруг лагеря.
В спешке перед отъездом я забыла взять миску, из которой кормила Пиппина, и, поскольку свободной посуды здесь не было, вырезала для него небольшую плошку из полена. Но что я могла положить в нее? Одна порция, выдаваемая мне на двоих, никак не могла удовлетворить аппетита Пиппина. К счастью, он уже успел понравиться некоторым из заключенных, и они бросали ему кусочки под стол. Каждое утро нас выстраивали и заставляли выполнять физические упражнения. Когда Пиппин впервые увидел, как мы прыгаем, он, казалось, был сбит с толку, но постепенно сам начал подражать нам: если мы прыгали, прыгал и он, а когда мы бегали по кругу, то и он бегал за нами. Глядя на него, усмехалась даже наша суровая надзирательница.
Питер делал все возможное, чтобы выяснить причины моего ареста, и вот что он узнал. Оказывается, представитель отдела уголовного розыска заходил к моим друзьям Джекс-Блейкам и расспрашивал о моих знакомых. В разговоре они простодушно упоминали, что в нашем доме иногда встречали людей, говоривших на немецком языке. В действительности это были не немцы, а наши друзья — швейцарцы, говорившие на немецком языке, но именно из-за этого недоразумения меня и арестовали.
Узнав о том, что произошло, Джекс-Блейки пошли к губернатору и потребовали немедленно освободить меня. Он дал согласие, и, когда неделю спустя я вернулась домой, я подарила Мюриель свой рисунок белого дельфиниума в знак нерушимости нашей дружбы.
Вскоре после моего возвращения у Питера обнаружилось серьезное заболевание почек. Когда он стал чувствовать себя достаточно хорошо для того, чтобы совершать поездки, его врач порекомендовал ему полностью переменить образ жизни. В Европу лететь было нельзя, и Питер решил поехать в Южную Африку. Я не могла поехать с ним и была этим сильно огорчена.

> Во время отсутствия Питера я приняла приглашение пожить у Алис Рис — жены начальника Северной пограничной провинции
> [17]
> . Я должна была помочь ей управляться с детьми: двумя девочками — четырех и пяти лет — и мальчиком четырех лет.

Мое знакомство с Джеральдом и Алис Рис состоялось в Исиоло за несколько дней до того, как они перебрались в Марсабит, чтобы переждать там самый жаркий период.
Исиоло, центр провинции, расположено на высоте немногим более 900 метров. Это очень жаркое место, в особенности когда здесь дуют ветры с равнины, приносящие песок. А равнина здесь необъятная, и лишь далеко на горизонте виднеется горная цепь.
Когда Алис Рис представляла меня на теннисных кортах семьям некоторых чиновников, мое внимание привлекли маленькие вулканчики, высотой всего лишь с десяток сантиметров, выбрасываемые пескороями по всем кортам даже во время игры. Мне рассказали, что эти животные относятся к очень редкому виду, почти не имеют шерсти, а их кожа настолько тонка, что сквозь нее можно изучать чуть ли не всю их анатомию. Они обитают только в жарких, засушливых странах.
Исиоло было не только резиденцией администрации Северной пограничной провинции, но и воротами в эту провинцию. Поперек дороги был установлен шлагбаум, проезд за который разрешался лишь по специальным пропускам. Через несколько сотен метров от него дорога раздваивалась: одна вела через Марсабит в Эфиопию, другая — через Ваджир в Сомали. Это были единственные дороги, пригодные для машин в полупустынной местности. Деревянный

шлагбаум казался мне не столько препятствием на пути нарушителей, сколько границей между цивилизованной жизнью и дикой, величественной природой. Я была преисполнена решимости когда-нибудь поехать далеко за горы, видневшиеся на горизонте.

Итак, упаковав вещи, я отправилась в почти трехсоткилометровую поездку с Рисами в Марсабит. Дорога шла параллельно горной цепи Матьюс, пока мы не достигли пустыни Каисут. Здесь наши грузовики с некоторыми затруднениями преодолели русла нескольких пересохших рек и затем поднялись по склонам Марсабита, направляясь в сторону леса. Его северный склон был усеян множеством вулканических конусов. Самая высокая гора немногим превышала 1200 метров, но она представляла собой первое препятствие на пути муссона с побережья, и поэтому верхние склоны гор получали достаточно влаги для развития пышной растительности. В лесу был густой подлесок, и с каждого дерева свисали мохнатые полотнища серых лишайников. Небольшой родник в глубине леса служил единственным постоянным источником воды, которая каскадом спадала со скал, образуя внизу небольшое озерко. Оно давало жизнь и людям и животным. Здесь, на одной из возвышенностей близ леса, чета Рис построила два бревенчатых домика, где и проводила те несколько самых жарких месяцев, когда покидала Исиоло.

Пространства пустыни, простирающиеся к северу и далеко в сторону озера Рудольф, были настолько обширными, что мне хотелось бы иметь крылья, чтобы их обследовать. Когда мы уже разместились, я вышла размяться после долгой дороги, по лишь я вернулась, Джеральд спросил, где я была. Я показала в сторону темной линии внизу на равнине и обронила: «У тон проселочной дороги». «Та дорога, — улыбаясь, ответил он, — основная дорога к Мояле, передовому посту на границе с Эфиопией, примерно в ста шестидесяти километрах отсюда».

Как и было условлено, я старалась помогать управляться с детьми; первое, что надо было сделать, — это погулять с ними рано утром, пока готовился завтрак. После завтрака с детьми занималась Алис, а я рисовала цветы, согревая коченеющие пальцы о лежащую на коленях грелку. Окропленные весенней росой, цветы, которых здесь росло великое множество, были особенно красивы.

Рисы очень любили лошадей и держали до двадцати выносливых маленьких пони. Выращенные племенем боран, они легко передвигались по местности, изрытой норами трубкозубов.

Когда племя боран вторглось в Кению с севера, то одни из них расселились вокруг Марсабита и остались язычниками, а другие ушли южнее и заняли район Исиоло. Эти последние приняли мусульманскую веру. Все они были отличными наездниками и, с моей точки зрения, гордыми и привлекательными людьми.

Мы с Алис часто уезжали к какой-либо возвышенности, привязывали лошадей к дереву, а сами взбирались на ее вершину. Если мы сидели молча, не двигаясь, к нам могли приблизиться антилопы клиппшпрингер или даже большой куду. Казалось, что они были единственными живыми существами не только здесь, но даже и на всей безбрежной равнине, расстилавшейся под нами.

Провожая взглядом клонящееся к горизонту солнце, которое заливало пустынную местность алым заревом, я подолгу всматривалась в далекие очертания горы Кулал и еле различимую серебряную полоску озера Рудольф. Как далека я была тогда от мысли, что эта своеобразная страна станет моим домом.

В то время Марсабит представлял собой важный военный пост, поскольку занимал стратегическое положение и располагал единственным на сотни километров вокруг источником свежей воды. В ближайшем лесу размещалось несколько военных лагерей, откуда вечерами к нам часто заходили офицеры поболтать или послушать музыку — у супругов Рис была прекрасная коллекция пластинок, в то время как мы, женщины, чинили их порванную одежду. Если погода была довольно теплой, мы выносили граммофон на открытый воздух и, глядя на звезды, наслаждались музыкой. Прочитав книгу Мартина Джонсона об озере Парадайз
[18]
, мне захотелось там побывать, но до него было километров двадцать пять, а горючее здесь строго нормировалось. Поэтому туда можно было пойти лишь пешком через лес. Алис нашла для меня проводника, и, захватив с собой собак — Пиппина и Риджбека, — мы отправились в путь. Лес был великолепен. Медленно продвигаясь с собаками на поводках,

мы вспугнули нескольких дукеров, бушбоков и других мелких животных. Они никогда не встречали людей в такой лесной глуши и подпускали нас к себе очень близко.

Вдруг проводник тронул меня за плечо и прошептал: «Бегите!» Удерживая собак, я бросилась вперед и бежала, пока у меня не перехватило дыхание, и тогда я спряталась за дерево. Если бы проводник не предостерег меня, я столкнулась бы прямо со слоном. Он преследовал нас, размахивая хоботом и широко расставив уши. Мы пережили несколько ужасных минут, пока проводник не крикнул: «Спустите собак, слон гонится только за ними!» Я не стала рисковать Пиппином и, схватив его на руки, спустила с поводка Риджбека, который с пронзительным лаем ринулся в сторону. Я вздохнула с большим облегчением, когда через некоторое время собака вернулась, не пострадав от этой погони, а слон исчез. Однако проводник сказал, что, если мы больше не хотим встретиться со слонами, нам следует повернуть обратно. Так я впервые столкнулась со слоном.

Пока я жила в Марсабите, я получала от Питера весьма обнадеживающие письма. Он быстро поправлялся и уже планировал экспедицию к озеру Руква, где надеялся найти редкое растение. Мы встретились у озера Виктория и оттуда вместе продолжили наш путь пешком, однако долгий переход к озеру Руква сильно утомил Питера. Тем временем музей предложил Питеру исследовать некоторые местные красящие вещества, которые армия могла бы использовать для окраски маскировочных тентов и автомобилей, поскольку из-за военных действии ввоз таких красящих веществ был ограничен. Инженер-строитель, работавший недалеко от Гариссы, недавно привез несколько образцов породы, и при их обработке обнаружилось, что они содержат хром. Он предполагал, что в этом районе имелись месторождения и других минералов, из которых можно было бы получать желтые и коричневые красящие вещества. Мы поехали к этому инженеру, жившему со своей семьей в большом лагере километрах в ста пятидесяти от Гариссы, и Питер действительно нашел несколько многообещающих минералов и растений, из которых можно было бы получать стойкие красители.

Приближалось рождество. Однажды окружной комиссар из Гариссы Вилли Хейл заехал в лагерь и пригласил нас провести рождественские праздники вместе с ним. Мы приняли приглашение. В 1942 году Гарисса представляла собой небольшой сторожевой пост, на котором находились окружной комиссар и полицейский инспектор со своими подчиненными; других европейцев там не было. Поскольку она находилась на высоте всего лишь 300 метров над уровнем моря, здесь было очень жарко, и поэтому дома строились с толстыми стенами. Обычно с заходом солнца все перебирались на их плоские крыши. Недалеко от Гариссы протекает крупнейшая река Кении Тана, через которую над водой, кишащей крокодилами, наведен понтонный мост. В густых лесах по берегам реки обитало много слонов и других, менее крупных зверей и птиц. Несколько рисовых полей обеспечивали немногочисленные сомалийские и приречные племена их основным продуктом питания.

Супруги Хейл сказали нам, что это рождество будет особым, так как они пригласили больше европейцев, чем когда-либо раньше. Помимо Морны и Вилли Хейл, Питера и меня, должны были быть ветеринарный инспектор и Джордж Адамсон из Департамента охоты. Во время приготовлений к празднику Морна рассказала мне о гостях, особенно о легендарном Джордже Адамсоне, у которого было много различных приключений.

Однажды утром его сильно поранила львица, и лишь много часов спустя товарищи пришли ему на помощь. Незадолго до этого Департамент охоты прислал Джорджу немного нового препарата, сульфаниламида, против заражения крови. Промыв раны английской солью, он попросил своих товарищей давать ему по одной капсуле сульфаниламида через каждые четыре часа. Позднее, страдая и от малярии, и от потери крови, он временами впадал в забытье, но однажды ночью проснулся, услышав, как слон-бродяга угрожающе надвигался прямо на его палатку. Он крикнул своему повару, чтобы тот помог ему приподняться, схватил ружье и застрелил этого гиганта прямым попаданием в голову.

В рождественскую ночь мы все уселись на парапете плоской крыши в наших самых лучших, праздничных нарядах; на мне было длинное серебристое вечернее платье, которое, конечно, выглядело в Гариссе совершенно неуместным. Толпа африканцев собралась вокруг нашего дома, готовая начать большой

нгома

(танец), но вдруг она расступилась, и появился караван верблюдов с Джорджем Адамсоном во главе. Быстро приняв ванну, он поднялся к нам на крышу. Вилли Хейл предложил ему стаканчик чистого виски, потом второй, потом третий. Тут мы с Морной проявили беспокойство, но Джордж довольно вызывающе заявил: «Я никогда не пьянею». Этого нам было достаточно, чтобы решить доказать ему, что он ошибается. Мы подливали ему бренди в суп, в соус и во все, что он ел. Я с тревогой следила за его загорелым лицом, обрамленным белокурыми волосами и аккуратно подстриженной козлиной бородкой.

Когда взошла луна, осветив танцующих и поющих внизу африканцев, настроение стало еще более праздничным. Наши мужчины, переодевшись в
кикой
[19]
, один за другим покинули нас и растворились в толпе: остался только Джордж, который сидел на парапете и пел. На следующее утро мы нашли Джорджа далеко не в лучшем состоянии: не сняв ботинки, он улегся на кровать, положив ноги на подушку.

Было решено, что в следующее путешествие на верблюдах Джордж возьмет и нас с Питером. Мы будем двигаться по берегу реки до Буры. Оттуда Питер отправится на север, а супруги Хейл подберут нас и довезут машиной до Ламу. Этот район Питер не знал и надеялся найти там несколько новых растений.

Как только мы свернули в сторону от берега реки, поросшего большими деревьями, мы сразу попали в жаркую и сухую местность.

Раньше я редко ездила на верблюдах, и теперь меня усадили на импровизированное седло из травяных циновок, уложенных между двумя горбами и удерживаемых в этом положении перекрестными растяжками. Наблюдая с высоты этой удобной позиции за всем происходящим внизу, я чувствовала себя королевой. Все было превосходно, пока мне не потребовалось сойти вниз на обед. Я обнаружила, что в результате постоянного трения моего разгоряченного тела о влажную циновку кожа у меня на спине сильно стерта. Рану обработали дезинфицирующим средством, и она через некоторое время затянулась. Но еще долго я ощущала мучительные боли, если ложилась на спину и в особенности если приходилось нагибаться. Однако местность была настолько изумительной, что я не сожалела о случившемся; к тому же Питер находил много интересных растений, а Джордж открывал для меня новый мир своими рассказами о диких животных.

Джордж представлял для меня загадку: в частности, он был очень молчалив, что я объясняла его одиноким образом жизни. Хотя к этому я уже была подготовлена Морной, которая, смеясь, рассказывала, что Джордж никогда не слушает, что ему говорят, и отвечает всего лишь тремя восклицаниями, которые он считает вполне достаточными для всех возможных ситуаций: «О», «В самом деле», «Удивительно».

Мы спали под москитными сетками, поскольку в палатках было слишком душно. Но ночам я слушала рычанье львов, хохот гиен и другие издаваемые животными необычные звуки и стрекот цикад. Казалось, что и сами эти звуки были для меня вызовом познать мир, такой же дикий, как обитающие в нем существа.

Добравшись до Буры, мы отправились в Ламу, хотя я предпочла бы продолжить наш путь через буш, чем ехать в Ламу, где почти ничего не увидишь.

В прошлом, когда еще существовало рабство, Ламу был сельскохозяйственным центром побережья, но со времени освобождения рабов он превратился в тихое местечко — живой музей с привлекательными жителями. На его узких улочках мы видели арабов, одетых в белые шелковые просторные одежды и белые хлопчатобумажные расшитые шапочки. Некоторые из них сидели в своих лавочках, где в основном продавались специи и домотканые
кикой.

Женщины, все еще носившие паранджу, появлялись на улицах только с наступлением темноты. Они были одеты в свои черные одежды
буйбуй,

и только глаза виднелись сквозь узкие прорези. Жизнь в Ламу была сосредоточена в гавани, куда из Аравии на небольших арабских парусниках доставлялись финики, специи и персидские ковры для обмена на кенийские товары.

За проливом шириной в несколько километров находится остров Ламу, который входит в архипелаг, простирающийся к северу на 150 километров. Мы остановились в доме окружного комиссара на берегу моря. Это было двухэтажное строение с большим внутренним двориком в типично арабском стиле. Дом имел очень толстые стены и просторные, хорошо спланированные комнаты, в которых резная деревянная мебель четко выделялась на фоне выбеленных стен.

Вскоре после нашего возвращения в Найроби я и Джордж однажды встретились совершенно случайно. Он не искал этой встречи, поскольку, будучи влюбленным в меня, он, как честный человек, старался избегать меня, чтобы не разрушить мою семью. Однако вмешалась судьба, и мне вскоре пришлось заняться разводом.

В это печальное время мне надо было побыть одной. Я решила разбить свой лагерь на поросших вереском склонах горы Кения и рисовать там цветы, Экватор проходит как раз по покрытым льдом пикам этого потухшего вулкана, поднимающегося на высоту 5199 метров. Здесь альпийская флора Европы соседствует с растениями из Южной Африки, с гигантскими лобелиями и крестовниками, которые можно увидеть только на самых высоких горах Восточной Африки и Анд. А гора Кения, находящаяся на границе между двумя полушариями, удивительнейшим образом объединяет контрастные климатические условия. Я собиралась разбить лагерь на высоте примерно 4000 метров, там, где кончается граница леса и начинаются заросли вереска. Практическое осуществление этого плана оказалось нелегкой задачей. Мне нужен был повар и оруженосец, который сопровождал бы в поисках цветов и охранял от слонов и буйволов. Нужны были также и носильщики, поскольку необходимо было еженедельно доставлять почту и пополнять для нас запасы продуктов. Два окружных чиновника, к которым я обратилась за помощью, были настолько перегружены работой в связи с войной, что не могли взять на себя еще и обязанности присматривать за женщиной, собиравшейся разбить лагерь высоко в горах, чтобы рисовать там цветы.

Лишь фермер Раймонд Хук разрешил мои проблемы. Он был любознательным человеком и к тому же крупным натуралистом и обладал поразительными знаниями истории гепардов с тех времен, когда их держали в качестве ручных животных ассирийцы, древние египтяне, а также французы в период средневековья. Хук выдрессировал несколько гепардов для индийских магараджей, нескольких отправил в Англию на состязания с борзыми — затея, из которой ничего не вышло ввиду явного превосходства гепардов. Он скрещивал буйволов с коровами, зебр — с лошадьми и первым вывел красивого полосатого зеброида коричневой масти с головой зебры Грэви. Он использовал их в качестве вьючных животных или продавал в зоопарки. Несмотря на то что Хук был высокообразованным человеком, жил он в самых примитивных условиях.

Он предложил каждую неделю посылать в мой лагерь двух человек на лошадях, которые бы доставляли нам все необходимое. Работники Раймонда никогда не подводили нас, даже если была плохая погода или нм по пути встречались агрессивно настроенные слоны, все равно припасы в конце концов доставлялись нам. Они всегда привозили с собой записки от Хука, в которых говорилось, где я вероятнее всего могла бы найти наиболее интересные растения.

По его совету я разместила свою небольшую горную палатку, еще одну палатку для двух мужчин и «студию», сделанную из бамбуковых шестов, на краю вересковых зарослей под одним из деревьев на опушке леса. Преимущество такого размещения заключалось в том, что в случае нападения слонов или буйволов мы могли влезть на дерево. И в самом деле, каждую ночь какой-то буйвол протискивался между нашими палатками, почесываясь о парусину и приводя в ужас моего терьера Пиппина.

Я выбрала для работы дождливый сезон, когда все пышно цвело, ежедневно выпадал снег и туман держался обычно до полудня. Поразительную картину представляли собой поднимающиеся прямо из снега алые гладиолусы, темно-голубые и бирюзовые дельфиниумы и пурпурные лаконосы. Менее крупные цветы росли по берегам небольших ручьев и имели более яркую окраску, чем такие же цветы, растущие ниже. Высота влияла здесь и на фауну: антилопы канны, буйволы, шакалы и даманы были гораздо крупнее, чем их сородичи, обитающие на

более низких высотах; они отличались также и более густой шерстью и часто даже другой окраской. Гигантские лобелии и крестовники привлекали несколько видов нектарниц; в других районах эти виды никогда нельзя встретить вместе.
Однажды мы с оруженосцем принесли трехметровую лобелию в лагерь, поскольку я не могла рисовать ее там, где она росла. Очень скоро я почувствовала недомогание, затем стало плохо моему оруженосцу, у него распухли веки, губы и ноздри. Тогда я вспомнила, как однажды Питер взял несколько стеблей лобелии, чтобы положить их под пресс, и, несмотря даже на то, что он тщательно вымыл руки, его вырвало полчаса спустя, когда он вложил пальцы в рот, чтобы свистнуть. Позднее я узнала, что все лобелии содержат ядовитый млечный сок, действующий подобно каустику, и поэтому их никогда не используют в качестве топлива даже высоко в горах на склонах, где не растут деревья, поскольку дым при их сгорании вызывает тошноту. Этот яд оказывает более сильное действие, чем яд наперстянки.
Я намеревалась провести в горах один месяц, по там оказалось так много цветов, что я решила задержаться. Всего за четыре месяца работы с грелкой на коленях и Пиппином в ногах я сделала зарисовки семидесяти различных цветов.
Джордж навещал меня в конце почти каждой недели. Однажды он пришел поздно ночью, очень усталый после трехсоткилометрового переезда из Марсабита и подъема пешком до моего лагеря в сильный дождь по густому лесу.
Он только что оправился от малярии благодаря приему больших доз мепакрина. Многие плохо переносят это лекарство, поскольку оно оказывает серьезные побочные действия: одни теряют память, другие буйствуют, третьи заговариваются.
На следующий день утром Джордж отправился убить буйвола, который досаждал нам всю ночь. Эти животные редко нападают на человека, но они очень опасны, особенно если ранены, поскольку имеют привычку обходить охотника и нападать на него сзади. Впрочем, на этот раз буйвол набросился на Джорджа даже прежде, чем тот успел прицелиться, и у него оставались считанные мгновения, чтобы покончить с животным.
На обратном пути в лагерь Джордж начал как-то странно разговаривать, и, когда мы добрались до палаток, он потребовал свой револьвер и стал угрожать нам. Мы едва смогли уложить его в постель. Всю ночь он кричал на нас и метался. На рассвете он наконец крепко заснул и проснулся слабым, но здоровым. Причиной такого бредового состояния были принятые им большие дозы мепакрина. Он остался с нами в лагере до полного выздоровления.
Однажды в конце недели мы обходили пики горы Кения по самому краю ледников. Каждая долина отличалась большим своеобразием, и почти во всех мы видели высокогорные голубые озера, но, как бы ни было велико искушение искупаться, мы не поддались ему, поскольку знали, что нередко люди умирали от разрыва сердца после купания в ледяной воде.
Внезапно погода резко изменилась, наступило время муссонов. Ветер бушевал в лесу, выворачивая многие деревья, и я, совсем обессилев от бессонных ночей и опасений, что эти ледяные порывы ветра в любой момент могут снести и мой лагерь, решила вернуться домой.
По пути я заехала в Наньюки навестить Раймонда Хука. Когда я спросила, чем могу отблагодарить его, он ответил: «Я знаю эту величайшую гору, вероятно, лучше, чем кто-либо другой; теперь, когда я уже слишком стар, чтобы подняться хотя бы до вересковых зарослей, мне просто хотелось помочь вам сделать рисунки, чтобы люди, которые, как и я, больше уже не могут подняться и посмотреть эти прекрасные цветы там, где они растут, смогли бы увидеть их на ваших рисунках». Затем он сказал, что если я подарю ему два своих рисунка, то он сочтет их достаточным для него вознаграждением. Он предложил мне также переночевать в его доме, а не останавливаться в гостинице. Я, разумеется, согласилась.
После очень интересного вечера Раймонд установил для меня походную кровать в гостиной, а сам поднялся наверх. Когда я уже легла в постель, африканец принес стеклянную банку, в которой плавали тропические рыбки. Он поставил банку на жаровню, в которой тлели красные угли, затем накрыл все это одеялом и ушел. Скоро дым от углей заполнил всю комнату и я стала задыхаться. Я разрывалась между сильным желанием открыть окно и уверенностью, что это погубит рыбок. Помня доброту Раймонда ко мне во время моего пребывания в горах, я приняла решение в пользу рыбок, что означало для меня бессонную ночь.
Утром следующего дня я выехала в Найроби. Там я узнала, что мой развод состоялся и мы с Джорджем могли вступить в брак.

Северная пограничная провинция

Первое мое знакомство с тем, что представляла собой работа Джорджа, надолго потрясло меня. До Департамента охоты дошли слухи, что из лагеря военнопленных близ Найроби исчезло несколько человек. Это случилось на равнине Одинокого дерева, где обитало много диких животных, в том числе к семейство из восьми львов. Известно было лишь то, что пленных больше нигде не видели. Джорджа и одного из его сослуживцев попросили, чтобы предотвратить другие трагедии, застрелить львов, если возможно, всех сразу. Это была нелегкая задача. Львов надо было выследить в то время, когда они голодны. Определив направление ветра, приманку оставили у ручья. Две машины были спрятаны поблизости в зарослях, и Джордж попросил, чтобы я осталась в его машине. Видимо, он хотел, чтобы я постепенно привыкала к невзгодам, которые случаются в жизни людей, охраняющих диких животных.
Мы ждали, как мне показалось, целую вечность. Потом первыми обнаружили приманку грифы и начали кружить над тушей, наводя на нее львов. Наконец все восемь львов принялись терзать тушу, они рычали и наносили удары лапами друг другу, стараясь отстоять свою долю добычи. Никогда раньше я не находилась так близко даже от одного льва. Мысль о том, что через несколько мгновений все эти великолепные золотистые кошки будут мертвы, ужасала меня. Раздался ружейный залп, львы слепо бросились врассыпную, пытаясь спастись бегством, и падали почти с таким же стоном, как и люди. Один из львов сумел уйти; это была львица, которая сильно хромала. Джордж и его напарник бросились преследовать ее, а я осталась одна возле мертвых тел. Смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к такой отвратительной работе? Если даже в данном случае этот отстрел, видимо, был оправданным, чтобы не допустить превращения восьми львов в людоедов прямо в предместьях города Найроби, в глубине своей души я не могла осуждать львов за то, что они напали на людей, которые должны были знать, что в этих местах обитают львы, и держаться с осторожностью.

Когда Джордж, убив раненую львицу, вернулся, мы отвезли львов в Департамент охоты, и мне потребовалось все мое самообладание, чтобы заставить себя не смотреть на людей, разглядывавших наш ужасный груз.

После этого случая мы пешком отправились на горную цепь Матьюс. Это путешествие должно было стать нашим медовым месяцем. Только один белый человек, кроме Джорджа, исследовал эту растянувшуюся более чем на сто пятьдесят километров горную гряду. Местные жители, жившие здесь, принадлежали к вандоробо — одному из племен Кении. Первоначально каждая семья занимала отдельную гору и охраняла ее, втыкая маленькие палочки вдоль своих троп. Если посторонний человек приходил к хозяевам с добрыми намерениями, он оставлял такие же палочки вдоль своего пути. Но если хозяин находил неотмеченные следы человека в других местах, он знал, что они принадлежат браконьеру или похитителю меда. Последние наказывались племенем самым жестоким образом.

Вандоробо жили в непрочных жилищах, сделанных из травы, которые они оставляли, перебираясь на новое место. Мы часто находили тлеющие угли костра у таких хижин; обитатели покидали их, заслышав наше приближение.

После того как мы прожили несколько недель в этой девственной, дикой местности, я вполне разделяла мнение Джорджа, что буду настолько очарована Северной пограничной провинцией, что никогда не пожелаю покинуть ее, даже и в том случае, если наш брак сложится неудачно. Приученная к строго организованному образу жизни, я вначале с трудом приспосабливалась к таким ситуациям, когда, скажем, Джордж просил меня запастись провизией на пять недель, но позднее оказывалось, что мы будем путешествовать не пять недель, а шесть месяцев, или заготовить продукты для поездки на три месяца, а мы вдруг возвращались домой через четыре недели. Но тем не менее я скоро к этому привыкла.

Пока Джордж занимался браконьерами и устанавливал контроль за дикими животными, я рисовала растения и собирала их для музея в Найроби и для различных международных институтов. Были у меня и другие занятия: я вела раскопки древностей, собирала ископаемые остатки, заспиртовывала насекомых и коллекционировала мелких пресмыкающихся и грызунов.

Случались и различные происшествия. Однажды мы услышали лай гиеновых собак и устремились на их голоса через лес, где и увидели стаю, сжимавшую кольцо вокруг антилопы — большого куду, который уже стоял на самом краю пропасти. Тяжело дышащее, перепуганное животное ожидала верная смерть: либо прыгнуть в пропасть, либо быть растерзанным стаей хищников. Загнанный в западню, куду совершал смелые, но безнадежные выпады против гиеновых собак. Джордж тотчас же начал стрелять по ним, нескольких убил, а остальные собаки мгновенно разбежались, и куду был спасен.
В другом случае мы нашли одинокого жеребенка зебры Грэви. Мы долго наблюдали за ним, думая, что мать все же вернется, но в конце концов нам пришлось взять его с собой. Всегда очень важно подольше понаблюдать за предполагаемым сиротой, прежде чем идти ему на помощь, поскольку мать, уходя в поисках корма, приказывает своему малышу оставаться на месте до ее возвращения. Детеныш выполняет эту команду неукоснительно, и поэтому легко может случиться, что детеныш, принятый за сироту, будет подобран людьми, тогда как в действительности мать вернется за ним позднее, а животное будет напрасно лишено возможности жить в естественных для него условиях.
Жеребенок зебры, с длинными ногами, большой головой, мохнатой шерстью и красноватыми полосками, оказался таким очаровательным, что я сделала несколько набросков с него, которые храню и по сей день. Мы кормили его разведенным сухим молоком, и он прожил несколько дней, но потом все же погиб. Очевидно, его мать знала, что детеныш не сможет выжить, и поэтому оставила его.
Зебра Грэви — самая красивая из всех видов зебр и она единственная из них поддается приручению. Эти животные встречаются в Кении на высоте до 900 метров над уровнем моря. Между небольшим городком Наньюки, расположенным на высоте 2100 метров у подножия горы Кения, и городом Исиоло, лежащим на высоте 900 метров, находится зона шириной в восемь километров, где высокогорную фауну сменяют животные пустыни.

Фауна Северной пограничной провинции удивительно богата. Здесь обитают сетчатый жираф, особый подвид африканского страуса с синими ногами, орикс
[20]
, бубал Хантера, жирафовая газель геренук и зебра Грэви. Этих животных никогда не увидишь на плоскогорьях, где встречаются антилопы гну, другой подвид африканского страуса с розовыми ногами, газель Томсона и масайский жираф. Но есть другие виды животных, которые совместно обитают в Кении в одних и тех же местах, в том числе конгони и газель Гранта, бегемоты и носороги и хищные животные.

Львы встречаются на различной высоте над уровнем моря. В пустынной местности до высоты 900 метров водится
Felis somaliense
[21]
. Эти львы значительно меньше по величине, чем те, которые обитают на большей высоте. Часто у них отсутствует грива и сохраняются пятна на шкуре; они могут долгое время обходиться без воды, довольствуясь жидкостью, полученной из корней и травы или с кровью добычи.

Другой лев
(Felis masaica)
преимущественно встречается на территории, где живет племя масаи, на высоте от 900 до 3600 метров над уровнем моря. Это менее выносливое, чем
Felis somaliense,
и довольно ленивое животное с прекрасной гривой. В районе обитания этих львов всегда много добычи, по они нуждаются в постоянном источнике воды.

Одновременное уничтожение восьми львов, которые, по предположениям, растерзали пленных, было одним из многих случаев, когда Джорджу поручалось немедленно уничтожать хищников-

людоедов. Меня часто спрашивают, что делает льва людоедом. Причины этого, видимо, различны: старый лев, потерявший клыки, может счесть человека самой легкой добычей; такое же объяснение верно и в отношении льва, который, будучи раненым, теряет способность охотиться. Искушение для льва представляют и те африканские пастухи, которые остаются спать за пределами колючей ограды загона для скота, поскольку, видимо, для льва меньше риска убить спящего человека, чем прыгать в загон и убивать добычу в самом стаде. Что касается львов, которые убивают людей беспричинно, не ради пищи, то они столь же нетипичны и анормальны, как и лица, совершающие массовые убийства людей. Но если у пары львов-людоедов появляются детеныши, то они учат их своим постоянным привычкам.

> Сообразительность львов общепризнана и подтвердилась однажды самым необычным случаем, который произошел, когда Джорджа попросили убить двух львов-людоедов. Для убийства таких животных нет запрещенных приемов, и поэтому Джордж положил небольшую дозу стрихнина в куски свежего мяса и оставил их на месте, где он видел последние следы львов. Вскоре мясо исчезло. Обнаружив это, Джордж пошел по следам львов, и они привели его к кусту, покрытому мелкими красными ягодами —
> Cordia quarensis.
> Эти ягоды — сильнодействующее рвотное средство, и местные жители едят их в тех случаях, когда хотят, чтобы их стошнило. Оказалось, что львы легли под кустом, наелись ягод и исторгли все содержимое своих желудков, включая и стрихнин. Потом они пошли через скалы, где Джордж уже не мог их выследить. Хотя верится и с трудом, но вероятно, что львы, почувствовав себя плохо, сами наелись ягод, видимо предчувствуя, что они вызовут рвоту.

Вскоре я узнала еще одну заповедь в своей новой жизни — никогда нельзя ходить в буш без ружья.
В противном случае можно застать врасплох и внезапно напугать спящее или больное животное или мать с детенышем. В таких случаях животное, вероятнее всего, нападет на человека. Выстрелом же из ружья в воздух можно наверняка обратить их в бегство.
Раньше я верила, что так называемые опасные животные являются свирепыми по своей природе и нападают на любого человека, который им встречается. На самом деле они вполне миролюбивы: все, что им надо, — это чтобы их оставили в покое, и только в тех случаях, когда животные застигнуты врасплох и чувствуют опасность, они становятся агрессивными.
Джордж хотел, чтобы я научилась стрелять не только мелких животных для еды, но и крупную дичь. После того случая, когда я убила косулю в Зайфенмюле, я больше не хотела убивать животных, но я просто должна была стать хорошим стрелком, чтобы в исключительных случаях помогать Джорджу. Первым, кого я здесь убила, был слон. Три слона повадились уничтожать посевы фермеров близ Исиоло, и Джордж получил приказ убить их. Я очень огорчилась, когда, страхуемая сзади Джорджем на случай неудачи, застрелила одного из этих прекрасных гигантов. Джордж убил двух других. Местные жители из племени туркана устроили праздник сырого мяса, а мне пришла в голову мысль, что если я буду варить кусок слоновьего языка в течение сорока восьми часов в нашей кастрюле с герметической крышкой, то может получиться вкусное блюдо. Так я и сделала. Когда к нам неожиданно пришли гости, я украсила язык зеленью и объявила, что предстоит особое угощение. Вначале Джордж откусил большой кусок языка и тут же выскочил из комнаты. Я тоже попробовала мое блюдо и немедленно последовала за Джорджем. «Особое угощение» оказалось жестким, как резина и с отвратительным запахом.
Вскоре Джордж получил жалобы о набегах слонов на маисовые поля близ Вамбы, торгового центра племени самбуру у отрогов горной цепи Матьюс. Чтобы сэкономить время, мы отправили вьючных животных вперед, а сами выехали на машине через два дня.
На нашем пути мы проехали через Арчерс-Пост; в 1900 году это был единственный административный пункт на пути из Найроби в Аддис-Абебу. Сейчас на этом месте осталось лишь несколько камней от бывших фундаментов.
Вокруг простиралась бесплодная белая известняковая равнина без каких-либо признаков растительности, не считая нескольких колючих деревьев и пальм дум. Мы остановились у родника, который был превратен в небольшой водоем. Вода в нем была кристально чистой,

поскольку она постоянно впитывалась в известняк и снова пополнялась из родника. Наслаждаясь купанием в прохладной воде, мы заметили семисантиметровых рыбок неизвестного нам вида. Позднее мы узнали, что они принадлежат к какому-то виду тилапии. Как они попали в водоем, который расположен за многие километры от реки, осталось для нас загадкой.

После того как мы пересекли равнину, местность стала сначала холмистой, а потом начались горы, достигающие высоты 2400 метров. Поздно вечером, когда мы проезжали под высокой скалой, Джордж обратил внимание на усеявшие ее черные пятна. Как только он крикнул, черные пятна превратились в бабуинов, которые бросились к вершине скалы и исчезли. Очевидно, они устроились на ночь на едва различимых для нас уступах, где их не может достать леопард.

Добравшись до Вамбы, мы с сожалением узнали от наших погонщиков, что двумя ночами раньше лев перепрыгнул через изгородь, убил одного осла и так покалечил трех других, что все они погибли. Это случилось настолько быстро, что погонщики не смогли уберечь животных, хотя одному из них все же удалось прогнать льва своим копьем.

Мы провели ночь в Вамбе, потому что местный начальник хотел, чтобы Джордж застрелил одного из свирепствовавших в округе слонов и оставил его труп на месте для отпугивания остального стада. Известно, что слоны очень чувствительны к смерти как человека, так и своих сородичей.

> Мы еще не успели распаковаться, а мне уже предложили купить карликового мангуста. Это был киплинговский Рикки-Тикки-Тави
> [22]
> . В Вамбе, которая ими славится, они населяют находящиеся поблизости термитники. К несчастью для этих маленьких зверьков их легко поймать и сделать ласковыми, ручными. Конечно, я его купила, и каждый раз потом, увидев карликового мангуста, привязанного в африканской лавочке, я покупала его и выпускала на волю в подходящем месте.

Была безлунная ночь, когда африканцы повели нас к тому месту, где уже находились на поле слоны. Мы шли друг за другом, стараясь не ломать стебли и не производить никакого шума, который мог бы выдать наше присутствие. Мы знали, что слоны близко, но они также не издавали ни единого звука. Обстановка была напряженной.

Вдруг ведущий остановился и указал на темную массу. Поскольку встречный ветер не доносил нашего запаха до слонов, мы подошли почти вплотную к стаду. Одинокий самец стоял всего лишь в пятнадцати метрах от нас. Я должна была осветить его фонарем, чтобы помочь Джорджу прицелиться. Подняв фонарь над головой Джорджа, я включила его и направила на слона. Раздались два выстрела, потом еще два.

Тишина, последовавшая за четырьмя выстрелами, вдруг разорвалась говором и смехом, и вокруг нас внезапно появились люди из племени самбуру.

На следующее утро нас разбудила шумная группа африканцев, которые просили нас застрелить еще одного слона, чтобы «просто проучить их». Вскоре Джордж выяснил мотивы их просьбы. Ночью появились три семейства из племени вандоробо и съели все, что было наиболее съедобно у убитого слона, и теперь самбуру хотели устроить свой праздник, но Джордж отказался убивать еще одного слона по этой причине.

В тот же день мы выехали в Барагои. В местности, которую нам пришлось пересекать, водилось много львов, и мы продвигались вперед медленно, охраняя вьючных животных. Барагои оказался маленькой деревушкой на берегу речки, которая к тому времени пересохла. Нам рассказали, что за неделю до нашего приезда слон убил человека и с тех пор ежедневно в четыре часа дня приходит на место трагедии. Местные жители племени хотели, чтобы Джордж застрелил этого слона, и привели нас на то место, где он напал на человека. Там мы увидели несколько изодранных лохмотьев, глубокие ямы, где слон вонзал свои бивни в землю, и еще свежие следы слона.

Мы попытались пойти по следам, по встретили лишь одного мирно пасущегося слона, который спокойно ушел, когда Джордж сделал несколько неприцельных выстрелов у него над головой.

Положение жителей Барагои было тяжелым. Они пострадали не только от недавней засухи. Налетевшие тучи саранчи уничтожили всю растительность, превратив местность в пустыню.

Мы отдали жителям все наши запасы воды и поспешно уехали, надеясь добраться до следующего источника воды, пока еще не стемнело.
К тому времени Пиппин и маленький мангуст стали друзьями. Я ехала на муле, держа собаку на коленях, а мангуста в кармане. Засветло мы добрались до долины Саут-Хорр и остановились у небольшого ручья. Здесь был рай для слонов и других животных, и засушливый сезон каждый вечер собирающихся к воде. Нам очень хотелось искупаться, но мы знали, что следует подождать до утра, так как слоны имели «право на воду». Здесь нам удалось понаблюдать за слоненком, которому явно было не больше месяца и который с величайшим старанием повторял все движения матери: так же хлопал ушами, поднимал хобот и изо всех сил старался не отстать от нее, когда она шла.
На рассвете Джордж отправил своих помощников на поиски браконьеров. Больше всего ему хотелось поймать знаменитого Адукана, главаря крупной банды. А пока мы решили прогуляться по пересохшему руслу реки. Вдруг Джордж показал рукой вперед и опустился на землю. Я последовала его примеру и увидела винторогую антилопу — малого куду. Он щипал листья в подлеске, настороженно прислушиваясь к малейшим звукам, даже к хрусту сломанной веточки. Нас он не мог заметить, так как ветер дул нам навстречу, и мы смогли спокойно наблюдать за грациозной и неуловимой антилопой. Это настоящее чудо природы с серебристо-серой шерстью, пересеченной вертикальными белыми полосами, с белыми отметинами и форме полумесяца на шее и белыми полоскам на морде. Голова антилопы увенчана рогами в форме лиры, и все пропорции ее тела необычайно гармоничны. После сетчатого жирафа малый куду мое самое любимое животное. Как завороженные следили мы за этой антилопой, пока она вдруг не бросилась в буш и не исчезла.
Вернувшись в лагерь, мы увидели там группу мрачных браконьеров, находившихся под охраной наших помощников. Пока Джордж допрашивал их, еще два помощника привели старого туркана — знаменитого Адукана. Он был легендарной фигурой, и за его поимку не раз предлагались высокие вознаграждения, но безрезультатно. Однажды, когда какой-то окружной чиновник, выслеживая браконьера, проходил по узкой тропе под утесом, Адукан скатил на него огромный валун. Он промахнулся всего лишь на несколько сантиметров.
При аресте Адукана в пещере, где он был схвачен, помощники обнаружили много добытых им трофеев. Там было полным-полно рогов носорогов, кнутов из кожи бегемотов, серег из слоновой кости и браслетов из шерсти жирафа и из волос слоновьих хвостов. Все это Адукан намеревался пустить в продажу.
Теперь он с усмешкой стоял перед Джорджем, полностью уличенный и признающий все свои преступления. Когда Джордж поинтересовался, как случилось, что его поймали, он объяснил, что спросил «оракула» о своем будущем и тот ответил, что его ждет арест. Поэтому он сложил свои вещи и просто ждал, когда его возьмут.
Предсказание судьбы «оракулом» является старым обычаем турканов. Обычай состоит в том, что в воздух бросают сандалии, а потом рассматривают, в какое положение они легли, и толкуют его. Под впечатлением веры Адукана в своего «оракула» я спросила его, что происходит с моим отцом. Он сел, бросил вверх сандалии и странным голосом возвестил, что мой отец чувствует себя превосходно, послал мне много денег и пожелания удачи. Поскольку мой отец умер много лет назад, этот случай только укрепил мой скептицизм в отношении всяких предсказаний судьбы.
Вскоре Адукан, хотя и в наручниках, начал командовать своими пленными собратьями; потом среди помощников он узнал бывших членов своей шайки и, вероятно, отметил, что они выглядят упитаннее и счастливее, чем в то время, когда служили ему, а также что они уважают и любят Джорджа. Прошло немного времени, и он сам высказал пожелание стать помощником Джорджа, обещая, если его примут, показать скрытые запасы слоновой кости. Джордж был знаком с подобными рискованными предложениями и знал, что большинство браконьеров, принятых на работу на таких условиях, позднее все равно убегали, но он решил поверить Адукану, рискнул, и риск оправдался. Старый браконьер многие годы работал с помощниками Джорджа, научился пользоваться ружьем и, участвуя в операциях, надевал высокую красную феску, как явный символ превосходства. Сейчас, когда ему предстоял дальний путь и мы проходили мимо его жилья, Джордж спросил его, не хочет ли он навестить свою семью. Он отказался, но попросил выдать аванс в счет будущей зарплаты, чтобы купить козла для своих близких в качестве прощального подарка.

На следующее утро мы увидели далеко внизу озеро Рудольф, выглядевшее расплывчатым голубым пятном, обрамленным кольцом черной лавы. Теперь нам предстояло пробраться по труднопроходимым лавовым осыпям к вулкану Телеки. Ослы с большим трудом передвигались по этой дикой местности, но наконец мы добрались до защищенной от ветра стоянки. Это было одно из тех мест, где венгерские исследователи Ш. Телеки и Л. Хёнель, открывшие озеро Рудольф и озеро Стефани, разбили свой лагерь в 1888 году.

Поставить здесь палатки оказалось делом нелегким, сильный штормовой ветер рвал веревки из рук и забивал глаза и нос песком. После бессонной ночи мы вновь отправились в путь и вскоре пришли к широкой песчаной
лагге
[23]
; на скалах, окружавших ее, я обнаружила наскальные рисунки гигантских жирафов и антилоп с огромными рогами. Луис Лики дал мне материал для калькирования, и я смогла снять копии этих изумительных рисунков. Потом в течение трех часов мы ехали по старой лаве, покрытой слоями недавно излившейся лавы. Я чувствовала себя очень неспокойно, когда под лавовой коркой под копытам мула гулко отдавались пустоты. Достигнув наконец подножия вулкана Телеки, мы привязали вьючных лошадей к нескольким приспособившимся к суровым условиям ладанным деревьям
(Boswella carter),
из которых изготовляют ладан, и поднялись к краю кратера.

Когда озеро Рудольф было открыто впервые, вулкан еще действовал; с тех пор на дне кратера появились три еще маленьких вулкана. Перед нами была завораживающая взор картина густой сетки иссиня-черных потоков новой лавы, пересекавших старую лаву, и я начертила план, показывающий самые поздние извержения. Я только сожалела, что не смогла запечатлеть запах, доносившийся из многочисленных серных источников.
Мы спустились к озеру, где в тени дерева нас ждал Пиппин. Был полдень, и было очень жарко. Озеро манило к себе, но в зарослях тростника дремало не менее двадцати крокодилов, так что перед нами стоял выбор: либо продолжить наш путь без надежды встретить тень, сулящую прохладу, либо искупаться в воде в компании крокодилов. Мы выбрали последнее. Пока одни окунались в воду, другие бомбардировали животных камнями. Тем не менее один молодой крокодил преследовал нас так настойчиво, что в конце концов Джордж был вынужден пристрелить его.

Освежившись, мы отправились к небольшому водоему Сурима, расположенному близ южной части озера. Пиппин сидел у меня на коленях, чтобы не обжечь себе лапы на горячем песке. Мы считали, что теперь заслужили дневной отдых, и я провела его, исследуя ближайшие окрестности. На скале, нависшей над водоемом, было несколько наскальных рисунков верблюдов, явно недавнего происхождения. Мы спросили жителей племени рендиле, кто высек эти рисунки. Они ответили: «Бвана Рис». Потом в километрах трех от озера я наткнулась на наскальные рисунки совершенно иного характера. В этом месте узкое ущелье выходило на большую круглую площадку, которая могла служить как местом для укрытия, так и местом сборищ. На середине окружавших ее отвесных стен находился узкий уступ, и над ним на высоте вытянутой руки виднелось несколько наскальных рисунков. На одном из них изображалась вереница жирафов, ведомых человеком. Я задумалась, не означает ли это, что в те времена, когда были сделаны эти рисунки, жирафы были ручными животными. Здесь я увидела также схематические рисунки ориксов, фламинго, буйволов, носорогов и нескольких мелких видов антилоп. Я скопировала их, и, когда показала Луису Лики, он был восхищен. Через два года эти рисунки были напечатаны в журнале Национального общества естественной истории Кении. Впоследствии оригиналы были отправлены в Англию, в Лондон, где они вызвали большой интерес, поскольку представляли собой первые наскальные рисунки, найденные столь далеко на востоке в Восточной Африке. Значительно позже мы с Джорджем встречали аналогичные изображения мамонтов в пещерах южной Испании, а в пустыне Сахара я видела пиктографическую письменность

[24]
, похожую на ту, которую мы видели на холме Порр близ островов Эль-Моло.

Наша следующая поездка состоялась к источнику Хададо, который славился целебными свойствами своих вод, якобы излечивающих от любых болезней; считали также, что имеющиеся вокруг источника залежи солей возвращают женщинам способность беременеть. Жители различных племен приходили к источнику со всей округи. Даже масаи, жившие за многие сотни километров, приходили сюда. Мы попробовали воду: она имела сильный привкус серы. Однако нашим вьючным животным вода очень понравилась, и стоило больших трудов оттащить их от источника.

Мы взяли маленькую плоскодонную лодку в надежде добраться до Южного острова. Этот остров лишь однажды, в 1934 году, был исследован экспедицией во главе с Фуксом (известным впоследствии своими антарктическими исследованиями). Его экспедицию постигло несчастье, и два ее участника — Дайсон и Мартин — утонули. Джордж надеялся во время нашего путешествия высадиться на Южном острове, по этот план, как и в предыдущие его поездки, был сорван пользующимся дурной славой ветром, который сделал переправу невозможной; на этот раз штормовой ветер достигал скорости почти ста пятидесяти километров в час.
Вместо этого мы обследовали северо-западную часть побережья озера. Нам пришлось идти преимущественно пешком, поскольку покрытая лавой земля была непроходимой для мулов. Жара была невыносимой, и, хотя мы шли преимущественно ночью, я часто бросалась в озеро, одетая в бриджи, джемпер и ботинки, так что я ощущала прохладу только в тот короткий период времени, пока они высыхали. Днем мы вынуждены были закрывать каждый сантиметр нашего тела, чтобы палящие лучи солнца не сожгли кожу, а Джордж пользовался даже губной помадой, чтобы предохранить губы от растрескивания.
Сквозь лаву кое-где пробивалась изумрудно-зеленая трава, которая так и манила к себе, но когда мы попытались на нее сесть, то моментально подскочили, поскольку каждая травинка была подобна иголке. Последующие недели наши несчастные вьючные животные не могли найти ничего другого для пропитания кроме этой травы. В результате многие из них заболели, а пять ослов погибло. Кроме травы, встречалось также несколько видов грибов-дождевиков. Из них турканы извлекают темный порошок и используют его для окраски своих щитов. Однажды, проходя мимо скалы из туфа, я заметила черепки посуды. Я собрала их и позднее отправила в музей в Найроби. Как выяснилось, сделанные на них орнаменты были неизвестного происхождения.
Мы разбили лагерь близ озера Матрон, где скалистый берег подходит к глубокой части озера. Здесь мы могли не опасаться крокодилов и, взяв гарпунные ружья и маски, устремились в воду. К нашему изумлению, мы обнаружили двух маленьких, ярко окрашенных рыбок. Одна была красной и, так же как коралловая рыбка, имела «фальшивый черный глаз» возле хвоста и пятнышки ярко-синего и бирюзового цвета на плавниках. У другой, выглядевшей так, будто она из черного бархата, были переливающиеся голубые пятна на плавниках. Я сделала наброски по памяти, поскольку знала, что, как только рыбок вынешь из воды, они тут же потеряют свою окраску. Позднее, поймав этих рыбок и сохранив при помощи соли, мы отправили их в музей, где определили, что они принадлежат к видам, которые до тех пор были известны как обитающие только у западного побережья Африки. Я также отправила в музей хамелеона с белыми ногами и белыми отметинами на теле и черепаху с очень плоским панцирем. Они оба оказались представителями неизвестных видов.
Однажды вечером, когда, изнуренная жарой, я отдыхала в палатке, из-за холма появился длинный караван в сотню верблюдов. Каждый их шаг сопровождался низким звуком «клонк, клонк» их деревянных, ручной работы колокольчиков. Шествуя по иссиня-черной лаве на фоне отливавшего свинцом озера и огненно-красного вечернего неба, они походили на сказочное видение. Женщина, ведущая караван, казалось, тоже появилась из сказки. Она была высокой и длинноногой, с монгольскими чертами лица, а ее волосы были убраны в высокую прическу, окрашенную охрой и смазанную жиром. Ниже пояса ее тело закрывали верблюжьи шкуры, выкрашенные охрой, тогда как шею и плечи украшало широкое ожерелье, сплетенное из коры пальмы дум и богато украшенное цветным бисером. На лбу женщины блестели три металлические нитки бус, в ушах висели металлические серьги в форме полумесяца. За нею

следовало несколько красивых мужчин из племени рендиле. Жители этого племени независимы и довольно зажиточны.
Наш следующий лагерь мы разбили в Лонянгалани, оазисе среди лавовой пустыни. Здесь были источники пресной воды, мягкая трава и дающие тень пальмы дум. С того места, где мы находились, берег озера Рудольф был как будто покрыт хлопком, но когда мы приблизились, то оказалось, что это стаи пеликанов, гусей, уток, ибисов, колпиц, фламинго, аистов, цапель, чаек и других водоплавающих птиц! Было любопытно наблюдать пеликанов за рыбной ловлей. Они плавали открытым V-образным строем, держась непосредственно друг за другом, и, погружая одновременно голову в воду, ловили рыбу, которая заплывала в эту своеобразную западню.
Однажды мы направили нашу лодку к островам Эль-Моло. Там мы обнаружили несколько непрочных шалашей, сделанных из шестов и покрытых собранной в озере растительностью, — они были придавлены валунами, чтобы их не сдул ветер. Это были жилища двух семейств, населяющих Эль-Моло. Подвергаясь гонениям со стороны более сильных племен, они наконец нашли себе убежище на этих маленьких островах, которые, когда Телеки обнаружил озеро, еще соединялись с материком.

> Жители Эль-Моло питались рыбой, иногда мясом бегемотов и крокодилов или — для разнообразия — черепах. С примитивных плотов, сделанных из трех стволов пальмы дум, они ловили рыбу с помощью острог и сетей, изготовляемых из волокна той же пальмы дум, единственного дерева, которое не гнило в щелочной воде. В качестве тарелок жители Эль-Моло использовали панцири черепах. Это были драгоценные тарелки, поскольку местные черепахи принадлежат к роду
> Tronyx,
> африканские представители которого обитают только в этом озере и в Ниле. Британский музей многие годы пытался приобрести такую черепаху, но безуспешно, поэтому мы предложили большое вознаграждение тому, кто поймает нам черепаху. Вскоре черепаха была поймана и преподнесена нам; позднее мы отправили ее в Лондон.

В то время на островах Эль-Моло жило всего восемьдесят человек, которые из-за слишком щелочной диеты страдали от цинги и рахита. Тем не менее местные жители приветливо отнеслись к нам, и я была огорчена тем, что они, казалось, были обречены на вымирание. К счастью, этого не случилось, поскольку правительство, узнав о таком бедственном положении, обеспечило их овцами, козами и овощами.
Я хотела нарисовать чету жителей Эль-Моло, и предложил им в награду за позирование табак. Тогда ко мне выстроилась целая очередь. Несмотря на бедность, эти добрые люди предложили нам целую груду гигантских тилапий, которые очень вкусны. Когда Джордж убил крокодила, жители пришли в сильное возбуждение и стали буквально рвать свежее мясо и даже жесткую шкуру, которая, по их уверениям, была не менее вкусной. Однажды вечером вышли поискать крокодилов вокруг нашей палатки. Их глаза сверкали, отражая свет нашего факела.
Джордж застрелил одиннадцать штук, после чего мы думали, что другие, безусловно, уберутся восвояси. Каков же был мой ужас, когда на следующее утро я проснулась и увидела крокодила перед моей палаткой! Я застрелила его прямо из постели.
Джордж занялся поимкой местных браконьеров, и я исследовала другой остров из этой же группы. На небольшой площадке я увидела несколько пирамидок из камней и попросила наших работников разобрать камни. Под одной из пирамидок оказалась каменная плита, а под ней песок и несколько костей. Еще в Цюрихе, а позднее от Луиса Лики я узнала, что никогда нельзя вытаскивать отдельную кость, а следует обмести песок, пока не покажется соединение костей. Здесь я обнаружила целый скелет; он был захоронен в согнутом положении, на правом боку, с руками и коленями, сложенными вплотную к лицу. Аккуратно сфотографировав и зарисовав скелет, я завернула кости в вату и сложила в коробку. В другом захоронении был такой же скелет. Близ захоронений я нашла цветок желтого портулака, первый цветок, увиденный мною у озера Рудольф. Позднее оказалось, что это новый вид.
Затем мы направились к горе Кулал — вулканическому массиву, протянувшемуся параллельно озеру на сорок пять километров. Когда деятельность вулкана прекратилась, землетрясение раскололо массив посередине. В результате образовался круглый провал глубиной в тысячу двести метров и диаметром шесть километров. Постепенно стены его избороздили расселины,

напоминающие дольки апельсина, соединенные у основания и веером расходящиеся кверху. Массив увенчан крутыми, узкими гребнями, ведущими к вершине покрытой тропическим дождевым лесом. С равнины Кулал выглядел как ничего собой не представляющий холм, но в действительности он представлял собой одно из чудес света, почти такое же, как Гранд-Каньон в Аризоне.

Мы добрались до подножия Кулала на закате, и люди принялись сооружать бома [25] для защиты наших вьючных животных. Пока продолжались работы, местные жители рассказали нам, что несколько львов напало на верблюдов жителей племени рендиле и самбуру, которые живут у вершины горы. Они попросили Джорджа убить этих львов. Джордж был удивлен новостью, поскольку никогда раньше не слышал о львах на Кулале и знал лишь, что там встречаются буйволы и антилопы большие куду. В прошлом на горе обитали даже слоны, но они уже давно были истреблены браконьерами. На следующее утро мы попытались найти гребень, достаточно широкий для того, чтобы по нему могли подняться наверх ослы, но в конце концов во многих местах, там, где он был слишком узким, мы были вынуждены развьючить их и нести груз на себе.

Поднявшись на высоту почти 2000 метров, мы достигли вершины. Сильная жара сменилась пронизывающим холодом, и мы сели в сыром тропическом лесу вокруг костра, натянув толстые пуловеры, и через завесу серых лишайников наблюдали за мерцающим в мареве далеко внизу озером.

Утром, пока Джордж допрашивал браконьеров, я взяла свой альбом для рисования и акварельные краски и пошла с проводником к центральному провалу, край которого был настолько узким, что местами наши ноги соскальзывали по обе его стороны. Отсюда открывалась широкая панорама, и, чтобы передать ее внушающее трепет величие, мне пришлось взять три листа бумаги и рисовать по частям.

На другой день мы отправились вниз к обширной пустыне, чтобы обследовать ущелье, ведущее к центральному провалу. Когда мы шли по узкой тропе, огражденной с обеих сторон отвесными стенами почти стометровой высоты, которые часто сходились настолько близко, что даже трудно было развести руки в стороны, нам повстречались два носорога, видимо, жившие здесь. К счастью, нам удалось вспрыгнуть на узкий уступ, покрытый кустарником, и таким образом избежать столкновения с ними. Потом мы пришли к огромному валуну, перед которым находилась глубокая яма, наполненная дождевой водой. Она преграждала нам путь вперед. Мы прошли еще около трех километров, но по-прежнему были далеки от центра провала. Тогда мы повернули назад и взобрались по южному склону Кулала. Тропа была очень узкой, но вполне достаточной для того, чтобы по ней пошли ослы. Вдруг всех нас охватила паника: на противоположной гряде мы увидели носорога, несущегося вниз, как потерявший управление танк. Он был отделен от нас глубоким ущельем, но все равно зрелище было страшным. В эту ночь мы разбили лагерь на южной вершине, оказавшейся такой же холодной и сырой, как и северная.

Через некоторое время появились несколько старейшин из племени самбуру и попросили Джорджа убить льва, нападавшего на их скот. Они рассказали нам, что у льва существует привычка прятаться на ветви дерева и следить за проходящим мимо стадом. Выбрав жертву, он прыгал на нее и тащил прочь, когда как остальное стало разбегалось в разные стороны. На стволе дерева нам показали глубокие царапины, которые наверняка были оставлены львом, и это убедило нас в правдивости истории. Пока наши люди разбивали лагерь и строили прочный бома для ослов, мы отправились на поиски льва и обнаружили его совсем недалеко. Он явно интересовался нашими ослами, но не успел Джордж выстрелить, как лев мгновенно исчез. Весь вечер мы были настороже. Около десяти часов вечера Джордж схватил ружье и дважды выстрелил. Оказалось, что три льва перепрыгнули через колючую загородку и сильно покалечили одного из ослов. Джордж убил одного льва и ранил другого, а третьему удалось уйти. Поразительно, что ни одно из наших вьючных животных не издало ни единого звука, когда львы напали на них.

К сожалению, раненый осел погиб. Мы пытались выследить ускользнувшего льва, но вокруг было так много следов скота, что нам не удалось этого сделать.
На следующее утро к нашему каравану присоединился теленок буйвола, потерявший свою мать. Его привели жители племени самбуру и попросили присмотреть за ним. Они снабдили нас большим запасов молока; буйволенок быстро привык к бутылке, и кормление его не представляло проблем. Он был еще покрыт мягкой шерстью и имел удивительно большие уши с длинными кисточками шерсти на кончиках. Я назвала его Сегерея Эгиток, что на языке самбуру означало «Длинное Ухо». Мы предполагали, что его мать убита браконьерами. Каким бы маленьким ни казался Эгиток, он был достаточно силен, чтобы сбить с ног зазевавшегося человека.
У Эгитока уже были две маленькие шишки на лбу. В будущем они станут грозным оружием, но в тот момент он был нежным, хотя и буйным малышом, который сосал мой большой палец и следовал за нами повсюду, куда бы мы ни шли. Кормить его, однако, вскоре стало для нас проблемой, поскольку ему требовалось четыре бутылки молока в день. Кроме того, буйволенок должен был отправиться с нами в переход по пустыне, а он привык к прохладному климату и еще не мог преодолеть предстоящий путь на своих ногах. Тогда мы одолжили на время дойную корову с теленком и двух верблюдов, сделали корзину из прутьев, набили ее травой и привязали к одному из верблюдов. В этой люльке мы пронесли Эгитока более 150 километров по пустыне к тому месту, где нас ждали грузовики. Маленький караван состоял из ведущего верблюда, к хвосту которого был привязан второй верблюд, несущий Эгитока, потом шла корова со своим теленком, а за ними следовала вереница браконьеров под охраной помощников Джорджа.
Когда мы прибыли в Барагои, Эгиток был бодрым и веселым. Он стал всеобщим любимцем, и даже браконьеры, которые, может быть, убили его мать, восхищались им. И мы все были огорчены, когда его отправили на ферму Хука, где Раймонд надеялся скрестить его с домашними буйволами.

Снова в Конго

В 1944 году Джордж смог взять небольшой отпуск, и мы решили поехать в Конго. Руководство национальных парков Кении дало нам рекомендательное письмо своим коллегам в Управлении национальных парков Бельгийского Конго, в котором просили последних оказать нам содействие в восхождении на действующие вулканы. Тогда там было семь таких вулканов, извержения которых происходили через каждые семь лет. В 1944 году была очередь вулкана Ньирагонго, находящегося недалеко от озера Киву.
Мы избрали путь, который когда-то я проделала месте с Салли Атсат, и наконец добрались до подножия потухшего вулкана Мухавура. Мы знали, что этот вулкан был одним из мест обитания горных горилл, и, надеясь увидеть их, наняли проводника, с тем чтобы по склонам, покрытым густыми лесами, подняться на вершину. Нам надо было преодолеть высоту почти в 1000 метров, и, чем выше мы поднимались, тем все круче и круче становился подъем, а местами приходилось карабкаться, как по крутой лестнице. Мы находили следы горилл, но они, видимо почуяв наше приближение, скрывались. Час за часом мы пробирались вверх. Наконец растительность начала редеть, и перед нами открылась широкая панорама местности, раскинувшейся внизу. Небо было затянуто облаками, и проводник настойчиво торопил нас идти дальше, пока еще туман не преградил окончательно нам путь. Уже начал моросить мелкий дождь, и это было для меня настоящей пыткой, ибо здесь росло много новых растений, которые мне хотелось бы получше рассмотреть. Мы только успели достичь вершины вулкана и увидеть в глубине кратера озеро, как спустился густой туман, и нам пришлось быстро возвращаться назад, чтобы не заблудиться. Спуск оказался еще тяжелее, чем подъем. Ноги у меня дрожали, и каждый шаг давался с огромным трудом. Вернувшись в лагерь, я попросила нашего проводника подняться на следующий день с нами на один из двух других вулканов. Он отрицательно покачал головой и, улыбаясь, сказал, что лучше было бы немного подождать. Как он был прав, стало понятно на следующее утро: мы не могли сделать и шагу, а боль во всем теле ощущалась даже при поездке в машине.

Однако мы скоро почувствовали себя достаточно сносно, чтобы посетить ватутси, племя гигантов. Приблизившись к их поселению, мы увидели нескольких здоровых на вид мужчин, восседавших с зонтиками в руках на носилках, которые несли несколько человек. На наши расспросы нам ответили, что эти люди принадлежат к знати и они никогда не ходят пешком. Затем мы миновали несколько выбеленных круглых хижин, украшенных красивыми орнаментами, которые были выполнены красной охрой и темно-серой краской. Мы заметили, что у многих местных жителей в руках были весьма изящные самодельные корзины. Миновав еще ряд хижин, но уже более причудливой формы, мы наконец пришли к дворцу местного короля! У нас было рекомендательное письмо от кенийских властей, и на следующий день мы были представлены королю.

Король Рудахигва был настолько высоким человеком, что я должна была запрокидывать голову, чтобы взглянуть ему в глаза. В его красивом приемном зале мы беседовали об истории народа ватутси, говорили о его знаменитом крупном рогатом скоте длиннорогой породы. Этот скот не только никогда не доили, но никогда не забивали на мясо. К нему, видимо, относятся так же, как относятся к священным коровам в Индии.

Король свободно говорил на английском и французском языках и был одет как европеец. Он только что вернулся из Бельгии, где находился с официальным визитом. Не зная этикета ватутси, я спросила, нельзя ли мне нарисовать его портрет. С обворожительной улыбкой король ответил, что ему будет трудно найти для этого время, однако он согласился, чтобы я сфотографировала его. Поощренная этим, я спросила, могла бы я сфотографировать и его мать, но оказалось, что она живет в другом дворце. Продолжая задавать вопросы, я попросила разрешения сфотографировать знаменитые стада, но мне сказали, что те пасутся далеко в горах и будут в более лучшем состоянии, когда вернутся оттуда к дню специального обряда, который состоится несколько позднее.

Я, несомненно, выглядела разочарованной, и потому король любезно попросил своего адъютанта организовать на следующий день танцы воинов своего племени. Это было замечательное зрелище: высокие стройные мужчины ритмично двигались в танце, делая высокие прыжки. Но, увы, многое в их нарядах было заменено современными деталями. Например, вместо прежних оригинальных декоративных одеяний теперь от талии до лодыжек свисали многочисленные разноцветные хлопчатобумажные ленты. Подлинными остались лишь небольшие барабаны, под которые они танцевали.

Следующую остановку мы сделали у озера Киву, где окружной чиновник дал нам охрану. Дороги у озера оказались в ряде мест перекрыты потоками лавы, на них было очень много опасных крутых поворотов.

Куда бы мы ни направлялись, перед нами всегда возникал силуэт вулкана Ньирагонго. И с наступлением темноты мы наблюдали захватывающее зрелище: над бурлящей лавой, стекающей по склонам вулкана, одно за другим поднимались красные облака. На следующем этапе пути руководство Национального парка предоставило в наше распоряжение проводника и носильщиков, чтобы помочь нам совершить восхождение на гору. Нам порекомендовали разбить лагерь метров на сто ниже края кратера, где слабее действие ядовитых сернистых паров.

> Поднимаясь наверх через заросли тропического дождевого леса, я заметила много таких растений, которые не росли в Кении. Я, конечно, знала, что в Национальном парке строго запрещено рвать какие бы то ни было цветы, но не могла удержаться от соблазна сорвать и зарисовать ярко-красную орхидею
> (Polystachya kermesina)
> и
> Begonia wollastonii.
> При этом я чувствовала себя вдвойне виноватой, поскольку не только нарушила правила, но к тому же была гостем директора д-ра де Вилде. Я успокаивала свою совесть мыслью, что зарисовки могут иметь какую-то ценность для ботаников. Когда мы вернулись, я призналась в своем преступлении, на что мне вежливо, но твердо было сказано, что рисунки будут конфискованы и отправлены в Антверпен и что меня могут ожидать и другие последствия. Однако на протяжении нескольких лет никаких последствий я не дождалась, если не считать, что я получила третий том «Семенных растений в флоре

Бельгийского Конго», изданный Институтом парков. В нем я увидела свои зарисовки, использованные в качестве цветных заставок; с книгой пришла также благодарственная записка от директора, в которой говорилось, каким ценным вкладом в это роскошное издание оказались мои рисунки.

Только поздно вечером мы добрались до подходящей для лагеря площадки у вершины вулкана. Мы прошли к его краю. Ветер относил дым, поднимающийся из кратера, в противоположном направлении, и поэтому все хорошо было видно. Центральная почти двухсотметровая стена кратера отвесно поднималась с плоского дна, имеющего круглое отверстие посередине, откуда поднимались темно-красные клубы пара, сгущавшиеся в мощные облака и вырывавшиеся высоко в небо. Нас оглушило неистовое клокотание лавы, кипящей где-то глубоко внизу. Зрелище было поистине грандиозным. Мы с Джорджем сидели в полном молчании, день угас, и мерцающие огненные облака поднимались в черную бесконечность. У меня было впечатление, будто я наблюдаю нечто такое, чего человек никогда не должен видеть: недремлющие силы природы, создающие нашу планету.

Позднее мы поднялись на другой вулкан — Ньямлагиру. Несколько лет назад мы с Салли Атсат наблюдали, как он извергал лаву в озеро. Теперь его огромный кратер бездействовал, лава в нем застыла, и нам было разрешено пересечь его на свой страх и риск. Мы обнаружили, что в главном кратере находилось несколько меньших очагов извержений на различных стадиях остывания, которые были соединены между собой излившейся в разное время лавой. На пластах пемзы громоздились обломки с острыми, как, ножи краями; огромные валуны застряли между отдельными скалами, что как часовые возвышались над собранной в гармошку коркой лавы, из которой со свистом прорывались зловонные сернистые газы.

Часто под ногами я ощущала пугающую пустоту и боялась, что корка лавы не выдержит моего веса и я провалюсь в кипящий лавовый котел.

Наша экспедиция была, несомненно, рискованной, возможно, даже безрассудной, но нас влекло неудержимое желание заглянуть в мир, который обычно мы лишены возможности видеть.

Несмотря на все великолепие вулканов, мы никогда не теряли надежды увидеть лесных горилл, и поэтому, когда добрались до Луберо, где обитают эти обезьяны, мы зашли к инспектору по охране диких животных и попросили разрешения на их поиски. Гориллы очень строго охраняются, и, только доверяя Джорджу как своему коллеге, он согласился удовлетворить нашу просьбу. Инспектор оказал нам большую помощь: учитывая, что мы торопились и что леса, в которых обитали гориллы, труднопроходимы, он послал сначала несколько человек обнаружить их местонахождение. Как только они возвратились, мы отправились в путь.

Молча шагая друг за другом в сопровождении тридцати загонщиков, мы карабкались через поваленные деревья и путались в лианах, то поднимаясь вверх, то спускаясь вниз по крутым склонам. Иногда до нас доносился очень сильный запах горилл, и несколько раз наш проводник чуть не столкнулся с вожаком стада. В отличие от других приматов, во главе группы которых стоит самка, у горилл семью охраняет самый старый самец. Нам лишь мельком удалось увидеть, как две самки пересекали лесную поляну, каждая из них прижимала к груди своего детеныша, прыгая на трех лапах.

Устав от изнурительных поисков, мы присели отдохнуть и послушать страшные рассказы наших загонщиков о грозных гориллах; для убедительности некоторые из них даже показывали шрамы на своем теле. Неожиданно из зарослей появился вожак горилл, пронзительно закричал и бросился прямо на нас. К счастью, он споткнулся о ветку и упал. Мы вскочили на ноги, а горилла внезапно исчезла. Однако проводник сказал, что нам лучше вернуться домой, так как если мы будем и дальше преследовать эту гориллу, то она может снова напасть на нас. Пришлось последовать его совету.

Мы видели горилл восемь раз, что уже само по себе было большим достижением, поскольку другим за многие дни поисков не удается ни разу даже мельком увидеть их.

Джордж давно мечтал посетить станцию по приручению слонов Гангала-На-Бодно
[26]
, где африканских слонов обучают работать. Этот эксперимент был начат в то время, когда намечалось осваивать часть Конго, недоступную для транспорта. В Индии, где слоны менее крупные и более послушные, их уже давно обучили служить человеку. В возрасте

> примерно четырех лет слона отделяют от стада и связывают веревками. В сопровождении двух уже прирученных слонов его доставляют на станцию и помещают в загон. Когда наступает время обучать слона ложиться, сверху опускают ему на плечи обитую чем-либо мягким деревянную колоду и слегка надавливают. Первый этап выработки у слона послушания обычно занимает четыре дня.

К сожалению, более сильного и более упорного африканского слона обучать гораздо труднее. Чтобы заставить его ложиться, ему цепями медленно тянут ноги — передние вперед, а задние назад — до тех пор пока бедное животное не падает на землю. Впоследствии такие слоны повинуются малейшему прикосновению или приказанию своего погонщика. Впрочем, бывали и несчастные случаи среди людей, проработавших со слонами много лет. Объясняется ли это непредсказуемым характером дикого слона или старинной легендой о том, что «слон ничего не забывает»? Что бы ни соответствовало истине, мои симпатии на стороне слона, поскольку, на мой взгляд, силой ничего конструктивного добиться нельзя.

Старший инспектор по охране диких животных Конго капитан Флайзхауэр возражал против обучения слонов в нынешних условиях. Он утверждал, что тракторы, которые могут работать двадцать четыре часа в сутки, могут пробиться через самые непроходимые джунгли и, хотя их эксплуатация требует солидных расходов, эти затраты ничтожны по сравнению с расходами на содержание слонов. К тому же слоны могут работать только четыре часа подряд, а в остальное время дня их надо кормить, им надо отдыхать, их надо водить на реку купаться, поскольку если вы хотите, чтобы слоны были здоровы, то кожа у них должна быть влажной, и такие ежедневные купания для них обязательны. Наконец, слонов нельзя перевозить из одной местности в другую, так как, не говоря уже о трудностях их транспортировки, акклиматизировавшись в одном месте, они часто заболевают, если их перевозят в другое.

Капитан Флайзхауэр спросил у нас, не думаем ли мы, что кенийские власти могут взять обученных слонов и использовать их для развлечения туристов. Зная, что Управление национальных парков проводит политику сохранения диких животных в их естественных условиях, Джордж не выразил большой надежды в отношении этой перспективы.

Мы обрадовались, что нам показали карантинные загоны, где находились окапи. Эти редкие и красивые животные являются ближайшими сородичами жирафов. На карантинных пунктах окапи содержатся отдельно друг от друга до тех пор, пока не выяснится, что у них нет никакой инфекции и их можно направлять в зоопарки, где они будут одними из самых редких экспонатов. Раньше сохранить окапи в зоопарке живым и здоровым — было весьма трудно, пока не обнаружили, что губительную инфекцию, которая часто распространяется среди них в неволе, вызывают паразиты, обитающие в их помете. Разумеется, на воле они редко, если вообще когда-либо, соприкасаются со своим пометом, и этим объясняется то обстоятельство, что заражаются животные главным образом в неволе. Как только паразита обнаружили и установили, что он является причиной заболевания, против него было быстро найдено средство.

К рождеству мы добрались до Бени, где решили осмотреть пещеры Хойо, находящиеся всего лишь в нескольких часах езды от него, и, взяв с собой припасы, чтобы отметить праздник, отправились по дороге, ведущей к лесу. Дорогой давно не пользовались, она была в таком скверном состоянии, что наш лендровер с трудом продвигался вперед. Мы уже решили повернуть назад, как вдруг перед нами предстал прекрасный сад с розами, на противоположном конце которого стоял белый дом с тростниковой крышей! Из дома появилась привлекательная молодая блондинка и мужчина значительно старше ее. Когда мы представились, они пригласили нас провести с ними праздник.

На протяжении многих лет Руткарт был старшим геологом в Бельгийском Конго, и именно он открыл пещеры Хойо. Он надеялся начать исследования этих пещер немедленно, но все время не хватало денег на организацию экспедиции, и лишь после ухода на пенсию у него появилась возможность обследовать их. Он обнаружил, что всего было семь пещер с богатыми залежами гуано и ископаемыми остатками вымерших животных.

Когда правительство Бельгии узнало об этих ценных открытиях, оно выделило средства на исследование пещер, но, к сожалению, начало второй мировой войны положило конец предпринятым усилиям.

Руткарт дал замечательное описание этих труднодоступных пещер, входы в большинство из которых находятся высоко над нынешним уровнем местности и со стороны почти незаметны.

Ему пришлось использовать высокие лестницы, чтобы добраться до входов, которые были настолько узки, что он с трудом протискивался в них.
Внутри пещер находились огромные ниши, покрытые в основном гуано. Во время последующих обследований ему удалось также обнаружить озеро и несколько водопадов.
Пещеры находятся на разных уровнях и уходят на какое-то расстояние в глубь горной системы Великого Рифта.
При снятии поперечного среза для определения толщины слоя гуано были обнаружены ископаемые остатки исчезнувшей фауны. Руткарт отправил некоторые образцы своих находок в Антверпен, где они вызвали огромный интерес. Как эти животные попали в пещеры, останется, видимо, тайной до тех пор, пока не будет лучше изучено смещение пластов горных пород системы Великого Рифта.
Нас пригласили осмотреть две пещеры, в которые проведено электричество, и мы смогли увидеть огромный лабиринт узких проходов и туннелей и услышать вдали грохот водопада.

Ома тихо скончалась в Зайфенмюле 17 апреля 1916 года. К тому времени наша семья лишилась всей собственности.
Трауте и моя мать остались в Вене, Дорле поселилась в Англии, а другие мои родственники живут в разных местах земного шара. И наконец, долина Зайфенмюле стала дном созданного в Чехословакии водохранилища. Я никогда больше не возвращалась в эти места, с тем чтобы сохранить нетронутыми свои воспоминания детства.
В это время я получила ряд заказов на рисунки цветов, а также продала музею некоторые свои предыдущие зарисовки. Следующая поездка привела нас на сомалийскую границу, в Колбио. Здесь Джордж сильно заболел дизентерией, и я срочно отвезла его на побережье, в Малинди, где жил ближайший в этом районе доктор.

> Джордж выздоровел быстро, но ему нужен был отдых, и поэтому мы приняли приглашение задержаться здесь и отпраздновать окончание поста рамадана. Меня настолько поразило великолепие традиционных одежд, которые носили по этому случаю арабы, что я попросила окружного чиновника, чтобы он нашел для меня кого-нибудь из местных жителей в качестве натурщика. Опыта писания портретов у меня тогда еще не было, и поэтому я крайне смутилась, когда на следующий день ко мне пришел
> ливали
> [27]
> — шейх Азан. Он был весьма уважаемым и важным лицом, поскольку был и религиозным вождем, и главным судьей арабской общины, жившей на побережье. Еще больше я встревожилась, когда услышала от него, что недавно его портрет рисовал один известный французский художник, и меня мучил вопрос, не стоит ли признаться, что я почти не умею писать портреты. Но хотя я этого и не сделала, шейх скоро сам оценил обстановку и понял, что я была совершенно неопытным человеком. Однако, будучи подлинным джентльменом, он безропотно выдержал навязанную ему пытку. Мое творение, конечно, не было шедевром, но я храню этот набросок еще и по сей день. Тогда я и не предполагала, что он станет одним из первых из семисот портретов африканцев различных племен Кении в традиционных орнаментальных украшениях и что мне предстоит провести шесть лет в отдаленных местах, чтобы создать такое рекордное число рисунков.

Из Малинди мы с Джорджем на грузовике направились в лесной массив Бони. Эта заповедная зона шириной почти в пятьдесят километров протянулась параллельно побережью от порта Ламу до сомалийской границы. Нам приходилось прокладывать путь через болотистую местность, где обитало много диких животных и процветало браконьерство. Потом мы направились в маленькую рыбачью деревушку Киунга, расположенную на побережье в нескольких километрах от границы. На следующий день после нашего приезда пошли сильные дожди, и мы застряли здесь на несколько недель. К счастью, мы захватили с собой подводные ружья и маски и поэтому смогли исследовать коралловые рифы, где я увидела еще большее разнообразие «сказочных» рыбок, чем в Порт-Судане. Зная, что, вытащенные из воды, они теряют свою радужную окраску через несколько минут, я приносила все свои принадлежности

для рисования на рифы и, поместив только что пойманную рыбу в миску, быстро делала цветной набросок. Затем, уже на берегу, я делала детальный акварельный рисунок по наброскам, добиваясь точного воспроизведения оригинала. После этого мы засыпали рыбок солью и отвозили их в музеи в Найроби, где с них делали гипсовые слепки.
Восемьдесят моих рисунков приобрел муниципалитет Момбасы с намерением выставить их в будущем морском музее. Но — увы — ко времени его открытия большая часть рисунков пропала, и, таким образом, единственная коллекция рисунков коралловых рыб, написанных прямо на рифах, была безвозвратно потеряна.
В этот период я заболела и в конце концов решила направиться в Лондон на лечение. Вместе с тем я хотела использовать вечера в Лондоне для вырезания шахматных фигур из слоновой кости. Фигурки африканских девушек и юношей изображали бы пешки, фигурки африканцев в своих неповторимых головных уборах были бы королями и королевами, а жирафы стали бы конями.
В Департаменте охоты мы приобрели несколько кусков слоновой кости и распилили их на бруски трех различных размеров. Теперь до получения проездных документов я рисовала портреты африканцев из различных племен, которых встречал во время своих поездок, с намерением использовать их в качестве моделей для будущих шахматных фигур. По пути в Лондон я познакомилась с одним пассажиром, интересовавшимся жизнью в отдаленных районах Африки, и показала ему свои рисунки. Он предложил мне по приезде в Лондон показать их редактору английского географического журнала «Джиогрэфикал мэгэзин» Майклу Хаксли и, к моему удивлению, посоветовал написать также статью, проиллюстрировав ее моими рисунками. Поскольку у меня почти совсем не было писательского опыта, я предложила, чтобы текст статьи подготовила Алис Рис. Впоследствии наша совместная работа была опубликована в этом журнале.

> В Лондоне я сняла комнату рядом с врачом, который меня лечил. Много времени я проводила в картинных галереях, безуспешно пытаясь понять искусство сюрреализма. В надежде, что современница Огастеса Джона
> [28]
> и Бернарда Шоу сможет помочь мне, я навестила уже совсем старую и слабую госпожу Этель Уокер, проживавшую тогда в Челси в одной комнате. Стены комнаты были увешаны ее великолепными картинами. На мой вопрос, что она намерена сделать с ними, она пожала плечами и сказала, что, возможно, оставит их женщине, которая убирает ее комнату. Хотя госпожа Этель была бедна, она не желала расставаться ни с одной из своих картин, пока была жива. После ее смерти некоторые из картин приобрела галерея Тейт. Она пригласила меня навестить ее еще раз, и, когда я пришла во второй раз, она познакомила меня с директором художественной школы Слейд. Взглянув на мои зарисовки африканцев из различных племен и узнав, как мало времени я буду в Лондоне и как мне хотелось бы посещать занятия в школе, он разрешил мне поступить вне очереди.

Однако мне не нравилось делать карандашные эскизы капителей древних колонн, и через какое-то время, захватив свой мольберт, я решительно пошла на занятия прямо в класс наиболее подготовленных учащихся. Я была поражена тем, что это вторжение мне удалось, поскольку всем должно было быть ясно, что я из начинающих, но я была принята и, как мне кажется, добилась заметных успехов.
После Лондона по пути в Вену я остановилась в Цюрихе, где посетила директора журнала «Ду» д-ра Корти, который хотел ознакомиться с некоторыми моими рисунками цветов для иллюстрации статьи о Кении. Мы провели с ним интересный вечер, он высказал мне свое убеждение, что войны не должны совершаться и ненависть и предубеждения между народами различных стран должны быть устранены. Д-р Корти намеревался воспитывать осиротевших детей разных национальностей, родители которых погибли на войне, и обучать их до тех пор, пока они не станут достаточно взрослыми, чтобы самостоятельно избрать себе профессию. Этот эксперимент поддержало швейцарское правительство, и в нем приняли участие и другие страны. Чтобы дать своим юным учащимся возможность в какой-то мере знакомиться с другими континентами и таким образом расширять круг своих интересов, он просил меня присылать ему раковины, иглы дикобраза или даже такие кустарные поделки, как небольшие

игрушки, сделанные африканскими детьми. Разумеется, я с удовольствием посылала ему эти подарки.
В то время Вена еще была занята войсками союзников, и было очень трудно добиться разрешения на въезд. Однако после нескольких недель ожидания и неоднократных звонков в английское посольство я получила пропуск на две недели для посещения своей семьи.

Трауте и несколько друзей с цветами ждали меня на вокзале. Мы сразу же направились к собору Святого Стефана
[29]
, где я ранее никогда не была, и поднялись на верхнюю площадку его шпиля. Затем мы поехали навестить мою мать. Она выглядела очень постаревшей и осунувшейся. Когда срок моего разрешения истек, я вернулась в Кению.

В поисках натуры

Джордж встретил меня в Найроби, и мы отправились на ферму, которая досталась ему и его брату Теренсу по наследству. Это был каменный дом, окруженный кофейной плантацией площадью сорок гектаров. Первое, что поразило меня, когда мы прибыли туда, — был жалкий вид Пиппина, привязанного цепью к столу. Он встал и побрел мне навстречу, чтобы приветствовать меня, но от его жизнерадостности не осталось и следа. Потребовалось несколько недель ухода, и только тогда он стал прежним Пиппином, но все равно он уже никогда больше не пел со мной вместе дуэты.
Ферма была расположена у Лимуру, километрах в тридцати от Найроби, что устраивало Джорджа и Теренса, и они не выказали никакого сожаления, когда правительство реквизировало эти земли, выплатив номинальную сумму в качестве компенсации. Зная, как я люблю путешествовать, Джордж решил теперь обратить главное внимание на работу по охотничьему надзору в отдаленной северной части Северной пограничной провинции. Мы подолгу были совсем один и однажды провели вдвоем восемь месяцев, не повстречав ни одного европейца. Я рисовала, собирала насекомых, окаменелости, небольших пресмыкающихся и грызунов для музея в Найроби и снабжала отдел энтомологии различными, ранее неизвестными видами ночных бабочек. Ловила я их очень просто: ставила возле палатки таз с водой, а в него помещала лампу. Преимущество такого способа было в том, что свет привлекал бабочек и они не залетали в палатку, а падали в воду и мне оставалось только собирать их.
Одним из интересных фактов, с которыми я познакомилась в это время, было умение носорогов добывать соль, необходимую для их организма, в безводной местности. Неподалеку от Марсабита мы обнаружили вырытое углубление и увидели на его стенках на определенной высоте следы, прочерченные рогами носорогов, когда они слизывали соль.
Джордж занимался охраной животного мира от браконьеров, улаживал племенные распри, возникавшие из-за водоемов, и помогал бороться с эпидемиями ящура, сибирской язвы и чумы рогатого скота. Он принадлежал к числу тех сотрудников Департамента охоты, в распоряжении которых имелись собственные ослы и мулы. Отчасти именно это обстоятельство позволило мне сопровождать его. Я была единственной европейской женщиной, путешествовавшей по самым отдаленным районам Северной пограничной провинции, и мне не раз задавали вопрос, не скучаю ли я по обществу и по домашнему уюту. Однако наша кочевая жизнь была до того интересной, что с лихвой компенсировала все то, чего нам недоставало. Единственное, чего мне не хватало, — это музыки. Мое маленькое пианино стояло в Исиоло в таких условиях, что ему не мог повредить тропический климат. Недоставало, конечно, и горячей ванны, в которой я могла бы понежиться; маленькая брезентовая ванна, где можно было стоять только на одной ноге, была очень слабой ее заменой.
У меня создавалось впечатление, что мы все время находимся в движении: то у нас кончалась провизия, то появлялось так много браконьеров, что Джорджу приходилось препровождать их в Исиоло. Во время нашего краткого пребывания в Исиоло дом наш всегда был открыт для гостей, что было делать совсем не просто. Денег у нас было маловато, так как оплата

сотрудников Департамента охоты была ниже оплаты других государственных служащих, хотя именно это управление давало самые большие доходы. Но несмотря на скудность нашего бюджета, мы все же умудрялись принимать гостей. Среди наших посетителей были ученые, охотники и кинорежиссеры, надеявшиеся, что Джордж даст им совет, как найти диких животных.

Однажды утром у нас произошел забавный инцидент. Три человека в довольно потрепанной одежде заглянули в нашу гостиную с таким уверенным видом, как будто они были туда приглашены. Я еще была в халате и ждала Джорджа, который должен был прийти завтракать. Поэтому я сказала вошедшим, что это частный дом и что, если они хотят увидеть мужа, им следует пройти к нему в контору. В этот момент появился совершенно смущенный Джордж и представил мне министра юстиции Соединенных Штатов и двух его коллег, приглашенных им к завтраку.

Если люди нам нравились, мы приглашали их к своему столу и многие «визиты», рассчитанные на часы, растягивались на недели, потому что гости присоединялись к нашим поездкам. У меня всегда были про запас деревянные колокольчики для верблюдов или другие небольшие сувениры, каких наши гости не могли купить в магазинах, но могли принять от нас, не чувствуя себя при этом чем-либо обязанными. Постепенно у нас появилось много друзей. Наших знакомых можно было примерно разделить на две категории. К первой относились люди, привыкшие к строгой регламентации, свойственной деловой и общественной жизни, и не способные приспособиться к импровизациям и внезапным переменам, присущим жизни человека, живущего в тесном контакте с природой. Эти люди стремились как можно скорее вернуться к спокойной жизни у своих домашних очагов. Людям второй категории была присуща другая крайность: они все время находились под гнетом различных обстоятельств и сейчас, опьянев от внезапного ощущения огромной свободы и стряхнув с себя всякие связывавшие их запреты, по-настоящему наслаждались жизнью на природе. Я понимала и тех и других, хотя предпочитала категорию людей с девизом «назад к природе».

Через некоторое время нам пришлось перебраться из казенного дома в новую штаб-квартиру, находившуюся на расстоянии всего пяти километров от административного центра. Денег у нас было мало, и поэтому Джордж и его брат Теренс приняли непосредственное участие в постройке дома. Дом был выстроен настолько хорошо, что Теренсу даже предложили место в строительном управлении, но он отказался.

Наш новый дом, построенный из местного камня, приютился у холмов, образовывавших большую подкову. Оттуда открывался вид на обширные равнины к северу от Исиоло. Дом был достаточно просторен для нас, но гостям, останавливавшимся у нас, приходилось довольствоваться палатками.

В марте 1948 года Джорджу пришлось отправиться на север, к границе с Эфиопией, чтобы предупредить возникновение конфликтов среди племен из-за водоемов. Он не разрешил мне поехать с ним, и тогда я присоединилась к шведской экспедиции, только что прибывшей в Кению с намерением изучить высокогорную флору и фауну Восточной Африки, Руанда-Урундн и Бельгийского Конго.

Сделав зарисовки некоторых растений гор Кения и Килиманджаро, я мечтала зарисовать также флору Рувензори и горы Элгон.

Руководил экспедицией доктор Оке Хольм, специалист во многих областях, а ботаником был доктор Олаф Хедберг — оба из Упсалского университета; остальные ученые прибыли из разных районов Швеции. Гора Рувензори расположена на границе Уганды и Конго. В то время трудно было получить разрешение на подъем со стороны Конго, который был более легким, и нам пришлось нанимать носильщиков и прокладывать путь на гору со стороны Уганды по очень крутым склонам, покрытым лесом. Пока носильщиков собирали и снаряжали, мое внимание привлекли к себе несколько пигмеев, временно живших здесь среди людей племени банту, и я зарисовала двух из них — мужчину и женщину. Я немало удивилась, увидев на женщине металлическое ожерелье, точно такое же, какое я видела на женщинах племени габра (относящегося к хамитской ветви), обитавшего на расстоянии не одной согни километров от места, где мы собирались в экспедицию. Женщины племени вакамба, относящегося также к

языковой семье банту и жившего неподалеку от Найроби, носили такие же ожерелья. Не говорит ли такое сходство украшении о какой-либо давно забытой миграции этих племен?
Рувензори пользуется репутацией такого места, где дожди льют на протяжении 360 дней в году. Действительно, скоро мы убедились, что это утверждение справедливо. Во время подъема нам не только приходилось переходить реки с ледяной водой, берущие начало у границы снегов, но и промокать до костей изо дня в день. Особенно было жалко носильщиков. Им приходилось нести груз, достаточно тяжелый и до того, как он насквозь пропитался водой. Чем выше мы взбирались, тем больше мох, покрывавший землю, походил на пропитанную водой губку, а деревья с ветвями, покрытыми мхом и лишайниками, напоминали зеленых плюшевых медвежат.
Когда мы достигли болотистой местности, мы стали двигаться еще медленнее, так как единственной твердой почвой среди болота были травяные кочки. Бедным носильщикам с их насквозь промокшим грузом приходилось туго.
Мы разбили лагерь на вересковой пустоши, откуда были видны сверкающие ледники четырех из шести гор, образующих горный массив Рувензори. К счастью, погода улучшилась, и мы смогли начать ботанические изыскания среди гигантских лобелий и крестовников, росших у самой кромки голубого льда.
Самый высокий из пиков Рувензори достигает 5109 метров, но добраться до его вершины оказалось легче, чем подняться на гору Кения. К великой радости Оке, он нашел один из видов пауков, живущих на льду. Я никогда не испытывала любви к паукам, но часто восхищалась паутиной, особенно ранним утром, когда в лучах восходящего солнца капельки росы сверкали на ее нитях точно хрустальные. Оке показал мне несколько пауков под микроскопом, и только тут я увидела, какие они изящные и какое у них бархатистое туловище. Я зарисовала нескольких из них под лупой, но мне пришлось слишком сильно напрягать для этого зрение. Единственными млекопитающими, которых мы здесь встретили, были даманы и мелкие грызуны, хотя на высоте 4800 метров мы обнаружили и следы леопарда. Начиная с девятого марта и по восемнадцатое апреля, погода почти все время была превосходная. Мы находились высоко над морем облаков, и порой казалось, что по нему плывут и пики гор, и поросшие вереском склоны. Пока светило солнце, было жарко, а когда наступала ночь, становилось так холодно, что ни грелки, ни даже спирт не могли согреть нас в наших маленьких палатках. На Рувензори во время ужасно холодных ночей спирт был, пожалуй, тонизирующим средством, а шведская традиция произносить бесконечные тосты помогала укреплять нашу дружбу.
Мы все нашли для себя столько интересных занятий, что нам было грустно покидать это место. В тот день, когда мы закончили укладываться, погода резко изменилась: началась снежная буря и видимость понизилась почти до нуля.
Мы отправились вперед с одним из проводников, надеясь проложить путь другой группе, следовавшей за нами и состоявшей из второго проводника и носильщиков. Мы медленно продвигались, все время перекликаясь с идущей за нами второй группой. Поверхность, по которой мы шли, была труднопреодолима даже в обычных условиях, а во время метели она была ужасна. Не раз мы скользили на покрытых мхом скалах, нередко достигавших двадцати метров высоты. Нам такое «катание» было не страшно, но наше беспокойство за носильщиков все возрастало; наконец связь между группами оборвалась, и трудно было представить, как они преодолевают это пространство со своим тяжелым грузом. Наш проводник предложил направиться к скалистому утесу, где можно было бы переночевать и куда, как он надеялся, придет и вторая группа. Через несколько часов мы наконец добрались до этого убежища. Я мечтала об удобной пещере и была разочарована, поняв, что нам предстоит провести ночь на очень узком выступе шириной два метра, а длиной пятнадцать, к тому же скала под выступом отвесно спускалась прямо в бурную реку.
Мы разожгли костер и присели вокруг него в промокшей одежде, напряженно прислушиваясь — не раздадутся ли крики носильщиков. Но только после полуночи мы наконец услышали едва доносившиеся до нас голоса, стали сигналить с помощью факелов и вздохнули с облегчением, лишь когда носильщики один за другим дотащились до нашей стоянки и сбросили свой тяжелый груз. Переход для них был очень трудным, но мы расстались с ними на следующий день добрыми друзьями. Затем шведская экспедиция разделилась, так как ее сотрудники направились в разные стороны, и только Оке, Олаф и я вернулись в Кению, чтобы продолжать

свои исследования на горе Элгон. Когда мы добрались до дома друзей, у которых оставался Пиппин, он весело встретил меня.
К этому времени я уже зарисовала около семисот видов растений; в их число входила и альпийская растительность, и цветущие деревья, рисовать которые было интереснее всего. Добавив к своей коллекции растения горы Элгон, я решила переключиться на изображение африканцев в их традиционных костюмах, пока еще была надежда найти людей, носивших настоящие украшения. Прежде чем отправиться в экспедицию на гору Элгон, нам надо было ждать, пока наберут носильщиков, поэтому Оке, Олаф и я решили тем временем отправиться в редко посещаемый район, находящийся в ста шестидесяти километрах к северу от Качелибы. Однажды утром в наш лагерь вошли два человека из племени кадам. Они были обнажены, если не считать их затейливых головных уборов, и в руках держали копья. Это были высокие и стройные люди, очевидно не привыкшие к чужестранцам. Головной убор одного из пришельцев поражал воображение. Этот своего рода шиньон, созданный из его собственных волос, жира и голубоватой глины, представлял собой сооружение в виде пелерины, которая покрывала его плечи и опускалась до середины спины. Несколько страусовых перьев были вставлены в маленькие зажимы из высушенных сосков коровьего вымени, воткнутых в глину до того, как она затвердела. Перья служили признаками определенной возрастной группы, ранга и воинского статуса. Головной убор второго спутника был похож на корону из перьев, аккуратно сплетенных в толстое кольцо. Такого головного убора я уже больше никогда не встречала. Мы могли общаться с пришельцами только с помощью мимики и жестов, но они оба быстро схватили общий смысл нашей беседы, согласились позировать мне и позволили сфотографировать себя, получив в награду табак и деньги.
Через некоторое время мы отправились на гору Элгон, расположенную на границе между Угандой и Кенией. Этот потухший вулкан, достигающий высоты 4322 метров, знаменит своей уникальной альпийской флорой. Подъем через бамбуковые леса по прямой до самого кратера не представлял затруднений. Добравшись туда, мы заглянули внутрь и увидели дно кратера шириной в несколько километров, в центре которого был крошечный остров, удачно расположенный между горячим источником и истоком реки Туркуелл. Он показался нам идеальным место для лагеря, и мы стали спускаться вниз. В самом деле, там было очень удобно. Если вечер был холодным и нам хотелось погреть ноги, то мы опускали их в булькающую воду горячего источника, если же днем, когда было жарко, нам требовался освежающий напиток, мы получали его из холодного потока. Пиппин наслаждался, барахтаясь в теплой воде, но с заходом солнца забирался ко мне в палатку, спасаясь от буйволов и животных, приходивших ночью на водопой. За три недели, проведенные нами на горе Элгон, я нашла и зарисовала много неизвестных мне до этого растений и получила у Олафа немало сведений по ботанике.
Когда я рассталась со своими шведскими друзьями, у меня еще оставалось свободное время до возвращения Джорджа с эфиопской границы. Специальный районный уполномоченный пригласил меня в Капенгуриа — административный центр Восточного Сука. Там инспектор по сельскому хозяйству и районный уполномоченный были столь любезны, что нашли для меня натурщиков. Я не умела говорить на языке племени сук, и мне казалось, что заинтересовать моих натурщиков будет легче всего, если я посажу их перед собой таким образом, чтобы они меня видели, и буду смотреть им прямо в глаза, но оказалось, что они, до сих пор не встречавшие ни одного иностранца, так же заинтересовались моими светлыми волосами и голубыми глазами, как я их прическами. Женщины были очень застенчивы, но с ними я могла легче поладить, чем с мужчинами, весьма любознательными и склонными ошибочно интерпретировать мое восхищение их прической.
Позднее мне удалось зарисовать некоторых представителей народности эльгейо, живущей близ Капенгуриа. Моя студия находилась близко от места работы специального уполномоченного, что позволяло мне выбирать натурщиков из числа тех людей, которые ежедневно толпами прибывали сюда, чтобы выяснить свои дела. На моем первом натурщике — местном вожде — была великолепная верхняя одежда из голубого обезьяньего меха. К этому времени мои планы по созданию живописных портретов стали настолько занимать меня, что мне надо было выделить время на мои творческие поездки.
Когда этот вопрос был решен, возникла необходимость приобрести машину, так как невозможно было путешествовать на автобусе со всем моим скарбом. Располагая небольшой суммой денег, я приобрела подержанный фургон, достаточно большой, чтобы вместить

лагерное снаряжение и все необходимое для живописи. Я очень гордилась своей первой машиной, но не успела отъехать на небольшое расстояние, как она потонула в облаке дыма, и я с минуту на минуту ожидала, что она взорвется. Я испугалась, что мне больше не придется ездить на ней, но на этот раз ее починили, и она продержалась еще некоторое время. Машина сделала меня мобильной, что позволило мне посетить несколько административных районов. Чем больше мне приходилось рисовать африканцев и их традиционные украшения, тем больше я понимала, как важно запечатлеть их быстро исчезающую культуру.
Теперь начинался новый отрезок моей жизни, на протяжении которого я многое узнала о сложных обычаях местных племен и была свидетелем того, как под воздействием Запада старый уклад жизни сменяется новым.
Самым важным и самым таинственным периодом в жизни здешних африканцев был период ритуала обрезания. Обрезание производилось целыми группами или поодиночке, в зависимости от обычая племени. Сама операция являлась лишь незначительной частью ритуала, хотя и она служила проверкой смелости и выдержки у посвящаемых. Однако самой существенен его частью было уединение. Изоляцию считали важным этапом в формировании характера человека. В течение этого периода, иногда продолжавшегося недели и месяцы, а иногда длившегося даже до двух ют, посвящаемого не разрешают видеть никому, кроме наставника. Этот умудренный жизненным опытом человек готовит его к тем обязанностям, которые ему придется выполнять в дальнейшем как члену своего племени. Мне посчастливилось встретить двух посвящаемых из племени ньемне в период их изоляции. Они, по-видимому, никогда не видели белой женщины, и их любопытство было так велико, что они согласились позировать мне, и я написала их портреты. Позднее эти портреты стали главной опорой в моей профессии художника, так как они помогали мне столковаться с менее уступчивыми вождями. Мне удалось убедить их, что я хочу только запечатлеть их традиционные обычаи для будущих поколений, которые в противном случае могут ничего об этих обычаях не узнать.
Для осуществления моего замысла — включить в мою коллекцию портретов представителей всех племен Кении — мне требовалась поддержка правительства.
И тут мне повезло — я встретила чиновника министерства социального обеспечения, показала ему портреты и рассказала о своих планах. Ом был настолько заинтересован моей работой, что взял несколько набросков в Найроби, чтобы показать их членам правительства. В результате 14 февраля 1949 года я подписала контракт, обязуясь изобразить представителей двадцати племен, которые начали утрачивать интерес к своим традиционным ритуалам, орнаментам и украшениям. При этом я должна была передать эти портреты в музей через восемнадцать месяцев. Мне были ассигнованы деньги для покрытия всех моих расходов, кроме бензина, а также дана инструкция оповещения о своем предстоящем прибытии администрации района, в который мне предстояло отправиться, за три недели вперед. В обязанность местных властей входило подыскивание африканцев, имеющих традиционную одежду, и предупреждение о том, чтобы они были готовы к моему приезду. Когда я подбирала натурщика, мы совместно с вождем определяли плату за позирование и назначали день, когда он должен прийти ко мне в лагерь. Многие африканцы жили далеко, и мне пришлось составить расписание сеансов, но, к сожалению, донести до сознания африканцев понятие о времени было нелегко, и в результате мне неизменно приходилось ждать день-другой появления моих натурщиков и, значит, нарушать очередность. На каждый портрет я выделила себе по два дня. Чтобы выполнить эту программу, мне приходилось наскоро набрасывать черты лица и контуры многочисленных украшений и наносить на них образцы цвета. Затем, уже при мерцающем свете керосиновой лампы, я окончательно дорисовывала изображение отдельных деталей украшений.
Вскоре я выяснила, что люди более пожилые знают символику украшений, содержащую информацию о ранге владельца, носившего эти украшения, и о событиях его жизни. Тем, кто умел читать эти символы, они сообщали: подвергался ли этот человек обрезанию, прошел ли он период изоляции, а также указывали на предбрачный период, возраст владельца головного убора и чем он занимается. Воин, знахарь, колдун, специалист по обрезанию, заклинатель дождя, пророк, кузнец, гончар, судья, старейшина — все носили индивидуальные украшения; их носили также вдовы и бесплодные женщины.
Я расспрашивала каждого в отдельности о значении символики их украшений. Если несколько ответов совпадали, я считала, что эти сведения достоверны, и рисовала этих людей, если же ответы противоречили друг другу, то такая натура не попадала в мою картинную галерею. Я

была огорчена тем, что никто из приходивших молодых людей не проявил интереса к своей традиционной культуре, наоборот, они относились к своим старинным украшениям неприязненно. На мой взгляд, в этом повинны главным образом миссионеры. Они первыми приобщили африканцев к образованию, но они же и искоренили некоторые традиционные обычаи, считая их дикими и не учитывая при этом, что различные культуры развиваются на основе истории данного народа, климатических условий и т. д.

На протяжении нескольких недель относительного одиночества Пиппин был мне превосходным компаньоном. Когда я жила в Австрии, у меня всегда были собаки, но мои собаки общались со всеми членами семьи, а с Пиппином дело обстояло иначе, так как был моим личным другом. Он очень помогал мне, развлекая во время сеанса моих натурщиков, которые раньше никогда не видели керн-терьера и настороженно наблюдали за ним. После нескольких месяцев работы я поняла, что список племен, которые правительство отнесло к числу меняющих свой образ жизни и начинающих тяготеть к западному образу жизни, далеко не полный. Поэтому было решено, что мы с инспектором района выявим племена, которые следует добавить к этому списку. Таким образом, срок моей работы увеличивался, и были необходимы дополнительные ассигнования. Поскольку я была убеждена, что рано или поздно на осуществление этой важной задачи деньги будут выделены и что это последняя возможность запечатлеть уникальные племенные традиции хотя бы в живописи, то решила продолжать работу даже в том случае, если мне придется соблюдать самую строгую экономию.

На еду я стала смотреть лишь как на средство, необходимое для продолжения моей работы. Неделями я жила на яйцах, овощах и бананах — самой дешевой местной пище. Нередко работа настолько захватывала меня, что только приступ головной боли напоминал о том, что я ничего не ела с самого рассвета. Значительно больше меня беспокоило питание Пиппина, потому что доставать мясо и кости было очень трудно. К счастью, он пользовался большой симпатией среди африканцев, и они сказали мне, где производится убой скота. После этого у Пиппина никогда не было недостатка в полноценной пище. И все же у него постепенно изменился цвет шерсти и началось систематическое кровотечение из носа. Ему сделали несколько инъекций, и кровотечение на время прекратилось, но, когда оно возобновилось, повторные инъекции почти не помогли, и я поняла, что Пиппин слабеет.

К этому времени я разбила свой лагерь у подножия горы Кения, чтобы рисовать представителей племени мбере. Это племя славилось своими танцами. Дни и ночи напролет они проделывали свои неистовые акробатические номера под стремительные ритмы огромных барабанов. Вождь предложил мне дом для отдыха, сплетенный из тростника и травы, — единственное прохладное место на этой лишенной деревьев равнине. Район, где находился наш лагерь, входил в состав территорий, над которыми Джордж осуществлял контроль, и в один прекрасный день он неожиданно появился, чтобы провести со мной выходной день. Пиппин был уже слишком слаб, чтобы сопровождать нас во время нашей послеполуденной прогулки, и в эту же ночь его не стало. Казалось, сама судьба привела Джорджа именно в такой день, чтобы помочь мне пережить это печальное событие. У меня было такое чувство, как будто я хороню с Пиппином часть своего существа: ведь он был моим неизменным спутником и другом на протяжении многих трудных лет.

Утром Джордж уехал, но вскоре появился его посыльный; он привез мне детеныша дикой кошки — сервала, найденного брошенным на дороге. Этот зверек величиной с котенка был очарователен, и я сразу потянулась к нему, хотя он, конечно, не мог заменить Пиппина.

Когда мое пребывание в племени мбере подошло к концу, Джордж приехал, чтобы помочь мне упаковать вещи и перебраться туда, где жили чака — следующее племя в моем списке.

В селении чака собралась группа людей, желавших стать моими натурщиками. Я выбрала несколько человек, но почувствовала себя настолько плохо, что Джордж настоял на том, чтобы я отправилась вместе с ним в Исиоло. Я договорилась с вождем племени, что вернусь для проведения сеансов живописи.

Пока я поправлялась, Джорджа попросили разведать дорогу с достаточным количеством водоемов и пастбищ, для того чтобы племя туркана могло пройти по ней со своим домашним скотом в район озера Рудольф.

Во время войны туркана нелегально поселились в окрестностях Исиоло, нарущая таким образом права местных племен на пользование водой. Теперь предстояло вернуть туркана на их традиционное место жительства. Правительство уже подготавливало переезд стариков и детей

на грузовиках через Китале до Лодвара. Одновременно договаривались об организации перевалочных пунктов с питанием на протяжении всего пути, который Джордж рекомендовал как наиболее целесообразный для большого перехода здоровых людей и скота. Туркана относились с предубеждением к предстоящему переселению, и старейшины пророчествовали, что оно никогда не осуществится, поэтому большинство туркана не хотели участвовать ни в одном из составляемых для них с этой целью планов.

Чтобы справиться с возможными административными проблемами, которые могли возникнуть в конце пути, в помощь Джорджу прикомандировали молодого помощника. Мне хотелось присоединиться к этому походу, поскольку я надеялась найти в отдаленных районах, через которые нам предстояло пройти, интересных натурщиков для своих портретов. Отправив вьючных животных вперед до Вамба — последней точки, куда мы могли добраться на машине, — мы погрузили в пикап провизию, лекарства, палатки, спальные мешки, походные столы и стулья, брезентовую ванну, кухонную посуду, охотничье снаряжение, одежду, лампы, складную лодку, баки, предназначенные для хранения воды, глицерин и йод, пресс для собранных растений, все необходимое для живописи и несколько книг. Этот груз мы покрыли брезентом, и весь наш домашний штат вместе с лесниками забрался наверх.

Когда мы прибыли в Вамба, наш молодой помощник презрительно посмотрел на подготовленных к поездке мулов и заявил, что он привык ездить верхом только на породистых животных. Незадолго до этого Джордж приобрел белого мула по имени Шайтан, что в переводе с языка суахили означает «дьявол». Он-то и был предложен помощнику для верховой езды. Охотно согласившись на это предложение, тот с гордым видом взобрался на мула, но не успел еще усесться, как мул рванулся к протекавшей мимо реке и сбросил ездока, а потом с невинным видом зашагал вверх по берегу. Когда наш помощник снова взобрался на Шайтана, мул спокойно потрусил по тропе, пока не поравнялся с терновым кустом; тут он взбрыкнул, сбросив ездока прямо на колючки. Проклиная всех мулов на свете, помощник вопреки случившемуся утверждал, что он первоклассный наездник, и ему было разрешено закончить весь остальной путь на Шайтане. У бедняги был очень растерянный вид, но, видимо, гордость не позволяла ему отказаться от своего намерения. Он все еще пытался красоваться в седле, хотя нередко оказывался на земле, а мул при этом насмешливо на него поглядывал. В конце концов Шайтан так невзлюбил своего наездника, что однажды ночью убежал от нас. Ему потребовалось четыре дня, чтобы добраться до Исиоло, куда он прибыл в полном здравии, несмотря на то что ему пришлось преодолеть большую часть пути по местности, где обитали львы. Я, однако, отчасти понимала настроение помощника Джорджа, вспоминая о том чувстве превосходства, которое испытала, когда впервые собиралась прокатиться верхом на муле. В свое время я прошла школу классической верховой езды в Вене. Я видела, что Джордж сидит верхом как мешок с картошкой и подлетает вверх при каждом шаге мула, но он ни разу не упал, тогда как я, полная решимости соблюдать свой великолепный стиль верховой езды, все время слетала на землю.

Мы ехали впереди верхом на мулах, чтобы освобождать путь от диких зверей, позади нас шли ослы с поклажей; двигались мы медленно, время дня было самое жаркое, я задремала в седле. Вдруг я почувствовала толчок: оказалось, что носорог и его детеныш, выскочившие на дорогу, задели моего мула и умчались прочь с большой скоростью. Я не удержалась в седле, упала и, ударившись о скалу, сильно ушибла позвоночник. Джордж, ехавший впереди, быстро вернулся и помог мне снова взобраться на испуганного мула. Я ощущала боль во всем теле и, казалось, была частично парализована, по Джордж убедил меня в необходимости достигнуть ближайшего водоема до наступления темноты, рассказав, что в последний раз он разбивал на этом самом месте лагерь, чтобы выследить льва-людоеда, убившего одного сомалийца. Ему не удалось увидеть самого зверя, но на следующее утро он нашел львиные следы около своей походной постели. Этот рассказ убедил меня в необходимости двигаться дальше, несмотря на боль; любой вариант был гораздо лучше, чем перспектива попасть в лапы льву-людоеду.

Наконец мы добрались до водоема, и несмотря на что я провела беспокойную ночь и ощушала боль во всем теле, на следующий день нам пришлось продолжить свой путь по страшной, безводной местности, где мы безрезультатно пытались добыть воду. Мы копали ямы в высохших руслах рек, но каждый раз безуспешно. Мы обнаружили лишь окаменелые деревья, стволы которых имели в диаметре шестьдесят сантиметров; они свидетельствовали о том, что когда-то здесь были густые леса. Наконец мы достигли одного из самых жарких мест в Африке — долины Сугута, в прошлом представлявшей собой дно озера. Со всех сторон она ограничена

отвесными скалами, которые защищают ее от прохладных ветров. Здесь я снова принялась искать окаменелости, но тщетно. Это меня удивило, так как в доисторические времена долина Сугута была связана с Нилом и озером Рудольф, которое изобиловало ископаемыми.
Путь к Лодвару мы продолжили по пустыне, покрытой лавой.
Вдруг мне сделалось плохо, и я чуть не свалилась с мула. Джордж померил мне температуру и оказалось, что она повысилась до 40°. Нам пришлось разбить лагерь на раскаленной от солнца равнине, но на следующее утро я почувствовала себя хорошо.
В конце очередного перехода мы добрались до лавового плато, на котором совершенно не было травы и негде было пасти ослов. К счастью, наступило полнолуние, и мы смогли продолжить путешествие ночью, что было немаловажно, так как днем ослы могли погибнуть от солнечного удара.
В Кангетете мы встретили районного уполномоченного из Лодвара. Все пришли к единому выводу, что перебросить большое число людей вместе со скотом по тому пути, по которому прошли мы, невозможно. Предоставив мужчинам обсуждать альтернативные планы, я решила зарисовать нескольких женщин племени туркана, костюмы и прически которых отличались от туркана, уже написанных мной.
Через двенадцать дней после последнего приступа у меня снова поднялась температура, и мы решили что, возможно, я больна возвратным тифом — болезнью, распространяемой клещами. Я даже вспомнила, как в меня впивался клещ, когда мы раскинули лагерь на покрытой травой равнине Мбере. Если наш диагноз был правильным, то теперь мы могли заранее учитывать мое плохое самочувствие, периодическое повышение температуры и организовывать путешествие таким образом, чтобы успевать до приступа добираться до тенистого места и располагаться там лагерем.
Итак, мы находились на родине племени туркана, и мне стало ясно, почему африканцы из этого племени, добравшись до района Исиоло, предпочитали оставаться там. Мы возвращались обратно другой дорогой, но там не было достаточного числа водоемов и пастбищ, и это делало невозможным переброску людей и большого количества скота. Джордж пришел к выводу, что единственной практической возможностью переселения является перемещение племени туркана небольшими группами в сезон дождей, о чем он и сообщил властям. Скот, по его мнению, следовало продать в Исиоло, а затем купить новый в Лодваре. Этот вариант принят не был, и, таким образом, пророчество старейшин туркана осуществилось.
В Найроби я обратилась к врачу с жалобой на систематические приступы лихорадки, он подтвердил наш диагноз возвратного тифа и провел курс лечения инъекциями мышьяка.
Вскоре после моего выздоровления Джордж и я получили приглашение на прощальный вечер уходящего в отставку губернатора Ваджира. Форт Ваджир, расположенный на песчаной равнине, является главным оборонительным постом на сотни километров вокруг и единственным источником пресной воды в этом пустынном районе.
В Ваджире около двадцати колодцев. Они представляют собой круглые отверстия глубиной до двадцати метров, проделанные в плотном известняке. Их диаметр настолько мал, что невозможно себе представить, как их можно было вырыть без помощи соответствующих механизмов. Предполагают, что грунт выбирал ребенок, которого с этой целью опускали в отверстие колодца в корзине.
Кроме колодцев, здесь неподалеку существуют еще большие водосборные плотины. Это грандиозные сооружения, далеко превосходящие возможности в области строительства современного африканского населения. Одна из легенд описывает древних обитателей этой территории, которые якобы принадлежали к племени гигантов, именовавшемуся вандир. Может быть, эти искусные сооружения были созданы ими?
Во время праздника в обширном внутреннем дворе форта, образующем квадрат, был возведен большой шатер. На торжествах присутствовал весь административный аппарат Северной пограничной провинции.
В конце двора столпилось много сомалийцев, и после зачтения приветствия к губернатору небольшая их группа выбежала вперед, выкрикивая военный клич; они подняли свои копья и стали приближаться к губернатору все быстрее и быстрее, пока наконец очень метко и точно не бросили копья, упавшие к его ногам. Губернатор все это время стоял не шелохнувшись и не моргнув глазом наблюдал, как это грозное оружие ложится буквально на расстоянии трех

сантиметров от его ног. Во время праздника я обнаружила среди африканцев несколько очень интересных типажей и написала их портреты.
Вернувшись в Исиоло, я возобновила прерванные зарисовки племени чака, живущего у подножия горы Кения. В том месте, где находился мой лагерь, только полоса леса отделяла меня от поросших вереском склонов и ледников. В один из дней отдыха, когда Джордж приехал навестить меня, мы решили посвятить часть времени прогулке на гору. Мы стали подниматься по заглохшей тропинке, проложенной обитателями миссии Чогория — самой старой из миссий этого района, известной своей пользующейся большой популярностью больницей. Мы вошли в чудесный лес, а через несколько часов дошли до бамбуковых зарослей и затем вышли на открытую местность, поросшую кустарником. Чем выше мы поднимались, тем разнообразнее становились цветы и птицы, а особый аромат, характерный для больших высот, опьянял. Тишина охватила нас, и мы шли все дальше и дальше. Наконец Джордж сказал, что пора возвращаться, но я увидела изумрудное высокогорное озеро и не могла побороть в себе желания дойти до него; там же виднелись красные, как рубины, цветы бессмертника, покоившиеся на серебристых листьях, и я просто не могла не сорвать их. Видя мое упорство, он поступил весьма разумно: чтобы вернуть меня к реальной жизни, пошел по направлению к дому. Некоторое время я продолжала идти вперед, но вдруг, сообразив, что осталась одна, почувствовала, как мой бурный восторг сменился страхом. Посмотрев на клонившееся к горизонту солнце, я поспешила назад и догнала Джорджа. Мы были удивлены, услышав в конце такого безоблачного дня раскаты грома. К тому времени, как приближавшаяся гроза разразилась, мы были уже в лесу, где очень быстро стемнело, и прошло совсем немного времени, как наступила ночь. Торопливо спускаясь вниз по склону, мы скоро потеряли из виду отметины, оставленные нами во время подъема, и, так как разглядеть что-либо было невозможно, нам оставалось только дожидаться рассвета.
Сидеть на траве было все равно что сидеть посреди сбегающего потока, и потому, тесно прижавшись друг к другу, чтобы согреться, мы обрекли себя на мокрую, холодную и голодную ночь.
Вдруг Джордж вспомнил, как однажды, оказавшись в подобном положении, он разрезал резиновые подошвы своих сандалий на полосы и поджег их. Они горели как факелы, выполняя одновременно две задачи: обогревали и держали диких зверей на расстоянии. Теперь он предложил пожертвовать нашими сандалиями, и, хотя я знала, как трудно мне будет утром идти босой по неровной местности, я согласилась, поскольку не могла не признать, что сама виновата в постигшем нас испытании.
Время шло, а дождь все лил как из ведра, и по доносившимся до нас звукам мы поняли, что наши «факелы» скорее привлекают, чем отпугивают окруживших нас животных. Наши руки и ноги онемели после ночи, проведенной в полной неподвижности. Как только пробился первый луч света, дождь унялся и мы смогли продолжить свой путь.
Наша жизнь была очень разнообразной и интересуй, но в ней было также и много неустойчивого и беспокойного. Как будто специально для того, чтобы вывести меня из подавленного состояния, нам принесли недавно появившегося на свет горного дамана — животное, похожее на грызуна, хотя, по мнению зоологов, из-за особого строения ног и зубов ему скорее следует приписать родство со слоном. Я назвала зверька Пати, по имени знаменитой итальянской оперной певицы, потому что сначала думала, что это живущий на деревьях древесный даман — животное, ведущее ночной образ жизни и обладающее очень громким голосом. Однако оказалось, что это самка горного дамана — дневного и совсем не шумного животного. Она была совсем маленькой, когда попала к нам, и быстро приспособилась к нашей жизни. Пати никогда не приносила нам никаких хлопот, будучи очень чистоплотной от природы, и не было необходимости приучать ее к домашним условиям. Она сразу же научилась пользоваться сиденьем в туалете, которое, без сомнения, заменило ей скалу, необходимую для этой цели в естественных условиях. Она настолько привыкла к унитазу, что, когда мы отправились в путешествие, нам пришлось брать с собой импровизированное приспособление, иначе она отказывалась отправлять свои естественные нужды.
Как и все даманы, Пати была вегетарианкой, любившей бананы, пау-пау и манго, которые она часто воровала из моей тарелки. Но ее настоящей слабостью было спиртное, и, где бы ни находила бутылку, она переворачивала ее и вытаскивала пробку.

Пати сопровождала нас во всех наших переходах, сидя на моем плече, когда я ехала верхом. Она путешествовала с нами и по морю в дау
[30]
, но больше всего Пати любила пешие походы на гору Кения.

В 1951 году Джордж получил сообщение о случаях браконьерства в районе водопадов Чандлера вверх по реке Эвасо-Мгиро. Эти водопады редко посещаются и добраться до них можно только по очень труднопроходимой тропе, пролегающей у самой реки, уровень воды в которой был в то время очень низким.
Мы сразу же двинулись в путь, и, когда проходили отложения известняка, я выкопала несколько ископаемых ракушек конической формы и отправила их в музей в Найроби. Местность здесь была плоской и почти лишенной растительности, только тень растущих небольшими группами акаций укрывала местных диких животных, включая слонов, зебр, сетчатых жирафов и буйволов.
Водопады были живописны даже во время сухого сезона; их вода стремительно падала с высоты тридцати метров. С трудом спустившись вниз по узкой тропе, мы вошли под естественный свод шириной почти три метра, длиной 800 метров и настолько высокий, что в нем можно было беспрепятственно передвигаться, выпрямившись во весь рост. В воде мы увидели нескольких крокодилов и ловушки, оставленные браконьерами.
Мы отошли совсем недалеко, как вдруг со стороны водопада послышался оглушительный рев и вода сразу же поднялась, покрывая дно пещеры. Боясь оказаться в западне, мы бросились назад. Добравшись до водопадов, мы увидели страшную перемену: волны темно-красного цвета, высоко вздымавшие пену, с грохотом низвергались с высоты тридцати метров и увлекали за собой бревна и целые деревья. С каждой минутой положение становилось все серьезнее, и нам стало ясно, что, если мы не хотим погибнуть, нельзя терять ни секунды. Отыскивая ногами на ощупь малейший уступ и цепляясь за каждый выступ, за который можно было ухватиться, мы вытащили друг друга на скалу под сводом. Поразительно, на какие акробатические трюки способен человек, когда он смотрит в лицо смерти. Причиной такого наводнения, должно быть, были запоздалые дожди, разразившиеся в верховьях реки.
По пути домой мы узнали о небывалых случаях браконьерства в погоне за слоновой костью в Лорианском болоте, где засуха была такой жестокой, что и домашний скот, и дикие животные умирали от жажды, браконьеры пользовались их трагическим положением. Лорианское болото — около тринадцати километров в длину, питаемое рекой Эвасо-Нгиро, — слывет раем для слонов; оно находится в 240 километрах от Исиоло, среди пустынной местности, на полпути к Ваджиру. Когда Эвасо-Нгиро высыхает, тридцать пять колодцев Лориана служат единственными источниками воды на многие сотни километров вокруг. За последние недели засуха заставила тысячи сомалийцев совершать длинные переходы вместе со скотом, чтобы добраться до этих колодцев; многие из них настолько ослабли, что погибли в пути. Еще за много километров до Лорианского болота мы увидели, что пустыня усеяна разлагающимися трупами верблюдов, крупного рогатого скота, овец и коз, а когда приблизились к колодцам, смрад стал совершенно невыносимым и вызывал тошноту. Трупы животных валялись среди сухого тростника на потрескавшемся иле, и, хотя мы двигались очень осторожно, пытаясь их объехать, это оказалось невозможным.
После того как африканцы прошли огромное расстояние вместе со своим скотом, они были вынуждены еще ждать — и часто не одни день под палящим солнцем, — пока люди, пришедшие раньше, подпустят их к колодцам; дело осложнялось еще и тем, что с людьми за воду конкурировали слоны.
Особенно выделялся один из слонов — самец, обезумевший от жажды; он каждый вечер упорно ждал у последнего из тридцати пяти колодцев, где еще была вода. Глубина его равнялась десяти метрам. Сомалийцы стояли на лестнице один над другим, передавая наверх ведра с водой, которую наливали в колоды для скота. Как только вода оказывалась наверху, слон отнимал ее и преследовал людей, хватая их за влажные набедренные повязки. Трижды чуть не произошло несчастье, когда слон, топчась у колодца, засыпал землей стоявших в колодце людей, нетерпеливо требуя, чтобы они поторопились. Абди Огли, знаменитый вождь с необычайно твердым характером, предотвратил трагедию: он сочувствовал животным, но все-таки попросил Джорджа застрелить обезумевшего слона.

Ожидая его появления с наступлением темноты, мы шли не торопясь по высохшему речному руслу и обнаружили трех слонов и бок о бок с ними верблюда, увязших в затвердевающем иле, из которого они высасывали воду, пока он был еще влажным. Все слоны были уже мертвы, и только их головы торчали над илом. Верблюд был жив. Местные жители рассказали нам, что он погружался все глубже и глубже на протяжении последних тридцати шести дней. Не в состоянии защититься от грифов, он теперь открыл глаза, как бы прося пощады. Джордж пристрелил его.

Затем мы осмотрели пересохший илистый водоем, наполненный извивающимися или уже разлагающимися сомами, с которыми расправлялись цапли.

Возле колодца вместо обычной жизнерадостной болтовни сейчас царило зловещее молчание. Палящее солнце вызывало такую жажду, что все были еле живыми.

Вскоре после наступления сумерек, втягивая в себя воздух в поисках источника, появился слон и направился прямо к колодцу, топча по пути изнуренных африканцев. Едва он остановился, я подняла фонарь и Джордж застрелил слона.

Напряженная, гнетущая тишина теперь сменилась смехом и пением людей, сердечно благодаривших Джорджа.

В последующие дни мы помогали подвозить к колодцу вновь прибывших, чтобы избавить их от нескольких последних километров ходьбы. Однажды утром мы проснулись под ликующие крики: «Река пришла!» Вместе со всеми мы ринулись к Эвасо-Нгиро, ожидая услышать шум приближающейся воды, но вместо этого мы увидели лишь тоненькую струйку, медленно извивавшуюся на песке и заполнявшую все углубления и трещины. Сомалийцы, радуясь, стояли по берегам реки со своим скотом.

Мы уехали, надеясь, что теперь люди и скот находятся в безопасности. Но как мы ошиблись! Дожди разразились с такой невероятной силой, что вскоре Джордж получил послание с просьбой помочь переправить людям съестные припасы, поскольку теперь они были отрезаны озером шириной в шестнадцать километров и снова находились на волоске от смерти из-за отсутствия пищи. Грузовики, посланные с продуктами, увязли в грязи. Самолеты сбрасывали продовольствие, но большая часть его попадала в воду. Ослы и верблюды, нагруженные продуктами, вымокали до костей, и их груз пропитывался водой. Единственная надежда была на Джорджа, у которого имелась маленькая шлюпка.

Большая часть пути длиной в 240 километров была покрыта грязью, и нам с неимоверным трудом удалось добраться до озера. Но увы, здесь мы потерпели неудачу, так как нас было некому встретить на противоположной стороне, там, где только три недели тому назад мы видели африканцев, умиравших от жажды. Африка известна как континент контрастов; то, что мы испытали у Лорианского болота, было подтверждением этого.

На протяжении нескольких следующих месяцев я рисовала представителей племени западной части Кении, но из-за проливного дождя в моей палатке было мало света, я перенапрягла зрение и была вынуждена на время прекратить работу.

Когда мое зрение улучшилось, я отправилась в форт Виктория на границе Кении с Угандой, чтобы запечатлеть племя самья. Люди самья живут совсем рядом с большим болотом, где только недавно была истреблена муха цеце. Единственными европейцами в этом районе были миссионеры. Их миссия, где я пробыла одну ночь, более походила на мрачный форт, чем на мирный приют, и, лежа на тюфяке, набитом колючей соломой, я поняла, какую суровую жизнь ведут священники-аскеты.

Через месяц я сопровождала Джорджа в Мандеру, на границе с Эфиопией. В первое же утро пребывания там меня разбудил приглушенный звук деревянных колокольчиков, и я увидела вереницу верблюдов, силуэты которых вырисовывались на горизонте; они были связаны друг с другом и несли на спинах имущество своих владельцев. Наблюдая их шествие по этой пустынной стране, нетрудно было понять, почему верблюдов издавна называют «кораблями пустыни».

Местность здесь носила черты природной суровости, свойственной бескрайней песчаной равнине, на которой рос только скудный кустарник. Река Дауа служила естественной границей между Кенией и Эфиопией, кроме того она была источником жизни для местных жителей и их скота. Только здесь они могли утолить свою жажду.

Сюда пригоняли на водопой тысячи верблюдов принадлежавших сомалийскому племени дагодиа-масере. Несмотря на большое число крокодилов, верблюды стояли по колено в воде и, перекрывая блеяние овец, издавали громкие булькающие звуки.
Вдоль границы располагалось несколько форпостов: Эль-Роба, живописный наблюдательный пост, построенный на больших скалах, и внушительные форты Эль-Вак и Малка-Мари.

В реке Дауа мы, к своему удивлению, нашли редкую разновидность черепахи (род Trionyx) [31], которую мы видели также и на озере Рудольф; было принято считать, что она обитает только на озере Рудольф и в реке Нил. Длина ее от головы до хвоста равнялась приблизительно одному метру, шея длинная и тонкая, а треть панциря со стороны хвоста не такая твердая, как остальная его часть.

Находясь в этом районе, мы посетили несколько гробниц в Харанье и гробницу святого шейха Хабемура. Все гробницы были почти скрыты под полосками кожи, которые пилигримы привязывали к окружающим их кустам. Затем из северной Кении я отправилась на юг, чтобы зарисовать представителей племени тавета на границе с Танзанией.

Путешествие по Сахаре и возвращение в Кению

В соответствии с постановлением английского правительства должностные лица, находящиеся на службе в Африке, должны были иметь отпуск через определенные промежутки времени. Это правило особенно строго соблюдалось в отношении людей, работавших в тропиках. Джордж не выполнял его, и срок накопленных им отпусков достиг двух лет. В 1953 году ему фактически было приказано ехать в отпуск.
Чтобы перемена климата сказалась на нем не так резко, я предложила отправиться в Англию не самолетом, а пересечь Сахару на машине. Мы выехали в марте, несмотря на то, что близилось время песчаных бурь, когда этот район на целых шесть месяцев становился недоступным. Дабы не оказаться в пути «на мели», мы воспользовались договоренностью с французским посольством в Найроби и сделали в банк вклад, дающий путешественникам право получать бензин в различных встречающихся на их пути фортах. Эта договоренность предусматривала в случае необходимости также обеспечение нас необходимой помощью. Мы выбрали путь через Центральную Сахару, привлекавший нас больше, чем путь в восточном или западном направлении. У нас был прицеп для перевозки лагерного оборудования, и Джордж взял с собой огнестрельное оружие в надежде поохотиться на антилоп канн в районе озера Чад, а также на гривистых баранов и других животных, которые могли попасться по пути.
Когда мы пересекали границы Уганды, из-за этого оружия возникли затруднения. За пользование им требовалась уплата пошлины. Но если бы мы заплатили пошлину, то остались бы сами почти без денег. После бесконечного и бесплодного спора я расплакалась. Рассердившись, Джордж тихонько толкнул меня, тут сердце таможенника смягчилось. Он запломбировал ружья и, взяв с нас обещание не пользоваться ими, разрешил нам увезти их с собой. Когда в дальнейшем на пограничных постах возникали какие-нибудь затруднения, Джордж снова толкал меня, но теперь он шептал при этом: «Начинай скорее плакать». Мои слезы действительно творили чудеса.

Мы проехали несколько сот километров по лесу Итури, плотная зеленая стена которого, тянущаяся вдоль дороги, чуть не довела меня до клаустрофобии [32]. Одну ночь мы провели в гостях у д-ра Питмана и его жены — американцев, живших в уединенной гостинице для путешественников и обладавших сказочной коллекцией образцов старинной резьбы по дереву, собранных на западном побережье Африки. Они поселились там с целью изучения племени пигмеев.

Вместе с ними мы посетили деревню пигмеев, где нам удалось наблюдать, как эти маленькие люди выделывают для изготовления одежды лыко и затем, используя растительные краски, рисуют на нем интересные узоры. Мы также видели, как пигмеи охотятся. Мужчины стояли с отравленными стрелами наготове у сети, которая была растянута в лесу, а женщины при помощи колотушек загоняли в нее дичь. С раннего возраста мальчиков-пигмеев обучают меткой стрельбе; они становятся в круг, в середине которого находится юноша. У него в руках мяч, привязанный к шнуру. Он бросает его так, что мяч пролетает мимо мальчиков, а они в это время стреляют в него из лука. Пигмеи очень храбрый народ: мужчины отваживаются пройти прямо под туловищем слона, чтобы пронзить его сердце своими крошечными копьями.
Однажды вечером мы услышали хор пигмеев; каждый участник пел только одну ноту в нужный момент, и таким образом создавалась мелодия. Я подумала, что даже гораздо более искушенные певцы вряд ли могли бы достичь такой превосходной согласованности без дирижера.
Миновав лес Итури, мы попали в царство кустарников, где увидели много своего рода пагод по колено высотой, причем некоторые из них насчитывали до семи ярусов. Это были постройки термитов, очевидно сооруженные ими так, чтобы их поверхность была максимальной и могла впитывать как можно больше влаги. Эти термитники твердые как камень, и их нередко используют для покрытия дорог.
В Форт-Крампель нам предложили взять молодого полосатого мангуста, и у нас не хватило духу отказаться, ибо Крампель, как мы его потом окрестили, признал нас с первого взгляда, перепрыгнув с руки своего бывшего владельца на мою и ясно давая этим понять, что отныне мы — его приемные родители. Мы никогда не сожалели о таком решении малыша Крампеля и очень его полюбили. Из Форт-Крампель наш путь лежал в Форт-Аршамбо, который находится на равном расстоянии от Атлантического и Индийского океанов. Здесь любые товары стоят дороже, чем в других местах, потому что все — от ниток до мебели — доставляется на самолете за большие деньги. Мы надеялись, что здесь Джордж сможет поохотиться на антилоп канн и попросили в Департаменте охоты порекомендовать нам белого охотника-профессионала. На следующий день у нас появился человек с чайником в руках, который, видимо, был единственным предметом его походной экипировки.

Наш путь лежал через Французскую Экваториальную Африку
[33]
, и рекомендательные письма, данные мне Луисом Лики, в которых он просил старейшин племен разрешить мне фотографировать, сослужили мне немалую службу. Мы смогли увидеть глиняные хижины бутылкообразной формы, стены которых были красиво разрисованы, и живших между Кумрой и Лаи африканцев из племени ким, у которых были живописные прически и великолепные украшения. Мне даже удалось сфотографировать близ Кембе нескольких девушек племени банда в костюмах, предназначенных для обрядов празднования.

Когда мы достигли Французского Камеруна
[34]
, мы увидели глиняные хижины, принадлежавшие геэзам, построенные на вершине высоких холмов и хорошо скрытые от постороннего взора валунами. Этот народ, так же как и мофоусы, живущие между Мери и Мора, — прекрасные ткачи. Как и в Кении, здесь ткачеством занимаются только в районах, расположенных к северу от экватора, и преимущественно мужчины, пользующиеся примитивными ткацкими станками. Они ткут полосы материи шириной около пяти сантиметров, которые потом сшиваются в свободные одежды, спускающиеся до колен. Члены племени подоко, близ Моро — мастера гончарного производства. Их гончарные изделия по высоте доходят человеку до плеча и напоминают изделия племени хауса в Нигере. При содействии местных эмиров мне удалось сфотографировать женщин племен фулани, хауса и мадара и женщин племен болева и канури. У всех этих женщин были сложные, тщательно продуманные прически, которые мне очень хотелось запечатлеть. Все это вызывало особенный интерес, так как людей, одевающихся в традиционные одежды, становилось со временем все меньше и меньше.

Эмир Мохаммед из Хики был чрезвычайно любезен, он даже сам позировал мне, чтобы успокоить людей, которые с подозрением относились к фотоаппарату. К нашему огорчению, Крампель вдруг сильно заболел, и мы отправились в город Кано к ветеринару, но он не смог спасти маленького мангуста.

Кано знаменит своими красками индиго и древними городскими стенами. На рынке Кано есть глубокие круглые колодцы, в которых полощут окрашенные хлопчатобумажные ткани. Пока мы были там, я купила себе одежду, которую местные жители носят в условиях пустыни. Она была сделана из хлопчатобумажной ткани с отверстием посередине, в которое просовывалась голова, в то время как остальной материал свободно падал с плеч до самых ног. В то время мне казалось, что в этом наряде я выгляжу смешно, но в настоящее время оно вполне сошло бы за модное платье.

Во время дальнейшего нашего путешествия мы ехали по плоской равнине. Единственное, что на ней было, — это однообразный кустарник, который ветер заставлял выделывать необычайно причудливые движения, и нам казалось, что он исполняет какой-то дьявольский танец.

В Алжире близ Геззамира и в Геззаме мы видели много доисторических наскальных изображений антилоп и жирафов, которые могут служить доказательством существования здесь, в пустыне, когда-то богатой растительности.

Однажды, когда мы завтракали среди обширной песчаной равнины, лишенной каких-либо возвышенностей, откуда-то вдруг появился рябок
[35]
и направился к единственному прохладному месту — в тень нашей машины. Здесь он упал в изнеможении. Я положила его к себе на колени, обрызгала водой и, приоткрыв клюв, смочила ему горлышко, но он все еще казался совершенно безжизненным. Когда мы снова двинулись в путь, я продолжала держать рябка на коленях с расправленными крыльями, чтобы ему было прохладнее. Через некоторое время он открыл глаза, вздрогнул и взлетел, уносясь обратно в пустыню.

Во время одной из следующих остановок, когда мы сидели за завтраком, из-за скалы появился туарег
[36]
. У него была благородная внешность. Он сидел на прекрасном белом и, очевидно, чистокровном верблюде. Лицо ездока было закрыто характерной для жителей тех мест тканью цвета индиго, но его осанка была внушительна. Когда мы молча поприветствовали друг друга, он сошел с верблюда и угостил нас верблюжьим молоком в медной чаше, украшенной чеканкой. Мы же могли предложить ему взамен только консервы. Во время разговора язык мало помогал нам, хотя мы чувствовали, что между нами установился полный контакт. Через некоторое время туарег покинул нас канув в неизвестность.

Некоторое время спустя мы миновали шатры, принадлежавшие кочующим туарегам. Нас пригласили посетить некоторые из них, и я была поражена, увидев среди скудных предметов домашнего обихода деревянные сундуки, набитые серебром. Лица всех туарегов, за исключением детей, были закрыты. Их одежда цвета индиго резко контрастировала с красными, желтыми и зелеными холмами, ведущими к нагорью Ахаггар, которое было темно-красного цвета. Горный массив, подвергнувшийся процессам эрозии, по форме напоминал колонны, упирающиеся в небеса.

До сих пор сыпучие пески почти не доставляли нам неприятностей, если не считать некоторой потери времени, когда мы их объезжали. Но здесь эти объезды стали настолько частыми, что нам пришлось надеть гибкие, скрепленные металлической цепью валки на передние колеса, чтобы обеспечить сцепление. Вода тоже не была проблемой, если не считать того, что часто требовалась веревка вдвое длиннее, чем было указано в путеводителе, чтобы вытащить ее из колодца. До сих пор ничто в нашем путешествии не вызывало тревоги, но с началом жаркого сезона и песчаных бурь условия поездки ухудшились. Гнетущее впечатление производили тысячи мертвых перелетных птиц, покрывающих пустыню, у которых глаза и клювы были

забиты песком. Только сейчас я осознала, как много перелетных птиц гибнет во время миграции. Был один момент, когда мы не на шутку испугались. Одна деталь нашего двигателя сломалась и требовала сварки. Джордж попытался произвести временный ремонт, по безуспешно, и мы застряли на ночь, а за это время движущийся песок покрыл наш лагерь слоем до десяти сантиметров. Пережив настигшую нас маленькую песчаную бурю, мы поняли, как мудро поступают власти, запрещая въезд в Сахару на протяжении тех шести месяцев, когда там властвуют такие бури.

Нас выручило то, что утром неожиданно появилось три лендровера; это были первые машины, встреченные нами за все время путешествия по пустыне.

Они принадлежали одному американцу, ведущему разведку нефти, и, к счастью, у их хозяев нашлась необходимая нам деталь.

По мере нашего продвижения на север местность становилась все более скалистой. Наконец мы достигли форта берберов в Эль-Голеа. Неподалеку было четыре города: Гардая, Эль-Атёф, Бени-Исгене и Бу-Нуара, — скрытых песчаными холмами. Казалось, что в этом месте время остановилось несколько столетий назад. Люди этих городов жили настолько замкнуто, что не посещали друг друга, и, конечно, никому из иностранцев не было доступа ни в один из них. Убедить берберов, что я приехала как друг, было очень трудно, но мне все же удалось это сделать, и они разрешали мне фотографировать их.

На следующем этапе нашего путешествия оазисы с поселениями стали попадаться все чаще, и вдруг перед нами как будто раздвинулся театральный занавес: мы увидели массу цветов и горы Атлас во всем их весеннем великолепии. Переход от голой пустыни к этим садам Эдема был таким внезапным, что из моих глаз неожиданно брызнули слезы. Мы продолжали наше путешествие по Алжиру и Марокко, пользуясь в целях экономии своими палатками. После совершенно безлюдной пустыни мавританская мистика и католическая помпезность в сочетании с европейской культурой производили ошеломляющее впечатление. Не было ничего удивительного в том, что мы влюбились в города Фес и Рабат, в Марракеш, даже в современную Касабланку, где мы распрощались с Африкой.

Затем мы пересекли Гибралтар и оказались в Испании, в городе Кадисе.

Несколькими днями позже мы спустились по деревянным приставным лестницам в глубокие пещеры. Там при мерцающем свете ацетиленовой лампы мы увидели наскальные изображения мамонтов, очень схожие с теми, что были обнаружены нами вблизи озера Рудольф.

В то время испанские пещеры не были открыты для посетителей, и только благодаря нашему рассказу об африканских наскальных рисунках для нас было сделано исключение.

Позднее мы посетили Альгамбру
[37]
. Там мы увидели покрытые снегом вершины гор Сьерра-Невада, сверкающие высоко над облаками, и это зрелище было для нас таким искушением, что мы не удержались от восхождения, хотя у нас и не было подходящей одежды для подобного рискованного предприятия.

Благодаря одному из друзей мы получили возможность остановиться на несколько дней в заповеднике Гредос. Проводник отправился с нами верхом в горы, где нам удалось близко наблюдать неуловимых горных козлов и восхищаться их способностью сохранять равновесие при спуске с отвесных скал. Затем мы отправились на север, чтобы посмотреть настенные изображения в пещере Альтамира. Меня поразила способность первобытного человека выражать свои мысли с помощью изображений животных-символов.

Пересекая Пиренеи, мы посетили Лурд
[38]
. Вид безнадежно больных пилигримов, повторно пришедших для того, чтобы помолиться перед пещерой, в которой вдоль стен грудами лежали отброшенные костыли, был впечатляющим.

В городе Арле во Франции, мы посмотрели корриду, значительно более гуманную, чем в Испании, так как в Провансе, для того чтобы добиться победы, нужно лишь суметь сорвать стрелку-кокарду с рогов быка, а животное остается невредимым.

Посетив города Авиньон и Каркасон, мы отправились в Монако, чтобы посмотреть аквариум с коралловыми рыбами. Это зрелище представлялось нам более интересным, чем игра в казино. Пересекая границу Италии, мы поднялись к мраморным карьерам Каррары. Для меня они представляли особый интерес, так как добываемый здесь мрамор — самый высококачественный из всех видов белого мрамора — использовали для своих произведений Микеланджело и другие скульпторы эпохи Кватроченто
[39]
.

Мне хотелось показать Джорджу мои любимые Гальянские картины, но галереи были битком набиты туристами с гидами, громко говорившими на разных языках, и атмосфера, царившая здесь, не располагала к созерцанию шедевров. И все же несколько недель спустя Джордж вдруг заметил, что «Мадонна Медичи» во Флоренции была самой прекрасной вещью, какую он когда-либо видел. Моя надежда на то, что он оценит искусство Европы — главная цель нашего посещения Италии, — явно осуществилась.

Зрелище Доломитовых Альп, которые мы пересекли дважды, прежде чем попасть в Австрию, привело нас в восторг. В Тироле мы остановились у моих друзей, с которыми я до моего переселения в Кению много раз каталась на лыжах в свободное от занятий время. Мы провели там несколько счастливых дней, бродя по горам и собирая эдельвейсы и рододендроны, которые росли вдоль горных ручьев. Под руководством моего друга Джордж забрался на один из внушительных отвесных склонов Карвендельского хребта. Мы с восхищением наблюдали за серной с детенышами. В глубокой и хорошо защищенной горами долине мы заметили множество козлят, за которыми наблюдала старая серна, пока их матери паслись на более высоких склонах. Когда они вернулись и раздался их резкий свист, малыши вспрыгнули на каменистую осыпь и присоединились к матерям. Я знаю многих животных в Африке, у которых существуют такие же «детские сады», но до сих пор мне еще не приходилось наблюдать этого у европейских животных.

Посмотрев представление на Зальцбургском фестивале в Австрии, мы отправились в ФРГ, где хотели увидеть бывший дом Гитлера в Берхтесгадене. Но к настоящему времени все здания, принадлежавшие фашистской верхушке, были разрушены, за исключением дома Геббельса, превращенного в мотель. На находящемся рядом с ним озере Кёнигсзее было так много туристов, что потребовался бы целый день, чтобы попасть на одни из курсировавших по озеру пароходов. Однако когда мы на английском языке попросили предоставить нам частную лодку, то получили ее буквально через несколько минут.

Возвратившись в Австрию, мы поехали к ледникам горы Гросглокиер — самой высокой горы в Австрии, ее высота достигает 3797 метров.

К сожалению, позднее, когда мы прибыли в Шамони в надежде увидеть Монблан — самый высокий (4807 метров) из пиков в Альпах, погода испортилась и небо покрылось тучами. Через эту горную цепь предполагалось проложить туннель, который соединил бы Италию со Швейцарией.

Наконец мы отправились в Вену, где моя семья и друзья горели желанием встретиться с Джорджем. К 1953 году Вена постепенно возродилась после войны, но для меня дух прежней, довоенной Вены ушел навсегда. Я чувствовала себя здесь туристом, посещавшим бывший дом.

Мы продолжили свой путь в Швейцарию через Энгадин, а затем во Францию, где после стольких долгих лет отсутствия мы «отдали должное» Парижу. К тому времени мы были настолько переполнены впечатлениями, что я была искренне рада наконец прибыть в Англию.

Друзья пригласили нас с Джорджем к себе в Норфолк, где у них был прекрасный загородный дом, и показали нам все прелести загородной жизни в восточной Англии того времени. Потом мы поехали в другие районы Англии и Шотландии навестить друзей и родственников Джорджа. В Шотландии мы могли восхищаться очарованием ее поздней осени, когда серебристые озера окаймлены красноватыми папоротниками. Нам даже удалось провести семь дней на острове Скай, а затем мы поехали в Саутерленд, где я смогла насладиться его нетронутыми пейзажами.

Когда мне случалось в беседе упоминать о зарисовках африканцев из кенийских племен в традиционных костюмах, это всегда вызывало неизменный интерес, и потому я приняла предложение кенийского журнала провести турне по стране с лекциями на английском языке, сопровождаемыми демонстрацией слайдов, снятых с моих зарисовок.
До этого мне никогда не приходилось читать лекции, и такое предложение меня вначале несколько испугало, но поскольку от меня требовалось только объяснение того, что было изображено на слайдах, то лекции имели большой успех. Однажды мне пришлось выступать перед женской аудиторией в триста человек, где все слушательницы были старше меня. Так как мужчин не было, то вскоре женщины отбросили стеснение и стали задавать вопросы, возможно интересные для каждой из них. Лекция прошла с большим успехом. Воодушевленная этим, я стала искать издателя, готового опубликовать книгу о народах Кении, которую я собиралась писать. Она была предназначена главным образом для читателей, интересующихся африканской этнологией, и для ее издания требовался компетентный в этой области издатель. Я предполагала снабдить книгу большим количеством иллюстраций, и мне посоветовали поехать для этой цели в Швецию.
Я отправилась туда в середине января 1954 года. Никогда раньше я не была так далеко на севере. Световые эффекты в это время года в Швеции были сказочно прекрасны и, контрастируя со свежевыпавшим снегом, подчеркивали все особенности великолепной архитектуры Стокгольма.

Упомянутый мною ранее Оке Хольм встретил меня в аэропорту, устроил мне встречи с интересными людьми и взял на себя организацию моих лекций. У меня состоялось несколько бесед с профессором Линдбломом, крупным антропологом, с книгами которого я была знакома и даже знала его теорию о том, что в Африке повсюду, где встречаются аутригеры
[40]
, должны быть также маски и ходули. Мои изображения племени дурума, живущего к югу от Момбасы на кенийском побережье, подтвердили эту догадку.

К сожалению, я не нашла издателя для своей книги и потому сосредоточила все внимание на чтении лекций о племенах Африки.
Затем я отправилась в город Упсала, где Оке договорился о прочтении мною еще нескольких лекций. Одну из них я читала в том самом зале, где Линней излагал свои соображения о ботанике. Меня глубоко взволновала представившаяся мне возможность выступать с той самой кафедры, с которой этот ученый говорил о систематике растений и животных, не утратившей своей ценности до наших дней.
Упсала была покрыта глубоким снегом, и все жители передвигались на лыжах. Окружающая город местность была равнинной, и потому ближайшие высокие курганы, которые на самом деле были могилами времен викингов, пользовались большой популярностью у лыжников.
Из Швеции в приподнятом настроении я возвратилась в Англию, где меня тепло приняли в Кью-Гарденс, Британском музее и в Музее естественной истории, видимо памятуя о присланных мной сюда из Кении коллекциях насекомых, растений и этнографических материалах. Представители дирекции музеев проконсультировали меня о том, какая тема наиболее заслуживает дальнейших исследований и будет, несомненно, представлять особый интерес.
В результате я направилась в Кению со множеством новых идей. Джордж вернулся туда раньше меня.

Озеро Рудольф

В 1955 году, когда губернатор Баринг покидал Кению, мне предложили сделать для него большую красочную карту. Баринг выразил намерение совершить поездку к озеру Рудольф, и Джорджа попросили сопровождать его, помочь подготовить рыболовные снасти, необходимые

для ловли нильского окуня, гигантской тилапии и терапона, а также дать совет, где лучше расположить лагерь в этом малогостеприимном районе.

Самой сложной проблемой была транспортировка деревянной плоскодонной лодки около пяти метров длиной, с двумя моторами, прикрепленными за бортом, по неровной местности, покрытой лавой, до Лойянгалани, единственного места на южной оконечности озера, где можно было добыть пресную воду.

Джорджу давно хотелось исследовать остров Южный, по после трагической экспедиции в 1934 году власти запретили ему предпринимать попытки добраться туда. Теперь, имея в распоряжении лодку, которая была намного совершеннее нашей брезентовой шлюпки, он был намерен достигнуть острова Южный.

Остров Южный, имеющий около шестнадцати километров в длину, находится на расстоянии двадцати километров от материка, а администрация его помещается в Марсабите. Уполномоченный этого района был нашим другом и весьма сочувственно отнесся к нашему проекту, а потому обеспечил меня сопровождающими до Норт-Хора, крошечного форпоста, расположенного в небольшом оазисе, поросшем пальмами дум, где верблюды и рябки постоянно соперничали из-за воды с местными полицейскими.

Здесь меня встретил Ибрагим, наш шофер, и, оставив нашу машину, мы отправились дальше в лендровере. Ехать было очень трудно — мы лавировали между валунами или увязали в рыхлом песке. Я не могла себе представить, как удалось протащить большую лодку по этой дороге. Когда мы добрались до берега озера Рудольф, один рыбак из Эль-Моло, плывущий на плоту, помахал гигантской тилапией, а потом предложил ее нам в подарок. Великодушие этих бедных людей совершенно обезоруживающее. Джордж встретил нас в Лойянгалани, где после пустынной местности, покрытой потоками лавы, приятно было насладиться тенью пальм.

Джордж, находившийся возле озера уже неделю, заметил, что через каждые два-три дня ветер здесь меняется и что за этой переменой следует период затишья, длящийся четыре-пять часов. Он решил, что на следующий день, в один из периодов затишья, мы сможем переплыть на остров Южный.

Весь вечер мы готовились к отъезду. Необходимо было свести поклажу до минимума, чтобы оставить в лодке место для двух моторов. Наш груз состоял из винтовок, пистолета, ракет, некоторых инструментов, фотоаппарата, полевого бинокля, рыболовных снастей, ряда лекарств, включая набор противозмеиной сыворотки, полбутылки виски; была также и кастрюля с ручкой для приготовления пищи и вычерпывания воды из лодки. О том, чтобы взять с собой смену одежды, не могло быть и речи; Джордж прихватил еще плавки, а я — очень тонкое старое одеяло.

На следующий день нам пришлось отказаться от своего плана, так как на озере из-за сильного ветра поднялись волны.

Я нарисовала одного из тех жителей эль-моло, которые сидели на корточках в нашей палатке. Остров был недостижим для их бревенчатых плотов, и они взволнованно обсуждали наши шансы попасть туда и вернуться невредимыми. Они рассказывали нам об этом острове разные легенды. Одна из них была такова: однажды, много-много лет тому назад, молодая беременная женщина пасла своих коз в теперешней южной части озера. Она подошла к источнику и без всякой задней мысли подняла камень и бросила его в устье ручья. Вдруг устье разверзлось, и из него стремительно хлынула вода, заливая все вокруг. Молодая женщина бежала со своими козами в горы, которые, казались окруженными водой и превратились в остров Южный. Здесь она родила близнецов, потомки которых со временем заселили остров. Но теперь на острове остался только ужасный демон, который в облике козла обитает в одном из кратеров. Каждого, кто отваживается перебраться на остров, он заманивает в кратер и пожирает. В другой легенде рассказывается о том, как члены одного семейства эль-моло, жившего в горах, однажды проснулись и обнаружили, что их со всех сторон окружает вода. У них не было лодок, и они вынуждены были остаться на месте и в конце концов вымерли, в живых остались одни козы. Старые люди эль-моло говорят, что их отцы рассказывали им, будто видели костры на острове, но, возможно, это был отголосок вулканической деятельности.

Остальную часть дня мы посвятили тому, чтобы сделать нашу лодку непотопляемой: мы прикрепляли к ней пустые банки и резиновые шины. Пока мы были заняты делом, около нас совершенно неожиданно появился лендровер. В нем было несколько репортеров и уполномоченные из Маралала, намеревавшиеся посетить племя эль-моло. Так как нас поймали

с поличным, нам пришлось раскрыть свой план, и тут тотчас же защелкали камеры. Но я потребовала от журналистов обещания не публиковать никаких материалов, пока не будет ясно, вернулись ли мы в целости и сохранности или погибли.
На следующий день Джордж сильно волновался: ему нельзя было задерживаться, и, если бы мы не смогли вовремя уехать, наше путешествие вообще могло бы не осуществиться.
На озере были бурные волны, и оно стало совсем угрюмым. Чтобы использовать свободное время, мы поехали на машине к горе Порр, похожей на пирамиду. Там мы наблюдали крокодилов, живущих в озере, и птиц на берегу. Птиц было множество: колпицы, бакланы, утки, гуси и священные ибисы. Затем мы посетили деревню племени эль-моло, где нас встретили очень гостеприимно, так как люди этого племени помнили наше прошлое посещение.
Джордж все время поглядывал на озеро и на остров, бывший целью нашего путешествия. Я надеялась, что он откажется от попытки плыть туда, и Ибрагим разделял мои надежды. Однако я твердо решила его сопровождать, если бы он все же отважился плыть.
Через некоторое время озеро начало успокаиваться, и Джордж отправился спускать лодку на воду. Мне стало как-то жутко, и я спряталась за большой камень, чтобы собраться с духом. На старом конверте я написала завещание и отдала его Ибрагиму с просьбой вручить его уполномоченному в Исиоло, если я не вернусь. Ибрагим положил его в карман своей куртки, а когда я садилась в лодку, он схватил мою руку и я увидела у него на глазах слезы.
Джордж изо всех сил дергал шнур, но без всякого результата, и в первый момент у меня появилась надежда, что мы не тронемся с места. Но вдруг раздался звук, похожий на пулеметную очередь, мотор взревел, и мы отправились в путь.
Я держала в руках ружье и следила за крокодилами. Когда мы прошли три-четыре километра, Джордж крикнул, что, возможно, нам придется повернуть, так как озеро становится слишком неспокойным, но мы все же продолжали плыть к острову.
Доплыв почти до середины озера, лодка начала забирать воду, что вызывало у нас немалую тревогу. Однако, поскольку мы к тому времени уже наполовину переправились через озеро, о возвращении не могло быть и речи.
Чтобы достичь залива, который мы видели с материка, потребовался час с четвертью, и за это время никто из нас не произнес ни слова. Мы пристали к берегу в хорошо защищенной бухте с песчаным дном, где вода была кристально чистой и буквально кишела рыбой. Джордж вытащил удочку, но рыба не шла на блесну. Я же принялась исследовать ближайшие окрестности. Весь берег был покрыт крошечными розовыми раковинами слоем в несколько сантиметров, и мне показалось, что эта небольшая бухта была «родильным домом» для крокодилов, яйца которых были разбросаны повсюду.

> Мы начали искать удобное место для лагеря, чтобы как-то защитить себя от крокодилов и других непредвиденных опасностей, так как мы рассудили, что если на острове есть дикие звери, то они, вероятно, не знают человека и не будут его бояться. Земля вокруг нас была довольно густо покрыта кустами
> Cappar
> и ползучими растениями. Выше поднимались белые утесы с четко проступающей на них черной лавой.

Вскоре мы обнаружили, что пристали к небольшому островку, отделенному от острова Южного в самом узком месте протокой. Мы осмотрели в бинокль берег острова Южного и на расстоянии примерно полутора километров заметили небольшой пляж, который казался удобным для высадки. К сожалению, в этот момент он был занят крокодилом длиной около семи метров. Я вовсе не горела желанием воспользоваться гостеприимством такого хозяина, но погода менялась, и нам нельзя было терять времени, если мы хотели высадиться до наступления темноты.
Мы поспешили к лодке и вскоре высадились на берег, где, как я с облегчением заметила, крокодила уже не было. Тем не менее я держала ружье наготове и все время с тревогой следила за поверхностью озера. На берегу мы обнаружили песчаную отмель и вытащили на нее нашу лодку. Джорджу никогда не было свойственно проявлять эмоции, но по тому, как он набивал трубку и разжигал ее, я видела, что он возбужден и обрадован тем, что наконец оказался на острове.

То, что окружало нас, показалось мне далеко не привлекательным. Прямо позади нас и по обеим сторонам виднелась неровная поверхность лавовых потоков, но в этот момент нам было не до детального знакомства с пейзажем. Нужно было найти укрытое место, где можно было бы провести ночь. Мы выбрали расселину в одиноко стоящей скале у самого берега. Она была такой длины, что могла вместить нас обоих, если мы ляжем валетом. Мы вытащили из лодки большую часть своего имущества и закрепили все вещи камнями, чтобы их не сдуло ветром. Затем выбросили из расселины самые крупные куски лавы, чтобы можно было лечь на гравий. Пока мы этим занимались, по ту сторону озера вспыхнули и засветились огни лендровера. В ответ Джордж выпустил сигнальную ракету. Фары береговой машины вспыхнули три раза, затем последовала очередь трассирующих пуль.

Люди, очевидно, радовались, что мы благополучно прибыли на остров. Обо всех сигналах Джордж подробно договорился с Ибрагимом. Один залп сигнальной ракеты означал «все в порядке», три — «у нас кончилась провизия», пять — «нам нужна помощь». При двух последних Ибрагим должен был отправиться на машине в Норт-Хорр и связаться по радио с Марсабитом.

Когда наступила ночь, я натянула свое тонкое шерстяное одеяло, а Джордж завернулся в свою
кикой.

Мы делали вид, что нам удобно, но каждый раз, когда я поворачивалась, я ощущала, что лежу на гравии, и хотя это были не острые обломки лавы, но все же гравий есть гравий. Через некоторое время начался шторм. Шквалистый ветер вздымал волны на озере и пронизывал нашу расселину сильными ледяными порывами. Не было никакой надежды уснуть, и нам оставалось только ждать рассвета.

Задолго до восхода солнца мы встали, развели огонь и вскипятили чай. На рассвете мы увидели, что волны со страшной силой бьют о лаву и брызги летят до шестидесяти метров в высоту. Вскоре мы заметили огни лендровера с берега. Верный Ибрагим явно хотел убедиться, что демон не сожрал нас в течение ночи.

Позавтракав мясными консервами, мы взяли с собой немного фиников и сухого печенья и начали взбираться вверх по хребту. Путь был очень утомительным и часто опасным. Мы держались края лавовых потоков, стараясь обойти трещины и выбирая тонкие участки лавы, отдававшие при нашем продвижении пустотой. Иногда лава прогибалась под ногами, и нам приходилось перепрыгивать на другой, более прочный участок. Перебираться через острые зубцы лавы и взбираться вверх по неровной хрупкой поверхности лавовых потоков было нелегкой задачей. К счастью, по верхней части склонов, покрытых шлаком и пеплом, идти было значительно легче. Добравшись до седловины, я увидела ряд тянущихся вдоль горизонта кратеров. Джордж указал на небольшое стадо коз, которые ничем не отличались от обычных местных коз и, несмотря на недостаток травы, были, казалось, в прекрасном состоянии. У меня мелькнула мысль, что и легендах эль-моло могла быть доля истины.

У вершины первого кратера мы нашли пирамиду из камней, очевидно сложенную Дайсоном и Мартином, членами экспедиции Фукса 1934 года, которые тогда утонули у этого острова. Дул неприятный ветер, и нам нельзя было мешкать; я собрала несколько растений, в том числе портулак, и сложила их в свою сумку для коллекций.

По пути к самой высокой вершине мы миновали небольшую долину, покрытую сухой растительностью, главным образом ладанными деревьями. Эти деревья растут очень медленно, и трудно было понять, как им удалось достичь зрелого возраста там, где с трудом удерживалась другая растительность.

Вблизи вершины ветер был таким сильным, что несколько раз опрокидывал меня. Требовалась большая решительность, чтобы подставлять грудь под его яростные порывы, но мы все же добрались до вершины и сочли, что наши усилия не пропали даром: перед нами во всем своем великолепии раскинулся остров. Можно было разглядеть три фазы вулканической активности. Несколько больших вулканов извергали свою лаву в восточном направлении, и ее отвесные красные потоки ниспадали в озеро. Это была та сторона, по которой мы взбирались. Самое последнее извержение, по-видимому, произошло с северной стороны острова, где желтоватый туф был перекрыт черными как смоль потоками лавы. Западная сторона выглядела совершенно

иначе: она состояла из пологих с мягкими очертаниями холмов, покрытых редким кустарником, а вдоль берега тянулись пляжи и были удобные места для высадки.
Кратер, находившийся ниже нас, был покрыт засохшими ладанными деревьями. Здесь мы увидели еще одну пирамиду из камней и еще несколько таких же пирамид у самых дальних кратеров. Мы тоже построили свою пирамиду и начали обратный спуск. Он был трудным, особенно для Джорджа, у которого на ногах были легкие сандалии. Мы пошли кратчайшим путем, чтобы успеть на берег к вечернему сигналу Ибрагима.
Озеро еще не успокоилось, и не было надежды наловить рыбы на ужин. Поэтому мы согрели банку говядины и усовершенствовали свое спальное помещение, сложив из камня стены с каждой стороны расселины, чтобы защитить себя от ледяных порывов ветра. Ярость ветра все увеличивалась, и эта ночь показалась нам еще длиннее предыдущей, но я забыла все неудобства, когда Джордж появился рано утром с тилапией, которую он застрелил из ружья. Он был хорошим поваром, и мы превосходно позавтракали, а затем, полные энтузиазма, отправились обследовать южную часть острова в надежде обнаружить лагерь Дайсона и Мартина.
Мы миновали несколько больших заливов, кишевших крокодилами, которые при нашем приближении соскальзывали в озеро. Нас удивило, откуда у них такая осторожность, если они на острове никогда не видели человека и потому не могли считать его своим врагом. Мне пришла в голову мысль, что, вероятно, они выросли на континенте и затем перебрались на остров.
Когда мы достигли протоки в том месте, где вчера сошли на берег, то невольно остановились, пораженные огромным количеством крокодилов длиной пять-шесть метров. Нас удивило также и то, что тилапии плавали среди них, очевидно, совершенно спокойно. Мы искали крокодила с длинной мордой, который, по слухам, жил в этом озере, но не смогли его обнаружить.
Мы заметили еще одно стадо коз, и Джордж, подкравшись, сфотографировал их. Затем мы продолжили путь вдоль берега, и оказалось, что он был еще труднее, чем наш подъем накануне, так как нам приходилось пересекать лавовые потоки, вместо того чтобы идти вдоль их гребней. По дороге мы снова встретили стадо коз, которые, видимо, чувствовали себя превосходно, питаясь жесткой травой, росшей по берегу.

> Мы не обнаружили никаких признаков лагеря Дайсона и Мартина, но нас это не удивило, так как невозможно было себе представить, чтобы кто-либо высадился на этот негостеприимный берег, если его не вынудили к этому особые обстоятельства. Здесь повсюду лежали змеиные выползки
> [41]
> , и я очень встревожилась, но Джордж успокоил меня, уверив, что змеи, встречающиеся здесь, должны принадлежать к тому безобидному виду полосатых песчаных змей, которых мы уже видели раньше.

Я искала окаменелости, но безуспешно. Мы нашли только кости жирафа и бегемота, несомненно принесенные сюда водой с материка.
Когда мы вернулись к нашей расселине, озеро все еще было слишком неспокойным для рыбной ловли, и мы съели последнюю банку мясных консервов. Было приятно сидеть и смаковать рюмочку спиртного, пусть даже смешанного с солоноватой водой, которая придавала всему желтовато-зеленоватый оттенок, ибо нас окружал фантастически прекрасный пейзаж. Ближайшим фоном была застывшая масса лавы, спустившаяся с краев кратеров вулканов и покрывающая все на своем пути. Пейзаж был бы почти безжизненным, если не считать плавающих вокруг крокодилов, сброшенные кожи змей и полных жизни коз.
Мы были лицом к лицу с всепоглощающим величием природы, красота которой подчеркивалась сознанием того, что яростные штормы отнимут охоту у любого вторгнуться сюда и нарушить наше одиночество.
Кто не мечтал пожить на необитаемом острове, как Адам и Ева? Для нас эта мечта осуществилась. Здесь мы были единственными существами, хорошо знавшими друг друга, полностью зависящими один от другого и постоянно окруженными опасностью.
Но несвойственное мне чувство страха не покидало меня все время, пока я жила на этом острове. Страх перед его безжизненностью, страх при мысли о том, что Джордж, который ловил

рыбу, стоя на скользких скалах, может упасть в озеро и будет схвачен крокодилом или что кто-нибудь из нас свалится в трещину, образовавшуюся в лаве, страх при мысли о возвращении, еще более опасном, чем наше путешествие сюда, потому что надо будет идти против ветра. Никогда до этого момента я не осознавала, как драгоценна жизнь, и не только наша собственная, но и жизнь, окружающая нас. До сих пор само собой разумелось, что я проснусь под пение птиц и мой взгляд упадет на цветы и деревья, — проснусь и увижу все вокруг таким же живым, как я сама. Но теперь упорный ветер держал нас в плену на этом острове смерти, а немилосердное солнце истощало наши силы.

Третья ночь была еще страшнее предыдущих, и я вздохнула с облегчением, лишь когда наступил рассвет. Я позвала Джорджа, но он не откликнулся. Что же могло случиться? В панике я взобралась вверх по склону позади нашего лагеря, но не обнаружила никаких следов присутствия Джорджа. Я все время твердила себе, что он, видимо, ловит рыбу; потом я повернула обратно и заметила черепки местных гончарных изделий, покрытые орнаментом. Это ненадолго отвлекло меня, но, как только находки были упакованы для отправки в музей, страх вернулся. Чтобы убить время, я проверила одежду, предохранявшую нас от укусов змей, и сделала запись в дневнике. Прошло два часа, и, к моей радости, появился Джордж; он нес детеныша крокодила и тилапию.

После завтрака мы сняли с крокодила шкуру и починили свои изорванные ботинки, а потом пошли добывать топливо. На его поиски ушел весь день. Следуя по дороге, которую правильнее было бы назвать едва заметной тропой над уровнем полной воды, мы дошли до небольшой каменной стены длиной в несколько метров. Кто построил ее и с какой целью? Неподалеку от нее мы снова нашли черепки и подобрали их, чтобы сравнить с теми, которые я отыскала на материке.

Когда мы вернулись к своей расселине, Джордж стал ловить рыбу, и я очень опасалась за него, потому что его ноги скользили на влажных, скользких скалах. Дело кончилось тем, что он убил тилапию и звуком выстрела оглушил двух маленьких рыбешек. Они были длиной пять сантиметров каждая, темно-красные с переливчатыми зелеными пятнышками на плавниках. Разглядывая их, мы вдруг заметили внезапно поднявшуюся возле Джорджа кобру. Я сказала Джорджу, что мой страх перед ядовитыми змеями не лишен оснований, и тогда он признался, что в это утро убил маленькую кобру в моей так называемой походной постели.

В тот же день некоторое время спустя я услышала, как Джордж зовет меня. Оказалось, что под грудой камней он обнаружил пустую бутылку из-под виски (несколько ржавых банок из-под сардин. Очевидно, Дайсон и Мартин останавливались на том же месте, которое выбрали и мы. Как все аккуратные люди, они закопали оставшийся от стоянки мусор, прежде чем продолжить свое роковое путешествие.

Утро, наступившее после холодной и бессонной ночи, принесло мало надежды на улучшение погоды, и мы решили исследовать северную окраину острова. Мы шли едва заметной тропой. Когда она затерялась, нам пришлось пробираться среди обломков лавы. Множество крокодилов соскальзывало в воду при нашем приближении. После трех часов пути мы подошли к широкой бухте с отлогим берегом; он был покрыт галькой и мог бы служить прекрасной пристанью. На прежнем уровне озера, около пяти метров выше нынешнего, мы увидели среди других обломков круглый резервуар для бензина и часть патрубка. У нас уже не было сомнений, что это обломки разбившейся лодки Дайсона и Мартина: они использовали два таких бензобака, чтобы сделать лодку более устойчивой. В этом месте я решила оставить один экземпляр своего дневника, подумав, что он может пригодиться будущим исследователям, если нас постигнет несчастье.

Стена из лавы высотой пять метров преграждала конец залива. Мы перелезли через нее и пересекли несколько свежих потоков лавы; они были черными в отличие от более старых, красного цвета. Самый северный кратер состоял почти сплошь из туфа; в нем мы нашли устриц и другие раковины. Они были единственными свидетелями доисторических форм жизни, какие мы обнаружили на острове, в то время как на континенте против этого места было множество ископаемых. Стоя на краю кратера, мы увидели красивое зрелище: на западе виднелся открытый залив с отличным местом для высадки. На вулканах, расположенных в северной части острова, не было видно каменных пирамид. На северном берегу, где скала отвесно уходила в глубь озера, мы с удивлением заметили тысячи больших тилапий, жадно объедавших отложения розового цвета, покрывавшие скалы; спины многих из них высовывались из воды.

Подальше виднелись большие косяки рыб, напоминающие темные облака. У нас, конечно, возник вопрос: не пришли ли они сюда нереститься?

Между тем ветер начал стихать, и Джордж предложил поспешить назад в надежде на то, что у нас появится возможность пуститься в обратный путь. Мы горели желанием вырваться отсюда как можно скорее, ибо наша провизия была на исходе, а обувь почти совсем развалилась. Но как только мы возвратились в лагерь, ветер задул с новой силой и развеял наши надежды. Мы коротали время, собирая черепа коз, змеиные кожи, жуков, ящериц, многоножек, растения и маленьких красных рыбок и упаковывая их в пустые консервные банки.

Уже семь дней мы были пленниками острова, и мне начинало казаться, что ветер никогда не уймется. Я живо представила себе нетерпение Дайсона и Мартина — такое же, как мое, — когда они отважились на риск и попытались пересечь озеро — попытка, которая закончилась трагически.

Я почти не спала в ту ночь и решила немного отдохнуть перед завтраком. Меня разбудил непривычный звук. Это Джордж волок по берегу лодку, готовясь к переправе. Озеро стало, несомненно, намного спокойнее. Мы подготовились меньше чем за пятнадцать минут. Джордж дернул за шнур, но мотор капризничал и отказывался работать. Тогда Джордж влез по пояс в воду, чтобы устранить помеху. И вдруг я заметила крокодила, который плыл совсем рядом с Джорджем; но не успела я закричать, как мотор заработал, Джордж прыгнул в лодку и мы отправились в путь.

Мне было не по себе; сидя неподвижно на носу, я крепко сжимала в руках ружье и сосредоточила все внимание на крокодилах. Когда мы отплыли на километр от берега, озеро стало бурным и нас охватила тревога.

Джордж спросил, не вернуться ли нам, но я не ответила, и мы продолжали плыть дальше. Проплыв еще с километр, мы все-таки повернули назад. Оказавшись снова на острове, я принялась чинить свою обувь, потом упаковала черепа двух крокодилов, которые забыла взять с собой. После полудня озеро стало спокойнее, белые барашки исчезли, и, сообразив, что времени остается в обрез, для того чтобы пересечь озеро до наступления темноты, мы снова пустились в путь.

Пришлось вытащить кастрюлю, чтобы вычерпывать воду из лодки, и, только когда мы подошли к материку, я испытала облегчение, но именно в этот момент мотор вдруг затрещал и заглох. Я схватила весла и принялась грести. Джордж проклинал мотор, находившийся за бортом, но быстро сообразил, что ничего страшного не случилось, просто кончился бензин. У нас был с собой резервный запас, и мы снова поплыли.

Вскоре мы заметили на берегу две человеческие фигуры, и я заплакала. Когда мы приблизились к берегу, люди вошли в воду, чтобы встретить нас. Они сказали, что пришли сюда рано утром. Я поинтересовалась, как им стало известно, что мы прибудем сегодня. В ответ на мой вопрос они рассказали об одной девушке из племени рендиле, обладающей даром ясновидения, которая сообщила им, что мы возвратимся именно в этот день. Как я узнала из их рассказа, в лагере, пока нас не было, царило такое напряжение, что люди не решались смотреть друг другу в глаза. Нас это очень тронуло.

Вскоре прибыла машина и стала сигналить. Ибрагим был счастлив, когда узнал о нашем благополучном возвращении. Едва только мы прибыли в лагерь, вдруг как из-под земли появились эль-моло и стали забрасывать нас вопросами. Наконец старейшина сказал нам, что хочет обосноваться на этом райском острове со всеми своими людьми и завладеть козами, число которых, по нашему предположению, составляло около двухсот голов.

На следующее утро меня разбудил шум самолета, низко кружившего над нашим лагерем. Он сбросил две упаковки сигарет и послание, которое гласило: «Рады, что вы вне опасности, разошлю это известие всем… P. S. Примите поздравления от отдела аэрослужбы».

Несколько часов спустя мы уже находились в Норт-Хорре и были встречены двумя европейцами, прибывшими из Марсабита, чтобы нас спасать. Затем появились пять офицеров полиции, направленных сюда с той же целью.

Оказывается, наш секрет был открыт, потому что Джорджа ожидали на важном совещании в Найроби. Когда выяснилось, что его там нет, стали наводить справки и беспокоиться, не подвергаемся ли мы опасности. Тогда специальные уполномоченные из Маралала сочли, что обстоятельства обязывают их сообщить о нашем намерении отправиться на Южный остров.

Услышав эту весть, власти так всполошились, что полицейский из Исиоло сразу же заказал две могилы на кладбище Ньери.
Позднее он вызвал нас к себе в кабинет и сначала сделал Джорджу выговор за неподчинение приказам и за то, что он вынудил администрацию уплатить спасательной команде. Но под конец заметил, улыбаясь, что гордится нашими достижениями и что ему самому очень хотелось бы побывать на острове вместе с нами. Единственное, что мы могли сообщить в результате нашей экспедиции, — это некоторые данные об острове Южном, преимущественно негативного порядка: отсутствие диких животных, за исключением пресмыкающихся и летучих мышей, малочисленность птиц, скудность растительности. Что же касается коз, то мы думали, что объяснение Хенеля может быть правильным. Вполне вероятно, что семейство эль-моло вместе с козами было захвачено бурей врасплох в момент переправы с одной части материка на другую и снесено на остров. Вернуться же обратно на своих утлых плотах они не могли.
Тогда же я написала рассказ о наших приключениях и в надежде на то, что хотя бы один из нескольких журналов им заинтересуется, изложила его в пяти вариантах и отправила в пять разных периодических изданий, сопроводив фотографиями. Случилось так, что все пять, включая «Джиогрэфикал мэгэзин» Королевского географического общества Англии, их напечатали.

Эльса

Однажды Джорджа попросили застрелить льва, убившего человека из племени боран. Мы отправились выслеживать его вместе с Кеном Смитом, недавно поступившим в Департамент охоты и прикомандированным к Джорджу для приобретения опыта, и разбили лагерь в Мелка-Лории в районе Кинна. Эта часть Северной пограничной провинции Кении находится в ста километрах от Исиоло в стране боранов. В этом районе было столько браконьеров, что Джорджу приходилось проводить здесь довольно много времени.
Когда они с Кеном отправились искать льва-людоеда, а мы с моим даманом Пати остались в лагере, мне и в голову не могло прийти, что в это утро моя жизнь навсегда переменится. Через несколько часов машина вернулась, и я сразу же поняла, что охота была успешной: на крыше машины лежала львиная шкура. Но я не сразу увидела трех крошечных осиротевших львят, которых привез Джордж.
Появление Эльсы и ее двух сестер налагало на меня большую ответственность. Мне, конечно, уже приходилось выхаживать детенышей других животных: двух слонов, буйвола, антилопу бушбока, самку антилопы импала, сервала, трех страусов, многочисленных мангустов и дамана Пати, — но у меня не было опыта выхаживания крошечных львят, а этим, как нам казалось, было не больше трех недель. Тогда я попросила совета у людей, растивших таких львят, и узнала, как их надо кормить.
С самого начала мы решили не превращать львят в баловней и стремились как можно меньше ограничивать естественные инстинкты малышей. К счастью, мы жили в уединенном месте, где львята могли свободно бродить в кустарнике вокруг дома. Это позволило им вырасти дикими и считать нас своими приемными родителями. Их отношение к нам как к приемным родителям было следствием «запечатления». Этот термин означает, что каждое новорожденное животное считает своей матерью то живое существо, которое оно видит возле себя, впервые открыв глаза.
Все три львенка были женского пола. Мы назвали их Люстика, Большая и Эльса. Эльса, хотя она и была самой маленькой, отличалась смелостью и особым обаянием. Львята выросли, мы не могли дольше держать их всех в условиях, близких к естественным, и передали Люстику и Большую в роттердамский зоопарк, а Эльса осталась с нами.
Когда Эльса стала взрослой, мы перевезли ее в отдаленный район, в парк Меру, надеясь, что здесь она сможет возвратиться в свою естественную среду, причем мы были готовы, если потребуется, даже расстаться с ней навсегда. Но опасения наши были напрасны. Эльса научилась быть независимой и все же сохранила к нам любовь и преданность. Эксперимент оказался настолько удачным, что в конце концов она нашла себе друга среди диких львов.
Тогда мы сочли своим долгом поделиться опытом со всеми, написав книгу об Эльсе, чтобы

таким образом привлечь интерес людей к диким животным в тот момент, когда они очень нуждаются в помощи.
Джордж не мог писать из-за отсутствия времени, себя я считала слишком неопытной, для того чтобы на основе своих записей создать задуманную книгу, и потому предложила взяться за эту задачу Элспет Хаксли. Но она ответила мне, что такая книга должна быть написана от первого лица, и тогда я отважилась и стала писать ее сама.
Лорд Вильям Перси, который знал Эльсу еще крошечным львенком, дал мне много хороших советов, предостерегая меня от увлечения крайностями: он советовал, с одной стороны, не приписывать Эльсе человеческих качеств, а с другой — не считать ее поведение только результатом условных рефлексов или деятельности секреторных органов, отказывая ей, таким образом, в интеллекте, разуме и чувствах. Название книги «Рожденная свободной» было также предложено им.
Закончив книгу, я поехала в Англию. У меня был в запасе месяц для того, чтобы подыскать издателя. Однако мои первые попытки оказались безуспешными. Когда время, выделенное мной на выполнение этой задачи, подходило к концу, я вспомнила о переписке с миссис Вильерс из издательства «Харвилл пресс» по поводу книги о племенах Кении, которую я собиралась написать в то время. Она ответила мне тогда, что, по ее мнению, задуманная мною книга скорее подходит университетскому издательству, чем ее фирме. В один из холодных дождливых дней, случайно проходя мимо конторы «Харвилл пресс», я остановилась, позвонила и спросила миссис Вильерс. Напомнив ей о своем намерении написать книгу о племенах Кении, я затем сказала, что рукопись, которую я предлагаю сейчас, совсем иного характера. Мой рассказ, по-видимому, произвел на нее впечатление. Ее заинтересовало также упоминание о большом количестве фотографий Эльсы, и она попросила свою сотрудницу Харари зайти ко мне для ознакомления с ними, так как ее особенно привлекали иллюстрации. К вечеру того же дня они обе посетили меня и проявили большой интерес к моей рукописи, но никакого предложения я не получила. На следующий день я отправилась на встречу с представителем другого издательства, однако Вильерс связалась по телефону с председателем издательства Вильямом Коллинзом, который в это время был за границей. Сразу же после его возвращения Вильерс, Харари и Коллинз приняли меня в своей конторе. Коллинз мельком взглянул на мои фотографии, просмотрел текст и заметил, что о публикации книги он может подумать, только проконсультировавшись с членами своего правления. Я уходила из издательства с убеждением, что пока воз с места не сдвинулся.
Однако издательство вскоре предложило мне контракт и аванс в 1000 фунтов. Я снова обратилась за советом к Элспет Хаксли, и она посоветовала мне принять его.
У Коллинза была блестяще поставлена рекламная служба, и перед днем публикации огромные плакаты, привлекавшие внимание жителей Лондона к книге «Рожденная свободной», и изображения Эльсы в натуральную величину уже были развешаны в книжных магазинах. Коллинз ожидал бойкой распродажи, но успех книги и число проданных экземпляров превзошли все его ожидания. За короткое время эта книга была переведена на двадцать пять языков.
Когда я вернулась в Кению, оказалось, что у Эльсы родилось три львенка. После их рождения она исчезла на шесть недель. Затем вдруг неожиданно показалась около нашего лагеря на противоположной стороне реки, и очень скоро все семейство переплыло к нам.
Один эксперимент, проведенный в США, показал, что щенок собаки первые восемнадцать дней действует, по сути дела, бессознательно: он ест, переваривает пищу и спит; но на девятнадцатый день в нем как будто что-то пробуждается, и с этого момента он осознает, что он — собака и реагирует уже на все соответствующим образом. У других животных такое самосознание появляется по прошествии разных сроков. Наблюдая за Эльсой, мы узнали, что у львов этот период длится шесть недель, так как она не знакомила нас со своими детьми до тех пор, пока они не осознали, что они являются львами.
На протяжении двух последующих лет Эльса была связным между своей семьей и нашей. Львята считали нас друзьями своей матери, но никакой фамильярности в обращении с собой не допускали.
Все это время мы почти не принимали посетителей, чтобы молодые львы могли жить совершенно самостоятельно после нашего отъезда. Продолжительность жизни дикого льва — двенадцать — пятнадцать лет. Но когда Эльсе исполнилось пять лет, а ее львятам по полтора

года, она заболела и через несколько дней умерла. Вскрытие показало, что она была заражена паразитом бабезия, переносимым клещами, и инфекция разрушила красные кровяные тельца. Это был первый случай, когда у льва нашли такую болезнь. Мои отношения с Эльсой не только пополнили знания о поведении и психологии животных, они ввели меня в мир, недоступный пока большинству людей. Со смертью Эльсы что-то умерло и во мне самой.
Другая глава нашей жизни началась, когда пришлось опекать детей Эльсы, еще не способных заботиться о себе самостоятельно. Эта задача была не из легких еще и потому, что львица, ранее занимавшая территорию, на которой теперь жили дети Эльсы, после смерти Эльсы утвердила свои территориальные права и выгнала их оттуда. Мы долго с тревогой разыскивали малышей, а когда нашли, то нам очень трудно было их поймать.

Затем мы отправили львят Эльсы в национальный парк Серенгети в Танганьике [42], где они могли жить на свободе. Историю потомства Эльсы я рассказала в книгах «Живущая свободной» и «Навсегда свободны».

Меня заранее предупредили, что мне придется платить большие взносы за содержание львов. Поэтому я решила использовать все доходы от своих книг для создания бесплатной благотворительной организации в помощь диким животным и их борьбе за свое существование. Проблема создания такой организации через некоторое время стала мировой проблемой, и, если бы не были приняты самые решительные меры, дикие животные могли бы в конце концов подвергнуться полному уничтожению.
История Эльсы произвела на читателей необычайное впечатление. Читая историю об Эльсе, люди, по-видимому, осознавали, какой бы опустошенной была наша жизнь без диких животных и какими чудесными могли бы быть эти животные, если бы мы позволили им быть самими собой, а не вели себя с ними, как с существами некоего низшего порядка, бессловесными и глупыми. Эльса быстро завоевала сердца читателей. Но между тем эксплуатация и уничтожение диких животных продолжались на земном шаре. Надеясь улучшить положение, я в 1969 году выступила в Англии с воззванием от имени Эльсы в защиту диких животных.
Вскоре после опубликованная книги «Навсегда свободны» Коллинз организовал для меня кругосветное путешествие. Я взяла с собой фильм, который мы с Джорджем сняли, когда Эльса жила с нами. Мы снимали его только для собственного удовольствия, и поэтому в нем не было ни трюков, ни надуманного действия. Но он нуждался в профессиональном редактировании. В нем были очень интересные сцены, и теперь, когда я пишу об этом, — почти четверть столетия спустя — фильм все еще демонстрируется в школах и библиотеках.
Мое первое публичное выступление состоялось в Лондоне перед аудиторией в три тысячи человек. Накануне вечером я так боялась этого выступления, что была просто больна. Хотя я с детства говорила по-английски, у меня был австрийский акцент, да и моего запаса английских слов было недостаточно. Тогда я стала брать уроки с целью улучшить свой английский язык и попытаться говорить медленнее, ибо, когда я говорила, мои мысли всегда опережали слова.
Аудитория, перед которой я выступала, была очень разнородной. Один день, проведенный мною в Лондоне, может служить убедительным тому примером. Утром я читала лекцию бизнесменам и была уверена, что интерес к торговле заслоняет от них все остальное, но, как только я услышала их вопросы ко мне и комментарии, я поняла, что ошибалась. Они проявили живой интерес к естественной истории. Во время ленча я читала лекцию женщинам-заключенным в тюрьме Холлоуэй. Было столько народу, что пришлось проводить ее в часовне, в самом большом помещении тюрьмы, и говорить с кафедры проповедника. Перед началом лекции в аудитории раздавались свистки, но, когда лекция началась, воцарилось молчание, которое уже не прерывалось до ее окончания. Затем началось настоящее столпотворение. Непрерывно крича «Эльса», «Эльса», женщины шарили в карманах, доставая те немногие гроши, что им разрешалось тратить на сигареты и сладости. От их пожертвований в Фонд Эльсы у меня горели руки; я понимала, что те, кто их жертвовал, лишали себя немногих дозволенных им радостей, чтобы помочь находящимся под угрозой уничтожения животным.
Когда позднее я посетила мужские тюрьмы, реакция была такой же. Все это убедило меня в том, что у большинства заключенных, которых было подчас трудно, если не невозможно, вызвать на откровенность в присутствии посторонних, в глубине души таится любовь к природе

и к миру животных. Меня не раз удивляло, почему многие из нас так замкнуто держат себя с другими людьми, тогда как в присутствии животных они становятся самими собой. Не дают ли животные нам, людям, ощущение гармонии, которое мы редко испытываем, общаясь друг с другом?
Позднее в этот же день я отправилась в Кенсингтонский дворец, чтобы показать свой фильм герцогине Кентской. Она проявляла глубокий интерес к Эльсе и к природе Кении. Я получила бы от этого вечера больше удовольствия, если бы не заметила, что китайский мопс обнаружил мои длинные перчатки, в которых я прибыла на прием в соответствии с этикетом, и изгрыз их на мельчайшие лоскутки.
После цикла лекций в Англии я объехала многие страны мира. В Южной Африке меня доставили на самолете в национальный парк Крюгер, где я провела два дня. Мне сразу же стало ясно, что самая важная проблема парка — ограничение все возрастающего числа посетителей. Естественно, что животных, напуганных непрекращающимся потоком машин по пыльным дорогам, становилось все труднее увидеть. Чтобы утешить туристов, для них были организованы, в качестве компенсации, футбол и другие развлечения.

> За время нашей поездки по парку мы заметили около пятидесяти машин, стоявших в одном месте. Мы тоже остановились рядом с ними, не рассчитывая, конечно, увидеть каких-нибудь животных. Вдруг, к нашему удивлению, появились два льва — старый и молодой, — и, побродив между машинами, они сочли, что лучше всего разрешить вопрос старшинства в прайде
> [43]
> около нашей машины.

Они прыгнули друг на друга, и каждый начал рвать гриву соперника, щелкая зубами и ударяя лапами; нам даже показалось, что мы слышим, как трещат их кости, — и все это на расстоянии нескольких метров от машины. Тяжело дыша и громко рыча, оба льва катались по земле до тех пор, пока старый лев не выдохся и не перевернулся вверх животом в знак того, что он сдается. Борьба немедленно прекратилась, старый лев, сильно хромая, отправился в заросли, а молодой зализывая свои раны, удалился в противоположном направлении. Фоторепортер, прикомандированный ко мне, сделал много снимков этого поединка, который как уверяла нас дирекция парка, наблюдался здесь впервые.
В Порт-Элизабет я побывала на научной станции, — специализировавшейся на изучении змей и выработке сыворотки, которой мы пользовались против укусов змей в Кении. Затем меня пригласили посмотреть дельфинов в аквариуме. Мне интересно было узнать, что у них, так же как у львов и у слонов, есть «тетушки», выполняющие роль нянек, а также приемные матери, готовые взять под свою опеку малышей, если те потеряют свою родную мать. Одна очаровательная самка дельфина по просьбе своего тренера проделала сложные акробатические трюки. Было видно, что они очень любят друг друга. Тренер стал убеждать дельфина, чтобы тот позволил мне погладить себя. Чтобы сделать приятное своему другу, дельфин наконец уступил и подплыл ко мне, но только я прикоснулась к его бархатной голове, как он тут же исчез, мгновенно оказавшись в другом конце бассейна.
Покинув Южную Африку, я полетела в Дели, Таиланд и Сингапур, а затем в Австралию.
В Австралии я выступила с лекциями в Перте, Аделаиде, Мельбурне, Сиднее и Брисбене. Кроме нескольких маленьких парков вблизи городов, в Австралии в то время еще не было заповедников в районах, тяготеющих к побережью, где быстрое развитие страны привело к тому, что дикие животные были лишены их естественных мест обитания. Если же они пытались вернуться обратно, их бесконтрольно убивали. Меня очень расстроили условия, которые существовали в большинстве зоопарков Австралии. Помещения были неподходящими. Животные, ведущие стадный или стайный образ жизни, содержались отдельно друг от друга, животные, ведущие одиночный образ жизни, — вместе. Было ясно, что поведение животных в естественных условиях здесь не изучается. Я умоляла генерал-губернатора Канберры создать национальные парки, куда уникальные австралийские сумчатые животные, несомненно, привлекут многих посетителей.
В Мельбурне я остановилась у своих друзей. Они решили показать мне лирохвостов и повезли на лесистую гору, где жили эти птицы. Тридцать километров мы ехали на машине под

проливным дождем, пока не оказались в лесу, где с листьев стекали струйки воды. Вскоре мы услышали неповторимый голос этой редкой птицы и пошли по направлению доносящихся звуков; здесь мы увидели лирохвоста, демонстрирующего свое изысканное хвостовое оперение. Сначала он делал три шага вправо, затем заливался песней, и снова делал три шага, но уже влево. Так он повторил это представление несколько раз. Сначала лирохвост стоял к нам спиной, потом повернулся и продолжил свой танец и свои вокальные упражнения. Нам просто повезло, так как увидеть лирохвоста очень трудно, и лишь немногим предоставляется такая возможность.

В Брисбене я впервые увидела утконоса. Он жил в небольшом ручье, который пришлось огородить, потому что шпоры на задних ногах самца утконоса во время брачного сезона содержат смертельный яд, и если животное испугать, то оно может быть опасным для посетителей. Нам продемонстрировали реакцию утконоса, приблизив к нему швабру. Утконос мгновенно набросился на «нарушителя» его территории с такой яростью, как будто атаковал своего смертельного врага.

Мое путешествие в Австралию было до предела заполнено делами и очень меня утомило. Кончилось все это тем, что в Новую Зеландию я отправилась на носилках.

Когда я прибыла в Оклендский аэропорт, меня ожидала пресс-конференция и доктор, которого представитель Коллинза в Новой Зеландии попросил проконсультировать меня. Доктор настоял на том, чтобы я отменила публичные выступления и отдохнула.

В Новой Зеландии у меня появилась возможность оценить ее живописнейшие пейзажи. Один из местных управляющих Коллинза повез меня на машине в малозаселенный район на крайнем севере страны, где я не должна была читать никакие лекции. Я оказалась в сказочном мире фантастической красоты и покоя и провела восхитительную неделю, нежась на солнце. За это время я полностью отдохнула и была способна снова вернуться к активной жизни.

Покупая бензин в небольшой деревушке, где был один универсальный магазин, я была тронута, когда его хозяин достал экземпляр моей книги «Рожденная свободной» и попросил меня поставить на ней свой автограф.

Моя первая лекция должна была состояться в южной части острова Южный. Мы летели туда на маленьком самолете сквозь снежную бурю. Нас так бросало из стороны в сторону, что впервые в жизни мне во время полета стало плохо. Пилоту пришлось сделать вынужденную посадку, и я опоздала на лекцию в Инверкаргилле на несколько часов. Я встретила очень холодный прием, но, после того как аудитория узнала, что я прибыла сюда почти что чудом, меня горячо приветствовали.

В Крайстчерче я получила приглашение провести уик-энд в колледже для лыжников, высоко в горах.

Я посетила также Хермитидж — знаменитый курорт острова Южный. Позднее я летала на самолете на ледник горы Кук; там можно было увидеть места, где Эдмунд Хиллари тренировался перед штурмом Эвереста.

Мне сказали, что новозеландцы чрезвычайно интересуются дикими животными, и я спрашивала себя, не в том ли частично кроется причина их интереса, что в Новой Зеландии нет местных животных, если не считать киви и других нелетающих птиц и туатару — доисторическую ящерицу, предки которой жили на Земле примерно четыреста миллионов лет назад.

Австрийский император Франц-Иосиф в свое время отправил на остров Южный оленей и серн, но не учел, что с ними вместе нужно было отправить и хищников; в результате привезенные животные настолько расплодились, что стали настоящим бедствием, и теперь за их уничтожение выплачивают поощрительную премию. Однако молодые люди, любящие нажимать на курки, с удовольствием подстреливают зверя, но, ранив его, дальше не преследуют. И поэтому Обществу по борьбе с жестоким обращением с животными пришлось вмешаться. Это вмешательство оказалось необходимым также по отношению к людям, которые запирали своих овчарок в маленьких загонах на границе овцеводческих ферм и оставляли их на много дней без пищи и воды. Находясь в Новой Зеландии, я говорила об этих жестокостях, и меня сделали почетным членом упомянутого общества. Мои беседы в Новой Зеландии нашли теплый отклик, и я с удовольствием читала здесь лекции.

На пути в США я провела канун рождества на острове Фиджи. Это очаровательный остров, воздух на нем насыщен ароматом цветов, а в тот вечер он конкурировал с ароматом

изысканных местных блюд, томящихся в глиняных горшках, вокруг которых люди танцевали в красочных костюмах на фоне сверкающих пальмовых листьев и освещенного луной океана.

При полете в Гонолулу я пересекла границу дат
[44]
и снова попала на рождественский праздник, правда справлявшийся уже совсем по-иному. Этот уголок был битком набит туристами, и было невозможно найти не только место на пляже, но даже и за столом в моем отеле. Походив несколько часов, я завершила свою прогулку в молочном баре, где вместо рождественского обеда съела мороженое.

В Гонолулу я посетила зоопарк и установила дружеские отношения с его директором. Зоопарк был интересен тем, что в нем были собраны вместе животные, которые в естественных условиях живут в сходных местах обитания и пользуются одним и тем же водоемом. В тот день, когда мне предстояло лететь в Сан-Франциско, директор привез меня на смотровую площадку, откуда я могла сфотографировать гейзеры в океане. Я взяла с собой в эту поездку сумочку и фотоаппарат. Чтобы увидеть получше, мы вышли из машины и прошли метров тридцать по направлению к океану. Я услыхала, как другая машина приблизилась, задержалась на минуту возле нашей и затем отъехала, но я была так занята фотографированием, что не обратила на это никакого внимания. Когда я вернулась, чтобы сменить пленку, то обнаружила, что моя сумочка исчезла, а вместе с ней и мой паспорт, денежный аккредитив, билеты на самолет, страховой полис, мои дневники и рекомендательные письма, а также рукопись новой книги, над которой я работала во время своих полетов. Мы немедленно оповестили об этом полицию, но нам сказали, что я, несомненно, стала жертвой шайки воров. Несмотря на все усилия, приложенные полицией, воров не удалось обнаружить. Директор зоопарка оказал мне любезность, одолжив деньги, и раздобыл место на самолет.

Между тем, когда агентству, организовывавшему мои лекции в США, стало известно, что я читаю их уже шесть месяцев, мне утроили сумму страховой премии. Получив приготовленное для меня расписание, я поняла, почему представители агентства думали, что я могу заболеть. Мне предстояло не только читать три лекции ежедневно на протяжении следующих шести месяцев, но к тому же проводить интервью за завтраком, обедом и ужином, участвовать в передачах по радио и телевидению и в определенное время раздавать автографы. Тем не менее, как только стало ясно, насколько популярна Эльса, каждый мой свободный час был заполнен дополнительными лекциями, невзирая на связанные с этим длительные полеты. Таким образом, утром я оказывалась в одной из аудиторий штата Мэн, за завтраком в штате Северная Каролина, а вечером проводила беседу в городе Чикаго.

К тому времени у меня бессознательно выработалась строгая манера держаться во время лекций, движение рук ограничилось до минимума. Это была инстинктивная защитная реакция, помогавшая мне не терять самообладания в тех случаях, когда мне задавали неприятные вопросы об Эльсе. Ее смерть произвела на меня неизгладимое впечатление, и мне никак по-настоящему не удавалось прийти в себя, напротив, мой образ жизни вынуждал меня все время говорить о ней и три раза в день показывать ее на экране. Чем больше эмоций я испытывала во время лекций, тем неподвижнее стояла, скованная как статуя, опасаясь, что малейшее движение ослабит мой контроль над собой. Я советовалась с психиатрами, стараясь выдержать это напряжение, так как у меня не было другого выбора. Как ни пыталась я изменять содержание лекции, мне постоянно приходилось повторять все те же истории, и иногда мне казалось, что я схожу с ума.

В результате предложенного мне распорядка я почувствовала себя настолько вымотанной, что, идя на лекцию, не знала, как я ее начну и как закончу. Но стоило мне очутиться перед аудиторией, и мне начинало казаться, что какая-то посторонняя сила диктует мне мою речь. Я как бы слушала себя со стороны, чужая и отрешенная от существа вопроса. Мне представлялось даже, что я лишь являюсь медиумом для передачи данного мне Эльсой поручения.

Бешено несясь с Пятой авеню на Третью и пытаясь увидеть небо из бетонного ущелья нью-йоркских небоскребов, почти оглохшая от шума транспорта, я думала о Кении, о ее широких необитаемых просторах, о ее спокойствии, о разнообразных и великолепных животных, которые в это время направлялись к знакомым водопоям, и жаждала вернуться в эту мирную жизнь.

Наконец я вновь прибыла в Кению, чтобы помочь при съемках фильма «Рожденная свободной». В нарушение существовавшей традиции меня попросили, несмотря на то что я была автором сценария, жить на месте съемок и взять на себя ответственность за хорошее обращение с участвующими в них животными. В мои обязанности входило также давать интервью различным обществам защиты животных, представители которых нас посещали, и писать статьи о фильме.

Киногруппу поместили на ферме близ города Наньюки у подножия горы Кения. На ферме были построены для съемочной группы в шестьдесят человек обширные спальные помещения, мы пользовались ими лишь для сна и общественной деятельности. Для дрессировщиков, которые присматривали за двадцатью четырьмя львами, слонами и другими животными, были поставлены палатки. Чтобы разместить около ста человек обслуживающего персонала, рядом была построена небольшая деревня.

Фирма взяла напрокат двух цирковых львов для исполнения роли Эльсы и наняла их дрессировщиков, но, когда Вирджиния Мак-Кеина и Билл Траверсы, которые согласились играть главные роли в фильме, попытались работать с этими раскормленными кошками, у них ничего не получилось. Дрессировщикам приходилось контролировать каждое движение — животных, и было очевидно, что передать той нежной привязанности, которая существовала между Эльсой и нами, не удастся. Траверсы настаивали, чтобы им дали возможность в течение двух месяцев до начала съемок завязать дружбу с парой львят-подростков, Боем и Гёрл, поскольку только при этом условии они могли бы установить с ними отношения, похожие на те, что установились у нас с Эльсой. Продюсер дал на это свое согласие. Под руководством Джорджа они все вместе играли в футбол на соседних площадках, гонялись за воздушными шариками, лазали на деревья, участвовали в совместных пикниках и прекрасно проводили время до тех пор, пока львята не подружились с актерами и не стали настолько общительны, насколько это было необходимо для исполнения роли Эльсы.

Во время одной из этих шумных игр Джордж устал и лег ничком на траву. Гёрл заметила его и стала подкрадываться совсем по-кошачьи. Она подползла, почти касаясь животом земли, и наконец бросилась вперед, чтобы вцепиться ему в шею. Мы с ужасом наблюдали эту сцену — все произошло слишком быстро, для того чтобы кто-нибудь из нас мог вмешаться. Нетрудно себе представить, какое облегчение мы испытали, когда, прикоснувшись мордой к шее Джорджа, молодая львица спокойно села, ожидая, чтобы Джордж поднялся и погладил ее. (Видимо, она не могла подавить в себе естественного инстинкта, но когда собралась напасть, то, вероятно, вспомнила, что перед ней друг, которому она не должна причинять вреда.) Эта игра Джорджа и Гёрл в охоту повторялась каждый день. Таким образом, если по сценарию львица должна была идти в точно определенном направлении, а ничто не могло побудить ее к этому, единственное, что мы могли сделать, — использовать Джорджа как приманку, скрытую от камер.

Очень сложную сцену борьбы между Эльсой и ее соперницей удалось снять, используя территориальный инстинкт львов, которые безжалостно преследуют и изгоняют каждого, кто осмелится нарушить их территорию. Чтобы подготовить необходимые для этой сцены условия, большой участок был обнесен забором. На этом участке находились обе львицы, но их надежно отделили друг от друга так, чтобы они не могли встречаться. Кормили их в разное время на скалистой вершине холма — одну утром, другую перед вечером. Как только обе львицы признали эту территорию своей, им дали еду одновременно. Они сразу же бросились друг на друга и покатились по земле в схватке, кусая и царапая друг друга. Такую схватку никогда нельзя было бы воспроизвести специально. Чтобы помешать им нанести друг другу серьезные повреждения, пожарная команда из Наньюки заранее установила четыре больших бака с водой и была готова пустить их в ход, чтобы разнять львиц. К счастью, в этом не было необходимости. Как только львицы устали, схватка тотчас же прекратилась, и их можно было безопасно развести по отведенным им участкам.

Эта сцена заслуживала того, чтобы фильму «Рожденная свободной» присудили «Оскара», но, так как новые приемы обращения с опасными зверями во время съемок фильма были судьям незнакомы, фильм «Рожденная свободной» наградили «Оскаром» только за музыку. Однако он получил мировое признание и пользовался огромным успехом.

Мой гепард и дом в Наиваша

Во время съемок фильма «Рожденная свободной», когда я жила на территории киногруппы, один из офицеров предложил мне взять молодую самку гепарда, нуждавшуюся в уходе. За полгода до этого он нашел детеныша гепарда, очевидно брошенного матерью, и, вырастил его для забавы своих детей. Теперь его переводили в Европу, и он не хотел брать малыша-гепарда в страну с непривычным холодным климатом. Так Пиппа (имя гепарда) вошла в мою жизнь.
Мы отгородили для нее проволокой большой участок, откуда она могла меня видеть; я брала ее с собой на прогулки на поводке и играла с ней все свободное время. Проходя с Пиппой мимо вольеров, где помещались львы, мне приходилось внимательно следить за ней, чтобы она не пугалась, ибо львы и гепарды — естественные враги. Когда мы оказывались от львов на порядочном расстоянии, я часто позволяла ей бегать по соседним лужайкам и охотиться за птицами и антилопами. Ее охотничий инстинкт еще не развился, и она не приносила вреда ни одному из живых существ, но такие игры способствовали развитию этого инстинкта. У кошек охотничий инстинкт развивается удивительно поздно. Эльсе было семнадцать месяцев, когда она впервые сумела убить свою добычу, но, только когда ей исполнилось двадцать два, она уже делала это с большим успехом. Гепарды начинают убивать дичь в возрасте четырнадцати месяцев, но остаются зависимыми от матери еще три или четыре месяца. Только по прошествии этого времени они могут сами добывать себе пищу.
С другой стороны, все кошки с самого момента их появления на свет умеют преследовать добычу и, подкрадываясь, знают, как нужно пользоваться направлением ветра. Некоторое время спустя я переселилась с Пиппой в заповедник Меру с единственной целью возвратить превращенное в забаву животное в естественное окружение, к естественному для него образу жизни. Тогда я и представить себе не могла, что Пиппа познакомит меня с новым удивительным миром; львы — животные, живущие вместе, и как таковых их легко понять, но гепарды живут в одиночку, и потому они загадочны для нас. Их лучшая защита не хорошо известная всем способность быстро бегать, а умение скрываться. Эльса и Пиппа заполняли мою жизнь на протяжении десяти лет, но они были настолько различны, что больше походили на друзей, дополнявших друг друга, чем на соперников. В то время как наш лагерь был для Эльсы родным домом и она привела к нам своих детей, чтобы познакомить с нами, Пиппа предпочитала оставаться на расстоянии нескольких километров от нашего дома, и, если мы хотели жить одной жизнью с нею, нам самим приходилось навещать ее. Я с радостью убедилась в том, что годы, проведенные ею среди людей, когда она была их баловнем, не ослабили ее врожденных инстинктов. Как только Пиппа возмужала, она стала искать себе самца, мы его, правда, никогда не видели, но замечали оставленные им следы.
Первых детей Пиппы постигла трагическая судьба: они были убиты львами. Вскоре она произвела на свет еще одно потомство. С этими детенышами я имела возможность общаться, пока они не достигли возраста семнадцати с половиной месяцев и не стали самостоятельными. К этому времени Пиппа уже порвала свою связь с ними и произвела на свет третье потомство, которое в возрасте всего тринадцати дней было истреблено гиеной. Четвертое потомство мы, можно сказать, выращивали с ней вместе до возраста четырнадцати месяцев. И тут Пиппа во время схватки сломала себе плечо. Ветеринары сделали все возможное, чтобы спасти ее, я пробыла с ней в ветеринарной больнице в Найроби восемнадцать дней, но, увы, она погибла от сердечной недостаточности. Мы похоронили ее вблизи нашего лагеря и сразу же начали разыскивать ее детей, на что нам потребовался целый месяц. Они были в прекрасном состоянии. Видимо, молодым гепардам удавалось добывать достаточно дичи, чтобы продержаться на ногах, хотя они с удовольствием принимали пищу от нас последующие три месяца. Когда дети Пиппы достигли половой зрелости и начали проявлять большой интерес к противоположному полу, мне с помощью фотоаппарата удалось заснять их любовные игры, которые до этого времена никому в мире, кажется, не удалось наблюдать. В 1971 году, к моему великому сожалению, мне пришлось покинуть заповедник Меру, поскольку мое соглашение с дирекцией парка по исследованию гепардов истекло. Я изложила историю Пиппы в двух книгах: «Пятнистый сфинкс» и «Пиппа бросает вызов». В них описаны повадки гепардов, обсуждаются причины их вырождения в естественных условиях и причины редких случаев их размножения в зоопарках. Я рассказала также в книге, как у гепардов и львов происходит

регулирование размножения. Самки не подпускают к себе самцов, пока выхаживают своих детенышей, а это требует от них непрерывного труда — у гепардов на протяжении семнадцати с половиной месяцев и двадцати месяцев у львов. В то же время, когда Пиппа потеряла свое первое и третье потомство, она сейчас же стала искать самца.
Наблюдая семьи Эльсы и Пиппы, я поняла, что члены этих семей общаются друг с другом на больших расстояниях и могут предчувствовать наши намерения, даже находясь далеко от нас.
Джордж в 1961 году ушел из Департамента охоты и решил перевоспитать Боя, Гёрл и Угаса — трех львят, принимавших участие в фильме «Рожденная свободной». Его лагерь находился в двадцати километрах от моего, так как мы не могли расположить их ближе друг к другу из-за вражды между львами. Джорджа и моими гепардами.
Успешно вернув в естественные условия обитания Эльсу и Пиппу и увидев, как они успешно продолжают свой род, я хотела повторить такой же эксперимент с леопардами, которые пользуются славой самых опасных и самых умных из африканских животных. Леопарды — ночные, ловкие и неуловимые животные, — несомненно, трудны для изучения, но я не могла устоять против искушения сделать такую попытку. Поэтому, когда директор национальных парков Кении предложил мне двух маленьких леопардов, я тотчас же отправилась за ними в Найроби. Хорошо, что помощник Джорджа Тони Баксендейл через час последовал за мной.
Поднимаясь вверх по склону, круто обрывающемуся к реке, я миновала поворот и вдруг увидела двух африканцев: взявшись за руки, они шли по самой середине дороги. Я сигналила им, но они не обратили на это никакого внимания, и в конце концов мне пришлось объезжать их. В этот момент тормоза отказали, лендровер занесло, он с силой ударился о дорожный столб и покатился вниз по крутому откосу.
Очнулась я на осколках стекла, машина лежала на середине откоса, а африканец, который ехал со мной, сидел рядом, держась за голову. Судя по положению машины, она, должно быть, летела кувырком вниз по склону. К нашему счастью, ее остановили кусты, не дав ей скатиться в реку. К моему великому облегчению, у африканца была только слегка порезана голова. Я же была покрыта большими синяками, а когда посмотрела на свою правую руку, то увидела сплошное месиво из крови и земли.
Я едва сдерживалась от боли, карабкаясь вверх по склону назад к дороге, и, дойдя до нее, потеряла сознание. Через некоторое время подъехал грузовик с африканцами. Среди пассажиров был местный вождь; он залил мою руку йодом, но я не почувствовала боли и поняла, что ранение очень серьезное. Потом мне помогли забраться в грузовик, но еще до того, как мы отправились в ближайшую амбулаторию, Тони Баксендейл догнал нас. Он помог мне пересесть в свою машину и попросил вождя побыть у места происшествия до появления полиции, которой предстояло расследовать этот инцидент.
Затем мы проехали сто тридцать километров до ближайшей больницы в Эмбу. Дорога была в выбоинах, машина все время подскакивала на ухабах, и боль от ран была невыносимой, к тому же я потеряла много крови. В больнице мне продезинфицировали и перевязали раны и снабдили обезболивающими средствами. Затем мы поехали в больницу в Найроби. Мы прибыли туда около полуночи, и мой друг хирург Джеральд Невилл немедленно оперировал меня, хотя в тот момент он мог только пересадить кожу с ноги на тыльную сторону руки. Мне сказали, что нужно ждать шесть месяцев, прежде чем можно будет начать приводить в порядок сухожилия и кости. У меня всегда была плохо развита левая рука, и потерять правую — мое главное орудие, — а с ней вместе в известной степени и свою независимость было ужасно. Вскоре до моего сознания дошло, что, если моя рука не будет полностью восстановлена, я никогда уже не смогу играть на пианино и рисовать в той манере, какую я люблю. Конечно, я очень огорчилась еще и потому, что мне пришлось отказаться от своего плана воспитания леопардов, во всяком случае в данный момент. Еще находясь в больнице, я научилась печатать левой рукой. Спустя шесть месяцев я полетела в Лондон, чтобы подвергнуться серьезной операции, которая, как я надеялась, сможет вернуть трудоспособность моей правой руке. Но хотя на протяжении ближайших лет было сделано еще пять операций, мне в конце концов пришлось примириться с мыслью о том, что я смогу пользоваться только большим пальцем и в ограниченных пределах указательным. Во время одной из операций медицинская сестра сказала мне, что в Лондоне в это время организована выставка, на которой демонстрируются мои рисунки с изображением представителей африканских племен. Как только мне разрешили выходить из больницы, я отправилась туда инкогнито и увидела, что на выставке очень много посетителей; их, очевидно,

интересовали как оригинальные рисунки, так и репродукции, выполненные в натуральную величину. Затем я узнала от организатора этой экспозиции, что он получил разрешение от доверенных лиц музея в Найроби, которому к этому времени принадлежала моя коллекция рисунков, репродуцировать пятьдесят шесть портретов и продавать их во всех странах мира. Я была потрясена. Мне потребовалось больше шести лет, чтобы написать свыше 700 портретов, и за это я получила компенсацию, едва покрывавшую связанные с этим расходы. Теперь же, если бы я захотела включить в свою книгу несколько своих рисунков, я должна была платить кому-то за право пользования ими, а демонстрируемые здесь репродукции моих рисунков покупать так же, как покупают их остальные посетители. Единственное удовлетворение я получила от осознания того, что мои рисунки, по-видимому, пользуются популярностью. Доказательством этому послужило приглашение на чай, полученное мною от губернатора за несколько дней до празднования дня независимости; на празднике должны были присутствовать он сам и Джомо Кениата. Я не поверила своим глазам, когда увидела написанные мною портреты представителей разных племен, развешанные на стенах. Они были красиво оформлены и вставлены в рамы. Губернатор, который интересовался моими работами и давал мне ценные советы, когда я писала книгу «Народы Кении», подчеркнул важность этой коллекции. Для дома Правительства, который теперь должен был называться домом Государства, было отобрано триста лучших картин.

Уже не один год я присматривала дом, где мы с Джорджем могли бы поселиться, когда оба станем слишком стары для походной жизни. В конце концов я нашла такое место, которое, казалось, соответствовало всем нашим желаниям. Наше будущее владение находилось в провинции Рифт-Валли на озере Наиваша, в часе езды от национального парка Лейк-Накуру. К северу от озера Накуру раскинулся Национальный парк Абердэре, где горный массив Абердэре возвышается на 3000 метров над маленьким городком с тем же названием.
В лесу, растущем на большей части этого горного хребта, деревья покрыты лишайником; здесь живут неуловимые антилопы бонго, а на кочковатых заболоченных лугах пасутся буйволы и другие антилопы, водопады, окаймленные дельфиниумами — красными, пылающими, как огонь, лаконосами — и бессмертниками, с грохотом низвергаются на тысячи метров вниз, в узкие долины.

Невозможно представить себе более заманчивого места для устройства дома, и я была счастлива, что имела возможность купить здесь участок в двадцать гектаров у самой воды. На нем рос даже небольшой лес из местной акации
(Acaca xantaphloea),
известной обычно под названием «лихорадочное дерево». Это название появилось еще в незапамятные времена, когда красивые желтокорые деревья ассоциировались с районами, зараженными малярией. К счастью, в прилегающих к озеру районах малярии нет, так как оно находится на высоте 2075 метров и климат там идеальный.

Мы решили назвать свой дом «Эльсамер». Кению иногда характеризуют как холодную страну с горячим солнцем; это особенно верно, когда речь идет о Наиваша, где я часто, находясь на открытой веранде, надеваю джемпер, а прежде чем выйти на лужайку, меняю его на купальный костюм.
Окружающий нас район постепенно становится одним из самых популярных мест, куда люди, живущие в Найроби, приезжают посмотреть на птиц, ловить рыбу или кататься на водных лыжах, но наш участок скрыт как от соседних участков, так и от дороги, соединяющей фермы, расположенные вокруг озера площадью в сто квадратных километров.

Наше владение находится у конца потока обсидиановой лавы, вытекавшего из вулканического района страны; лавовый поток образует хребет, крутой склон которого вдается в озеро, тем самым оберегая дом от затопления во время частых подъемов уровня воды! Другое преимущество этого участка — большая глубина озера около мыса, что освобождает здесь берег от широкой полосы папируса, опоясывающего почти все озеро. Отсутствие папируса позволяет нам ловить с берега тилапию
(Tilapia nilotica)

и ушастого черного окуня; эти рыбы были завезены сюда и пущены в озеро и теперь служат прекрасным источником питания.

Папирусный пояс — место жительства бесчисленных птиц и укрытие для бегемотов, которые проводят там весь день, появляясь только после наступления темноты, чтобы попастись на суше. У бегемотов вошло в привычку посещать нашу лужайку, которая в скором времени стала походить на поле сражения. Когда они приближались к дому, то не давали нам спать своим ритмичным чавканьем и шумом. Иногда пыталась прогнать их криками или ярким лучом электрического фонаря, направляя свет прямо им в глаза. Но они вскоре привыкли к моим безобидным эксцентричным выходкам и продолжали чавкать. В их распоряжении был целый лес, в котором они могли пастись, и я считала себя вправе выгнать их с нашей территории. Я расспросила, как это лучше сделать, мне посоветовали преградить им путь длинными бревнами, укрепив их над землей на высоте, превышающей 30 сантиметров, так как бегемоты не могут сгибать ноги выше этого уровня и не сумеют перешагнуть через бревна. Мы так и сделали: загородили бревнами сторону участка, выходящую на озеро, и бегемоты оставили нас в покое.
Площадь, прилегающая к озеру, — идеальные сельскохозяйственные угодья с плодородной почвой вулканического происхождения, превосходным климатом и неограниченными возможностями орошения. Здесь можно получать прекрасные урожаи, если не считать нашего участка территории, где из-за застывшего потока обсидиана верхний слой почвы слишком тонкий.
Вскоре я обнаружила, что в грунте здесь попадаются доисторические орудия труда. Меня всегда интересовала археология, и я была очень взволнована, узнав, что наш новый дом стоит на месте, где когда-то жил доисторический человек.
Все близлежащие озера представляют собой единую цепь озер рифтовой долины; вода в них солоноватая, за исключением озер Баринго и Наиваша, питаемых водой рек. Первоначально на месте этих озер было обширное море, и в процессе постепенного отступания оно оставляло следы меняющихся уровней воды в виде слоистых отложений, которые теперь при раскопках называют «диотермитами».
Совсем рядом с Эльсамером находятся знаменитые «Чертовы ворота» — ущелье в четырнадцать с лишним километров длиной, которое, как полагают, является местом стока упомянутого доисторического моря. Теперь обрамляющие его грандиозные утесы стали пристанищем большого числа интересных птиц, включая такой редкий вид, как бородач. Для наблюдения за ним сюда съезжаются орнитологи всего мира.

Еще около двадцати лет тому назад озеро Наиваша было окружено большим естественным лесом. Густой подлесок из ползучих растений, покрывающих стволы лиственных деревьев или в изобилии свешивающихся с деревьев, периодически привлекал сюда мириады поденок
[45]
. Они сильно досаждали жителям и подлесок вокруг озера был уничтожен. В результате количество поденок было сведено до минимума, но то же самое случилось и с дикими животными, пользовавшимися этим зеленым поясом как укрытием и источником пищи. Мы сохранили нетронутым принадлежавший нам небольшой участок леса, и он стал одним из последних убежищ для диких животных. Их везде подстерегают пули или ловушки, а когда они из далекой безводной местности направляются сюда на водопой, их часто сбивают на дорогах машины. Животные вскоре обнаружили, что в Эльсамере нет ловушек, что здесь можно, не опасаясь за свою жизнь, подойти к озеру, да к тому же в лесу можно найти пищу и укрытие, и начали приходить к нам.

Сначала я заметила антилоп и иногда ночью слышала резкий, напоминающий лай голос бушбока, но вскоре эти пугливые создания вышли на открытое место, и я рано утром могла видеть, как они пощипывают траву, а во время завтрака мне часто «составлял компанию» болотный козел.

Теперь, когда я прожила в Эльсамере несколько лет, я подружилась с такими созданиями, как выдры, дикая кошка, сервал, водяной козел, циветта

[46]

, генета, капский долгоног, длиннохвостый мангуст, водяной мангуст, медоед, болотный козел, бушбок, дукеры и дикдики. Более крупные животные — зебры, львы, канны, буйволы и жирафы — обычно держатся поближе к холмам, отваживаясь выходить к озеру на водопой из убежищ только с наступлением темноты.

Когда мы купили этот участок, на нем стоял маленький каменный дом. Мы сломали перегородки, сделали еще несколько комнат, заменили крошечные окна большими и поставили широкие скользящие стеклянные двери, чтобы можно было любоваться озером.
Я сохранила свое пианино, на котором играла до тех пор, пока владела обеими руками, а пространство, не занятое большими окнами и скользящими стеклянными дверями, мы заполнили шкафами с книгами.
Мое пристрастие к просторным комнатам оказалось очень полезным, поскольку меня часто посещают группы туристов в двадцать-тридцать человек. Пожалуй, самая главная «комната» — это вольер около дома, построенный для детеныша леопарда, которого намеревалась воспитать. К сожалению, он погиб, но огороженный участок оказался необходимым позднее, когда я выхаживала больных животных.
Помещение, принадлежащее Джорджу, состоит из спальни, гардеробной, ванной, маленького кабинета и открытой веранды с одной стороны дома. Мои апартаменты — спальня, она же рабочая комната, и ванная — в другой половине дома, но я чаще всего использую в качестве кабинета открытую веранду днем и работаю внутри дома с наступлением темноты.
За домом есть пристройка, состоящая из гаража и трех комнат. Одна из них предназначена для гостей, в другой помещаются палатки, дорожные вещи и снаряжение, необходимые для путешествий, а третья — рабочая комната Джорджа, который любит заниматься плотницкими работами и починкой механизмов.
Когда Джордж привез своего опасно больного льва Боя, чтобы ветеринар мог лечить его в течение восьми месяцев, он построил себе недалеко от дома бунгало. Это позволило ему быть и днем и ночью рядом с Боем, присматривать за ним и оказывать всяческую поддержку. После того, как пациент поправился, Джордж переправил его в свой лагерь на реке Тана, до которого шестьсот с лишним километров. Поэтому мы не можем часто видеться с Джорджем.
Я думала поселиться с Эльсамере только тогда, когда мы с Джорджем станем слишком стары для жизни в походных условиях, но после происшедшего со мной несчастного случая выяснилось, что моя покалеченная правая рука нуждается в длительном лечении, и Эльсамер стал моим домом на несколько лет. В это время я не могла целиком посвятить себя изучению леопардов, требовавшему многолетних непрерывных трудов. Но я все же совершала небольшие путешествия между операциями. Это было необходимо для расширения различных Фондов Эльсы в защиту диких животных, которые теперь завоевали всемирное признание. С тех пор как я стала инициатором создания Фонда Эльсы в Англии, я успела осознать, как важно участие Эльсы во всемирном движении за сохранение диких животных, особенно в США.
Подбодренная взносами, полученными от школьников, которые собрали средства в Фонд Эльсы, организуя вещевые лотереи, ярмарку сластей и другие мероприятия по сбору денег, я стала убеждать доверенных лиц Фонда Эльсы в Лондоне развернуть аналогичную кампанию в США, так как полагала, что гонорары, которые финансировали организацию Фонда Эльсы в Англии, не могут гарантировать необходимых средств на вечные времена и что необходимо продолжить нашу работу и в США. Поэтому мы создали совет доверенных лиц в Калифорнии, имея в виду основание бездоходной организации Фонда Эльсы в защиту диких животных. На это потребовалось целых четыре года.
А школьники тем временем провели денежные сборы в пользу Эльсы и открыли первый клуб Эльсы в штате Миссури. У инициаторов появились последователи. Чтобы облегчить клубам распространение информации и пополнить фонды, ежегодно публикуется прекрасно иллюстрированный учебный комплект — результат исследований образа жизни диких животных. Успех Фонда Эльсы способствовал появлению такого же Фонда Эльсы в Канаде. В 1975 году меня пригласили в Японию для организации Фонда Эльсы. Каждая организация работает независимо от другой в соответствии с законами своей страны, но все ее участники ставят перед собой одну и ту же задачу: так воспитывать людей, чтобы они понимали ценность дикой природы и охраняли ее. Все организации проводят работу по созданию национальных

парков и резерватов для содержания диких животных и исследования повадок и привычек диких животных, живущих в естественных условиях.
Помимо Фонда Эльсы в защиту диких животных, действующего сейчас в Англии, США, Канаде, Кении и Японии, мы используем гонорары, полученные и в других странах.

Внуки Пиппы

После того как я уехала из национального парка Меру, меня стало очень заботить потомство Пиппы, и я поняла, что о развитии ее детей и о том, приносят ли они потомство, я смогу узнать только в том случае, если буду периодически посещать Меру.
Во время первых четырех поездок туда мне посчастливилось найти двух ее потомков второго помета — Тату с ее двумя детенышами и Уайти с одним детенышем-самцом.
Посетители парка несколько раз видели Уайти с детенышем, который был очень робким. Однажды утром я нашла их возле болотца, где оба отдыхали под кустом. Как только я приблизилась к ним в лендровере, малыш убежал, хотя Уайти подпустила мою машину на расстояние нескольких метров, продолжая спокойно лежать на месте. Локаль — егерь-африканец, бывший моим помощником на протяжении тех лет, пока я жила в лагере в Меру, — оставался вместе со мной в машине. Мы сидели не шелохнувшись, надеясь, что детеныш вернется. Так и случилось. Он возвратился, когда Уайти позвала его, издав тихий звук, похожий на стон, по-видимому убедивший малыша в том, что нам можно доверять. Оба гепарда провели время полуденной жары, дремля под кустом; они оставались там, пока жара не спала и не стало достаточно прохладно для их дальнейшей деятельности. Чтобы проверить память Уайти, я предложила ей воду в старой миске, из которой она всегда пила еще котенком. Уайти подошла напиться так свободно и непринужденно, как будто мы не были с ней в разлуке три с половиной года.
Детеныш Уайти сначала было убежал, но, когда я села в машину, вернулся и хотел попробовать жидкость из странного сосуда. Тут Уайти оттолкнула его, не позволив подойти к миске, и наконец прогнала. Сама же она продолжала лакать и не проявила никаких признаков нервозности, даже когда я подошла к ней, чтобы добавить в воду сгущенного молока, на такое близкое расстояние, что могла коснуться ее рукой. Напившись, она медленно пошла прочь.
К моему удивлению, ее малыш появился снова и осторожно подошел к миске. Фыркнув на разбавленное молоко, он недовольно сморщил нос и быстро побежал за матерью. Затем они неторопливо скрылись из виду. Уайти все еще вела себя со мной как с другом и даже передала свое доверие ко мне своему детенышу.
Во время следующей поездки в Меру, в мае 1972 года, меня снова сопровождал мой добрый старый Локаль, который был неотъемлемой частью моей жизни в Меру в прошлом, и мы оба были счастливы от того, что он мог оставаться моим помощником во время моего пребывания здесь.
Когда мы проходили мимо одного дерева, Локаль схватил меня за плечо и зашептал: «Посмотрите, на что вы могли наступить». На расстоянии нескольких сантиметров от своей ноги я увидела свернувшегося кольцом большого питона. Он не мог двигаться, потому что внутри его было что-то огромное. Вероятно, он только что проглотил козла, равного по размеру газели Гранта, и был не в состоянии защищаться; даже маленький шакал мог бы сейчас откусить ему голову. Локаль сказал, что пройдет не меньше месяца, а может быть, даже и больше, прежде чем питон переварит эту огромную порцию еды. Насколько ограниченны его движения, мы поняли, когда он, едва двигаясь, заполз под ближайший куст, который, конечно, не мог защитить от хищников, но все же служил каким-то укрытием. Меня поразило, как может сильно растягиваться кожа питона, когда он проглатывает убитую добычу, — одна чешуйка отделялась от другой примерно на два с половиной сантиметра.
В течение нескольких дней мы «навещали» питона. Он продолжал оставаться под тем же кустом.
Мы часто следили за грифами, кружившими над каким-либо местом, в надежде, что они приведут нас к добыче, убитой детьми Пиппы, но каждый раз оказывалось, что это только добыча львов; хотя львы и интересовали меня, но в то же время их присутствие усиливало мое

беспокойство, так как я знала, что львы враждуют с гепардами. Однажды, когда мы обследовали колючие кустарники в надежде найти в их тени наших гепардов, мы увидели, как оттуда украдкой выбираются львы. Очевидно, мы нарушили их полуденный отдых, но, к счастью, они или были слишком сонными, чтобы нападать на нас, или, возможно, поняли, что мы не желаем им зла.

На этот раз визит в Меру совпал со временем ежегодной миграции слонов, и, поскольку лагерь был расположен на их пути, мы встречали этих гигантов очень часто. Однажды вечером, когда я сидела в своей маленькой брезентовой ванне прямо на лоне природы, наслаждаясь теплым воздухом и глядя на звезды, два слона, тихо, как привидения, появились из темноты и быстро направились ко мне. Я бросилась в палатку — больше для собственного успокоения, чем с целью самозащиты, — но оба гиганта прошли мимо меня в поисках удобного водопоя и направились вверх по реке.

В другой раз меня разбудило ритмичное жевание у самой палатки. Думая, что эти звуки издает пасущийся буйвол, я выглянула в маленькое окошечко и увидела огромного слона. Он стоял так близко, что все заслонял собой. У меня не было времени советоваться с Локалем, единственное, что я могла сделать, — громко закричать. Гигант повернулся, сделал несколько шагов и оглянулся, видимо удивленный непривычным звуком. Когда я закричала снова, он свернул в сторону и в конце концов исчез в темноте.

День, проведенный в буше, никогда не бывает скучным, однако не всегда он бывает удачным. Как раз в один из таких утомительных дней, бродя по плато, покрытому лавой, мы заметили несколько кустов акации. Они были похожи на кусты, под которыми наши гепарды всегда любили лежать во время жары, пользуясь тенистой завесой как местом, откуда они могли наблюдать за всем, что происходит на равнине, не выдавая своего присутствия.

Локаль пошел осмотреть кусты повнимательнее, а я стояла, размышляя над тем, какими бесплодными были последние десять дней: мы даже не нашли ни одного следа на твердом грунте. Вдруг послышался шорох, и из кустов акации выскочила Уайти с тремя детенышами. Я сразу же узнала ее, не только по расположению пятен у основания хвоста, но и «в лицо». Она остановилась и посмотрела на меня, а потом улеглась и стала звать своих сбежавших отпрысков. Я следила за ней до тех пор, пока она не поднялась на небольшую возвышенность, с которой можно было обозревать равнину. Уайти разрешила мне подойти к ней на расстояние одного метра, в то время как ее детеныши прятались за ней. Казалось, она была совершенно спокойной, но вдруг ее глаза сузились — она заметила вдали Локаля, — и тотчас же помчалась вместе со своим семейством к маленькой речушке и перебралась через нее. Я бросилась за ней и поспела как раз к тому моменту, когда один из ее котят, шлепая по мелководью, вышел на противоположный берег речки. Я ждала Локаля и сидела не шевелясь в надежде увидеть других детенышей. Двадцать минут спустя мы оба перешли через реку и стали разыскивать семейство гепардов. Мы нашли их под деревом. Один из малышей оставался рядом со своей матерью, а другой беспокойно расхаживал в стороне. Тогда Уайти издала очень тихий призывный звук, похожий на стон, который я так хорошо изучила, так как Пиппа издавала такой же звук, когда беспокоилась о ком-либо из своих детенышей и звала его. Но вот послышалось слабое чириканье, похожее на щебетание птицы. Это напомнил о себе третий детеныш. Глядя на меня без малейших признаков страха, Уайти начала лизать одного из прижимавшихся к ней малышей. Чтобы не тревожить семью, я оставалась метрах в двадцати от нее, а Локаль держался на более далеком расстоянии. По моим расчетам, детенышам Уайти было около четырех месяцев.

Прекрасно, что Уайти удалось вырастить трех малышей до такого возраста здесь, где львы — частые гости. Локаль, правда, уверял меня, что в помете не три, а четыре детеныша, и оказалось, что он был прав.

Теперь пора было возвращаться домой, чтобы прийти в лагерь до наступления темноты. На следующий день рано утром мы снова отправились к тому месту, где были накануне. Я заметила гепардов почти там же, где мы их оставили, но они сразу же убежали, и мы почти весь день разыскивали их следы. Уже после полудня, проходя мимо одного куста, мы вдруг увидели, что оттуда появилась Уайти и четыре детеныша, позади них виднелись недоеденные остатки туши молодого бушбока. Следуя за ними на расстоянии около двадцати пяти метров, я наблюдала за детенышами. Два из них были более крупными и более светлой окраски, чем

другие, и я предположила, что это самцы. К сожалению, на небе неожиданно появились тучи, и я не смогла сфотографировать их.
На следующий день мы нашли семью гепардов на старом месте. Позднее Уайти повела своих детей в долину, ограниченную двумя небольшими ручьями. Она двигалась по направлению к дальнему ручью, где я несколько дней назад видела следы львов и заметила группу павианов. Я хотела помешать ей и быстро сделала большой круг между гепардами и дальним ручьем. Уайти, по-видимому, поразил мой маневр; она подошла ко мне, остановилась в семи метрах и зарычала. Очевидно, она не возражала против моего присутствия, но не собиралась мириться с моим вмешательством в ее планы. Я не сдавалась, пока она не повернула назад. Детеныши держались на безопасном расстоянии и теперь были далеко впереди нас. Вскоре Уайти снова повернулась ко мне, настаивая на своем намерении перейти через ручей. Я отрезала ей путь, медленно идя навстречу. Тогда Уайти отказалась от своего плана и расположилась со своим семейством под одним из деревьев. Я сидела на расстоянии тринадцати метров от гепардов и пыталась сфотографировать их, но щелчок затвора привел малышей в сильное возбуждение, и я отложила лейку. Самый маленький особенно нервничал, порываясь бежать при малейшем моем движении, и чириканьем взывал о помощи; детеныш покрупнее отправился его успокаивать. Наконец Уайти пришла на помощь и принесла его обратно. Все потомство было в прекрасном состоянии, а Уайти была, по-видимому, превосходной матерью и умела постоять за свое семейство. Сидя здесь и глядя на дремлющую семью Уайти, я вспоминала, как мы спасли Уайти в критический момент, когда она сломала лапу, и как ей пришлось несколько недель провести в моем лагере в вольере. И вот, несмотря на то что Уайти ненавидела это затворничество, она и теперь, через пять с половиной лет, вела себя со мной как с другом и доверяла мне.
В полдень все семейство уснуло. Я оставила их, так как срок моего пребывания в Меру подходил к концу, а мне хотелось отыскать Тайни, Биг-Боя и Сомбу, детенышей Пиппы четвертого помета.
На следующий день мы повстречали прайд из восьми львов возле убитого водяного козла на расстоянии около восьмидесяти метров от того места, где была Уайти, а через сутки неожиданно обнаружили на том же месте трех львов, которые крепко спали. Они, очевидно, были недовольны тем, что их потревожили, и неохотно удалились. Присутствие этих львов объяснило, почему Уайти ушла отсюда.
Несмотря на то что нам не удалось найти всех наших гепардов до конца моего пребывания в Меру, было так чудесно вновь увидеть эти прекрасные места и зеленый, начинающий цвести буш — верный признак приближающихся дождей. Меня всегда удивляло, почему цветение начинается за две-три недели до наступления сезона дождей, и со временем я узнала, что это одна из мудрых мер предосторожности, принимаемая природой для того, чтобы обеспечить опыление цветов. В течение этого периода воздух становится уже достаточно влажным, благоприятствуя цветению, и опыление может быть закончено, прежде чем сильные ливни прибьют цветки к земле.
Перед самым отъездом мы нашли следы семьи гепардов, ведущие от лавового плато вниз по хребту к равнине, в шести километрах от того места, где мы их видели в последний раз. Следы, видимо, были двухдневной давности. Было уже слишком темно, чтобы разыскивать их, а так как мне все равно предстояло на следующее утро покинуть Меру, я решила сняться на рассвете, чтобы до выезда с территории парка еще раз поискать гепардов.
Когда мы миновали очень неровный участок местности, я заметила дерево, сплошь унизанное грифами.
Осторожно приблизившись, чтобы случайно не наткнуться на львов с добычей, я увидела маленьких гепардов, обступивших еще не разделанную тушу молодой газели Гранта, и Уайти, которая отдыхала рядом с ними после охоты.
Хотя я подбиралась к ним очень осторожно, детеныши убежали, но, когда Уайти позвала их «прр-прр», они остановились, а потом вернулись обратно к матери. Самый маленький из них казался особенно испуганным. Как только они принялись за добычу, я попыталась их сфотографировать. Однако щелчки аппарата даже на расстоянии около тринадцати метров снова испугали детенышей, и они убежали на термитник. Уайти изо всех сил звала их обратно, но они даже не пошевелились. И только когда я отошла на безопасное, по их мнению, для них расстояние, они бросились к добыче, которую Уайти тем временем разделала для них. Полчаса я наблюдала в полевой бинокль, как они жадно поглощали тушу газели. Уайти была рядом с

ними, но предоставила им право первенства. Когда от газели осталась только голова и ноги, грифы отважились опуститься на землю, и тогда детеныши забавно бросились на птиц, чтобы заставить их взлететь. Молодым гепардам было всего четыре-пять месяцев, но они, очевидно, уже научились защищать свою добычу.

Мне пришли на память подобные сцены и с Пиппой. Какой хорошей матерью была она в каждой из своих семей до тех пор, пока детеныши зависели от нее. Но как только они могли заботиться о себе сами, Пиппа порывала с ними всякую связь, а в тех случаях, когда они вдруг попадались на ее пути, отгоняла их.

Если принять во внимание, что узы детей с матерью были значительно прочнее, чем отношения со мной, казалось просто невероятным, что дети Пиппы (Тату и Уайти) сохранили ко мне доверие, несмотря на то что мы расстались пять с половиной лет назад. Тату и Уайти не только были готовы доверить мне своих котят, но подпускали меня, даже когда расправлялись с добычей.

Конечно, мне очень хотелось знать, каковы будут успехи Уайти в воспитании ее потомства. Поэтому я вернулась в Меру через три месяца и снова разбила лагерь вместе с Локалем на месте прежнего дома Пиппы. Вечером я сидела у ее могилы. Все было тихо, и только ветер шумел, проносясь по кронам двух больших тамариндов, укрывающим это место своей тенью. Ночью он усилился и часто менял направление. Рано утром я насчитала сто тридцать птиц-носорогов, летевших со стороны реки по направлению к равнинам. Когда я жила здесь с Пиппой, я знала две пары этих птиц, живших вблизи лагеря, но такого большого числа их, как в этот приезд, никогда не видела.

Обычно при нашем возвращении в лагерь после длительной отлучки диким животным, приходящим ночью в это место на водопой, приходится заново привыкать к нашему присутствию. Поэтому меня нисколько не удивило, что в первую ночь у моей палатки зафыркал носорог, но, к счастью, ушел, не дожидаясь, пока я направлю на него свет своего фонаря. Во вторую ночь четыре льва спокойно расхаживали вокруг машины, потом отправились на кухню и прошли на расстоянии нескольких метров от меня. Я воспользовалась стулом и столом, чтобы забаррикадировать вход в палатку, который оставила было открытым, из-за жары, хотя и знала, что животные, как правило, просто очень любопытны и не причинят зла, если их не спровоцировать. На следующее утро мы увидели недалеко от лагеря львицу с маленьким львенком, отдыхающую под деревом. Она не проявила никакого беспокойства, когда мы проехали мимо нее в машине на расстоянии десяти метров. На третью ночь я услышала, что кто-то что-то лижет. По характерному звуку я поняла, что меня посетили львы. Через некоторое время палатка затряслась — это львенок споткнулся об одну из растяжек, вскочил и зарычал. Включив электрический фонарь, я увидела шесть львов между палаткой и кухней. Судя по тому, что они лизали друг друга и издавали негромкое ворчание, львы были совершенно спокойны. Я посоветовала им уходить, но они еще некоторое время продолжали оставаться на месте.

В эти дни мы обнаружили несколько следов одиноких гепардов и среди них один, который, по моему предположению, принадлежал супругу Пиппы, так как след проходил по тем местам, которые обычно посещал этот гепард.

С тех пор как я покинула Меру в январе 1970 года, обязанности Локаля состояли в уходе за тремя парами белых носорогов; их привезли из южной Африки в надежде, что они будут здесь размножаться. Локаль был горд своими подопечными, которые теперь свободно бродили по парку, и любил демонстрировать, как они его слушаются. В тех немногих случаях, когда мы встречались с этими носорогами на воле, он подходил к ним, гладил их и спокойно разговаривал с ними.

Однажды утром мы заметили носорога, щиплющего траву вблизи ручья. Он был так поглощен своим завтраком, что не учуял нас, пока мы не подошли к нему на расстояние нескольких метров. Когда он поднял голову, я поняла, что это был не один из тех белых носорогов, а совсем дикий черный носорог. Он ринулся на нас, мгновенно перепрыгнув через ручей. Локаль и я мчались изо всех сил и вдруг оказались лицом к лицу с двумя слонами. К счастью, слоны свернули с дороги, и нам удалось проскользнуть между ними и носорогом и оказаться в более безопасном месте.

День за днем мы тщетно обыскивали места с подходящими для гепардов условиями обитания и часто посещавшиеся семьями Пиппы.

Однажды в полдень, когда мы шли вдоль реки Роджеверо, я услышала всплеск и увидела, как чудовищный крокодил длиной не менее шести метров уходит под воду. За первым всплеском последовал второй — это лев перебрался на противоположный берег и исчез там. Осторожно выглядывая из прибрежного кустарника, я чуть было не наступила на львицу; тогда она тоже бросилась в реку, чтобы присоединиться к своему супругу. Все трое стали пировать, пожирая тушу буйвола, которого, по-видимому, убили львы. Я была поражена тем, что львы позволили крокодилу делить с ними их добычу. Вероятно, этот крокодил был слишком большим, и они не могли его отогнать, не провоцируя нападения.

Когда двумя днями позднее после бесплодных поисков Уайти мы снова проходили мимо этого места, я еще больше удивилась, увидев восемь громадных крокодилов длиной по четыре-пять метров; каждый из них стремился добраться до полости желудка туши и отталкивал других. Самой ужасной особенностью этой сцены было то, что морды крокодилов, участвовавших в этом жутком пиршестве, казались смеющимися.

На следующий день мы проследили за грифами и нашли мертвого слона. Он был убит за три-четыре дня до этого. Его клыки, хобот, уши и хвост были отрезаны браконьерами. Теперь грифы приканчивали остатки разлагающейся туши. Размеры браконьерства за пределами парка были очень большими, но особенно тревожным было то, что одна из его жертв обнаружена непосредственно в самом парке. Этот случай заставил меня волноваться за судьбу потомства Пиппы, так как браконьерам хорошо известна стоимость шкуры гепарда.

Я вдруг вспомнила, что совсем недавно во время наших поисков мы обнаружили баобаб, ствол которого был полым и, очевидно, использовался браконьерами в качестве убежища и склада; крючья, вбитые изнутри в ствол, наводили на мысль, что именно здесь они развешивают свою добычу.

Однажды вечером, сидя у могилы Пиппы, я почувствовала, что за мной кто-то наблюдает. Вглядываясь в темноту, я ничего не могла разглядеть. Тогда я встала и увидела, что приблизительно метрах в двадцати от меня из травы показалась голова льва. Он несколько секунд разглядывал меня, а потом снова улегся, спрятавшись в высокой траве. Мне пришла в голову мысль: не пользуются ли львы большой пирамидой из камней, сложенной на могиле Пиппы, как удобным местом для наблюдения за животными, которые приходят к ручью?

В другой раз мы пересекали длинную дамбу, образовывавшую верхнюю часть плотины, перегораживающей реку Роджеверо, и увидели пару египетских гусей, шедших вразвалку по мелководью с семью крошечными гусятами. К своему ужасу, вдруг я заметила неподалеку от них едва различимый над водой кончик носа крокодила; крокодил, очевидно, надеялся на легкую закуску. Желая спасти гусят, я стала сигналить; крокодил сделал сальто, перемахнув через плотину вниз, а гуси-родители поторопились увести свои выводок по дамбе в прибрежный кустарник. Семья была уже в безопасности, но я подумала, что не всем гусятам этого выводка удастся дожить до зрелого возраста.

> Гуляя по холмам, мы набрели на серповидный утес, поросший пальмами вида Raphia.
> У его подножия находилось несколько кристально чистых водоемов, образованных родниками. Это был идиллический уголок. Множество следов различных животных красноречиво свидетельствовали о том, что здесь происходит ночью, но даже и теперь, среди бела дня, мы увидели под нависшими пальмовыми листьями две едва различимые фигуры слонов, стоящих в водоеме.

Мы также наблюдали приблизившихся к нам нескольких сетчатых жирафов. Хотя эти представители семейства жирафов меньше по размерам, чем их масайские сородичи, обитающие в районах Кении, находящихся на большей высоте над уровнем моря, они выделяются своим похожим на сетку рисунком. Их можно отнести к числу самых красивых животных Африки. Мы заметили, что два самца заинтересовались самкой, стоявшей неподалеку. Я следила, как соперники делали медленные круги, обходя друг друга, стремительно сталкиваясь лбами и соприкасаясь мордами. Они продолжали состязание около получаса, до тех пор пока меньший самец не удалился. Тогда победитель подошел к самке. И в конце концов они вместе отправились в заросли. Это был самый деликатный спор за первенство, который я когда-либо видела.

Стадо из семнадцати слонов было настроено более воинственно. Увидев нас, они образовали фалангу, в центре которой оказались два маленьких слоненка. Взрослые слоны хлопали ушами и были готовы напасть, если бы мы осмелились приблизиться к ним хотя бы на шаг.
Уже двадцать дней я безуспешно искала Уайти и Тату, мое время истекало, и я стала приходить в отчаяние. Но вот мы неожиданно встретили двух посетителей парка, которые сообщили нам, что только что видели гепарда с четырьмя детенышами в кустарнике возле дороги. Мы отправились в указанном направлении. Гепарды исчезли, однако, ориентируясь по свежим следам, я после двух часов усиленных поисков заметила под деревом Уайти и ее потомство. Надеясь, что мы сможем подобраться к ним поближе, я осторожно повела лендровер, но, как только свернула с дороги, малыши бросились прочь. Подождав, пока семья успокоится, я, оставив Локаля в машине, медленно подошла к ним на расстояние пятидесяти метров и села. Я была счастлива, обнаружив, что все четыре детеныша живы; им, должно быть, уже исполнилось восемь месяцев. Трудно было представить, как Уайти удалось уберечь их от многочисленных львов и других хищников. Самый маленький из детей Уайти все еще проявлял большую нервозность и почти все время прятался.
Я показала Уайти знакомую миску, на что она быстро отреагировала: подошла и стала лакать воду в двух шагах от меня. Малыши убежали, но, когда Уайти успокоила их своим «прр-прр», они вернулись к своей полуденной сиесте, а я сфотографировала их, воспользовавшись тем, что они были слишком сонными, чтобы протестовать. В пять часов пополудни они начали зевать и потягиваться и затем медленно удалились. Боязливый детеныш шел впереди, и Уайти шла в том направлении, откуда слышался его призыв. Это было прекрасное зрелище: гепарды, легко ступающие по высокой траве, сверкавшей как золото в лучах заходящего солнца и великолепно контрастировавшей с темно-красной завесой дождя, нависшей на горизонте над холмами цвета индиго.
Я подумала, что если даже никогда больше не увижу Уайти, то хотя бы буду знать, что она достигла всего, чего я ей желала: возможности жить свободно в этом прекрасном парке и приносить потомство. Уайти была звеном между Пиппой и этими дикими молодыми гепардами. Мой эксперимент доказал, что гепардов можно спасти от истребления, помогая нм размножаться в естественных условиях.
В январе 1976 года я отправилась в Меру на два дня и захватила с собой нескольких моих друзей. Совсем не надеясь увидеть потомков Пиппы в течение такого короткого времени, я была взволнована сообщением о том, что недавно гепарда с тремя маленькими детенышами видели близ реки Роджеверо. Поскольку Роджеверо частично протекает по территории Уайти, я надеялась, что это, возможно, была она. Мы сосредоточили все свои поиски на этом районе ранним утром и поздним вечером, зная, что во время дневной жары гепарды надежно укрываются от солнца. Проезжая в это время по другим местам парка, мы видели почти всех животных, живущих в Меру, за исключением леопардов и гепардов. У слонов было так много крошечных слонят, что нам стало даже досадно, когда мы увидели одно стадо совсем без малышей. Не меньше детенышей было и у жирафов, среди которых мы обнаружили нянек; обязанности няни выполняла самка, наблюдавшая за подростками, пока их матери паслись.
В последний вечер нашего пребывания в Меру мы медленно двигались по дороге, идущей параллельно Роджеверо, и вдруг заметили гепарда, высунувшего голову из травы на расстоянии не больше десяти метров от нас.
Когда я тихонько позвала: «Уайти», она не обратила внимания на мой призыв, но и не убежала, как это сделал бы любой дикий гепард. Ободренная, я налила воды в знакомую миску, не торопясь вышла из машины и осторожно пошла вперед. Гепард повернулся, и я смогла узнать Уайти по расположению пятен вдоль основания ее хвоста. Я была на полпути к ней, но она не делала попытки подойти к миске с водой, а пристально смотрела вперед. Проследив за ее взглядом, я увидела вдали четырех газелей Гранта. Так как Уайти, очевидно, больше интересовалась добычей, чем водой, я возвратилась в машину, и оттуда мы все наблюдали за ней. Она упорно двигалась по направлению к газелям, подкрадываясь к ним шаг за шагом, и мгновенно замирала, как только они поднимали голову и смотрели на нее. Это продолжалось с полчаса, а потом Уайти спряталась в высокой траве и исчезла из поля зрения. Между ней и газелями не было укрытия, а расстояние было, очевидно, слишком большим, для того чтобы она могла рискнуть сделать последний бросок. Мы подождали еще полчаса, и за это время газели Гранта ушли. Теперь Уайти появилась и издала очень слабый стонущий звук, который означал,

что она зовет своих котят, стараясь при этом не привлечь внимания хищников. Трава сразу же зашевелилась, и мы увидели три белые кисточки — кончики хвостов. Они принадлежали трем гепардам в возрасте около трех месяцев. Бросившись к Уайти, малыши прыгали на нее и карабкались друг на друга, стремясь быть поближе к матери. Уайти не остановилась, чтобы полизать их, она продолжала идти, а ее малыши резвились вокруг нее. Быстро темнело, и нам удалось лишь несколько раз взглянуть на игры детей Уайти, кувыркавшихся с невысокого термитника, прежде чем Уайти увела их в темноту равнины.
На следующий день рано утром мы вернулись к тому месту, где накануне оставили семью гепардов, чтобы посмотреть, удалось ли Уайти удачно поохотиться. Неподалеку мы увидели разлетающихся грифов, но не могли найти следов ни добычи, ни гепардов.
Мне оставалось только надеяться, чтобы Уайти удалось воспитать свое новое потомство так же успешно, как она вырастила свои предыдущие семьи. Теперь ей было девять лет и пять месяцев, и она уже семь лет и десять месяцев жила совершенно свободной, дикой жизнью.

Некоторые из моих ближайших соседей

В 1970 году, в июне, Джордж и я впервые получили возможность наблюдать за парой обезьян гверец, живших в Эльсамере.
Когда они прыгали с одного дерева на другое и их длинная черно-белая шерсть развевалась позади словно пелерина, они скорее походили на неких сказочных существ, чем на обезьян. Гверецы живут группами, в каждой из которых главенствует самец. Их низкий рев, длящийся до двадцати минут, можно услышать на расстоянии свыше полутора километров.
Однажды, когда мы следили за нашими обезьянами, сидящими высоко на дереве, ветка, на которой они сидели, обломилась, и самка упала с высоты тридцати метров, сильно шлепнувшись на землю. Послышался глухой удар. Я сначала испугалась, подумав, что обезьяна что-нибудь себе повредила, но с облегчением увидела, как она поднялась и исчезла вместе со своим супругом.
Гверец не было видно шестнадцать дней. Когда я снова встретила их в глубине леса, самка сидела совершенно неподвижно, сгорбившись, и на руке у нее виднелось что-то красное. Посмотрев в бинокль, я обнаружила мордочку детеныша и заметила белый хвостик около тринадцати сантиметров длиной, переброшенный через руку матери. Маленькая обезьянка была белоснежной, если не считать ее красноватой мордочки. Через десять дней у малыша появились черные ушки, хорошо гармонировавшие с большими черными глазами. Я назвала его Коли. Вскоре мне пришлось на месяц уехать, а когда я возвратилась, кисти рук и ступни Коли стали уже черными, его руки и лицо — серыми, а лоб отделялся от остальной части лица тонкой белой полоской. Мать и детеныш очень любили друг друга. Отец же обычно держался на расстоянии, но зорко следил, не грозит ли им какая-нибудь опасность.
Я всегда считала, что способность обезьян прыгать с ветки на ветку врожденная, но теперь, увидев, как Коли перепрыгивает с одного родительского плеча на другое, поняла, что день за днем родители увеличивают расстояние, которое детенышу приходится преодолевать, и таким образом развивают у него чувство равновесия.
Вскоре малыш стал очень живой обезьянкой — он висел на ветке, держась за нее одной рукой, беспрестанно вертелся и качался из стороны в сторону. Он стал также бесцеремонным и иногда замахивался веткой на своих родителей или даже вырывал у них листья прямо изо рта. За все эти проделки его справедливо награждали шлепками.
Когда Коли не мог взобраться на дерево из-за того, что кора была слишком гладкая, а ствол слишком толстый, мать помогала ему, усевшись на развилку ветвей над ним и опустив вниз свой хвост так, чтобы он использовал его как веревочную лестницу.
Семья гверец совсем привыкла к нам и спокойно оставалась на деревьях, когда мы были поблизости, но, если к нам приходили гости, обезьяны все удирали в лес. Начало дождей было новым испытанием для Коли, хотя он редко мокнул под дождем, потому что мать обычно прикрывала его руками и заботливо укутывала его тело своей пелериной. Во время сильной грозы вся семья забиралась на верхушки деревьев, и я решила, что они это делают для того, чтобы избежать ломающихся от ветра ветвей.

Мне снова пришлось покинуть Эльсамер на несколько недель, и после того, как я вернулась, мне сказали, что одна из обезьян-родителей отсутствует уже две недели. Рано утром на следующий день мы начали поиски и наконец нашли отца Коли на дереве мертвым. Когда мы сняли его тело, то обнаружили, что оно изрешечено пулями. Мой сосед был в это время в отлучке и оставил своих слуг с ружьями и несколькими собаками для охраны своего имущества. Несомненно, они и убили отца Коли, надеясь получить несколько шиллингов за его шкуру или продать его хвост, и качестве метелки, пригодной для того, чтобы отгонять мух. Я сразу же отправилась разыскивать Коли и его мать и нашла их, тесно прижавшихся друг к другу, на одном из соседних деревьев. Они оставались там два дня, а потом вновь переселились поближе к дому.

Коли очень вырос. Меня поразило также сильно постаревшее лицо его матери и глубокие морщины вокруг ее носа. Было грустно видеть, как она смотрит в пространство, прижимая к себе малыша Коли, который прячет голову между ее подбородком и коленями. Их позы выражали явное горе. Обезьяны были сильно травмированы, и прошло много времени, прежде чем они снова начали играть.

В апреле 1972 года мне позвонил один фермер и спросил, не возьму ли я детеныша гверецы. Его мать, вероятно, была разорвана собаками, когда она совершала набег на огород. Я надеялась, что наша гвереца примет маленького детеныша, и отправилась к фермеру, чтобы забрать его. Дочь фермера показала мне обезьянку, выглядывавшую из-под ее джемпера. Судя по окраске шерсти, ей, по-видимому, было два с половиной месяца.

Когда девушка передавала обезьянку мне, та отчаянно ухватилась за ее шерстяной джемпер и с большими колебаниями согласилась довольствоваться моей курткой. Она также отказывалась пить молоко из новой бутылки, и мне пришлось попросить фермера одолжить старую. Мне сказали, что детеныш быстро привык пить из бутылки через каждые два часа сгущенное молоко, разбавленное на две трети водой с небольшим количеством глюкозы, — питание, которое я еще раньше предложила фермеру по телефону.

Когда мы вернулись в Эльсамер, она тихонько вскрикнула, и, хотя ее крик был слабым, Коли и его мать примчались к нам и, остановившись на расстоянии нескольких метров, смотрели на детеныша как зачарованные. Рано утром мать Коли позвала малыша, и он мгновенно отозвался. Мне хотелось бы позволить обезьянке присоединиться к семейству гверец, но я не хотела рисковать и поместила обезьянку в загон. Немного погодя, когда я играла с малышом на лужайке, позвонил телефон, и, посадив обезьянку в клетку, я пошла в дом. Вернувшись, я увидела, что мать Коли просунула руку в клетку, а детеныш за нее ухватился. Тогда я решила переложить ответственность за сироту на Коли и его мать. Когда дверца клетки была открыта, малыш мгновенно выскочил из нее и, подпрыгивая, изо всех сил помчался к своей приемной матери. Она встретила его на земле, прижала к своей груди и моментально взлетела с ним на вершину дерева. Малыш сейчас же перестал кричать. Наблюдая в бинокль, как они обнимались и прижимались друг к другу, я размышляла, правильно ли я поступила. Сможет ли мать Коли сохранить жизнь малышу, несмотря на отсутствие у нее молока? Я раздумывала также о том, сможет ли такой маленький детеныш уже питаться листьями, хотя я и заметила, как он засовывал их в рот. Мои опасения возросли, когда через двое суток я увидела, что малыш все больше и больше худеет.

На рассвете я услышала призыв матери Коли и обнаружила детеныша в чаще с поникшей головой, едва живого. Я внесла его в дом, положила к себе на колени и дала ему молока и глюкозы. Мы с ним немного поиграли, пока, к моему сожалению, его крошечная ручка, охватывавшая мои пальцы, не ослабела и он не перестал дышать.

Памятуя об этом, я спасла в 1975 году двух однолетних самок гверец, которые находились в неволе пять месяцев. Я назвала их Лонг-Тейл (Длиннохвост и Шорт-Тейл (Короткохвост); помимо этой разницы, они имели и различный темперамент. Короткохвост был быстрым и довольно агрессивным, а Длиннохвост — медлительным и добродушным. Через два с половиной месяца я уже могла спокойно отпустить их в лес разыскивать пищу. Как Коли, так и его мать проявляли к ним большой интерес с самого момента их появления у нас, но прошло еще пять месяцев, прежде чем я увидела, как мать Коли обнимает за плечи тесно прижавшихся к ней сирот. Теперь они стали единой и счастливой семьей.

Не меньшим удовольствием, чем наблюдение за гверецами, была для меня возможность познакомиться с жизнью молочных филинов, которые жили в заброшенном гнезде орлана-

крикуна в дальнем конце нашего леса. Эти филины — самые крупные в Африке, у них большие черные глаза, равные по размеру пинг-понговым мячам, с ярко-розовыми веками, обрамленными белыми полосками, и большой крючковатый клюв, торчащий из пушистых усов, перья которых темнее перьев их бледно-серого лицевого диска. Под клювом — белая борода. У них есть большие перьевые «ушки», окаймленные черными перьями.

> Я очень обрадовалась, когда примерно в восьми — десяти метрах от гнезда обнаружила маленького филина. Малыш не умел еще ухать и лишь издавал свистящий звук. Я назвала его Пфейфер — немецкий глагол
> pfeifen
> означает «свистеть». Он и в самом деле без конца свистел, когда хотел есть. У многих видов сов самец меньше, чем самка, и потому я решила, судя по крупному для такого юного возраста размеру Пфейфер, что это, безусловно, самка. Для меня было неожиданностью, что вскоре отец-филин взял на себя все материнские обязанности и стал кормить свою дочь из клюва, а мать в это время сидела в сторонке, на соседнем дереве. Когда Пфейфер исполнилось пять месяцев, у нее появились перьевые ушки, а окраска ее оперения из серой стала светло-коричневой. Вскоре она научилась у своих родителей лежать на спине с широко распростертыми крыльями, оставаясь совершенно неподвижной. Возможно, она хотела погреться на солнышке или привлечь муравьев, но чаще всего, как мне кажется, это делалось для того, чтобы обмануть и подманить к себе более мелких птиц; заинтригованные мертвым с виду филином, они иногда отваживались приблизиться к нему на роковое для них расстояние.

Вскоре Пфейфер привыкла ко мне, и, когда я звала ее, она знала, что у меня есть для нее еда, и летела из леса, сопровождаемая отцом, который всегда получал первую порцию.
Выказывая свое доверие, обычно приближалась ко мне Пфейфер походкой моряка, покачиваясь с одной одетой пухом ноги на другую. Так происходило каждый раз, когда я протягивала ей еду; она брала ее, уносила на лужайку, где съедала угощение на некотором расстоянии от меня. Мне часто хотелось погрузить руки в ее мягкие перья, по я никогда не простила бы себе, если бы в результате такой интимности она стала бы настолько ручной, что другие люди могли бы оказаться для нее опасными.
Вскоре мне пришлось на некоторое время отлучиться. Вернувшись, я увидела, что мать Пфейфер снова высиживает яйца. Теперь заботу о матери взяла на себя Пфейфер. Ей нужно было кормить мать, однако эта задача была не из легких. За ее вылетами наблюдали орланы-крикуны и нередко безжалостно на нее нападали. Приехав после следующего краткого отсутствия, я увидела какой-то белый пух, видневшийся над самым краем гнезда. Оказалось, что это голова нового птенца.
Несмотря на постоянные засады орланов-крикунов, Пфейфер аккуратно носила пищу и долгое время продолжала выполнять обязанности няни по отношению к малышу-филину. Я назвала его Бунду, что на языке кисуахили означает «сова». Как и у всех молодых животных, у нового детеныша филина выражение глаз все еще было мягким и доверчивым в отличие от жесткого взгляда взрослых птиц, сознающих окружающую их опасность.
Однажды, в возрасте шести месяцев, Бунду запуталась в какой-то траве, растущей на берегу озера и я обнаружила ее висящей головой вниз и лишенной возможности двигаться. Меня удивило, что, когда я освободила Бунду от опутавших ее стеблей, она не улетела в безопасное место, на деревья, а отпрыгнула в сторону, в еще более густые заросли. На следующее утро я не увидела никаких признаков присутствия Бунду, но заметила, что взгляд Пфейфер направлен в ту сторону, где я в последний раз ее видела, и вскоре обнаружила Бунду на перечном дереве. Она была очень голодна, и я стала кормить и гладить ее, чтобы определить, не поранилась ли она. Когда я прикоснулась к правому крылу Бунду, она вздрогнула, и, предполагая, что птица ранена, я поместила ее в большой вольер возле дома, где она была в безопасности от хищников и где я имела возможность за ней наблюдать.
Пфейфер заняла позицию на угловом столбе вольера, откуда очень внимательно наблюдала за сестрой. Малышка, казалось, настолько оправилась, что я, лишив ее свободы, испытывала чувство вины. А так как Пфейфер была рядом, я решила освободить филиненка, чтобы проверить, может ли он пролететь на большее расстояние, чем позволяет вольер. Завернув

Бунду в полотенце, я вынесла ее наружу. Однако скоро стало ясно, что она не способна летать. Тогда я обратилась к ветеринару-хирургу Куперу, и он, обследовав ее, обнаружил перелом локтевой и лучевой костей. Сделав ей инъекцию, он предупредил, что на протяжении месяца движения птицы следует ограничить. Все это время я кормила Бунду и, поскольку мне казалось, что она нуждается в обществе, печатала на машинке, сидя рядом с ней, а иногда делала с нее наброски. Когда мы отпустили ее наконец на свободу, она расправила крылья и после великолепного полета уселась на дерево неподалеку от нас.
Обезьяны, наблюдавшие за нашими действиями, теперь бросились к Бунду. Они, несомненно, были счастливы, увидев, что она возвращается обратно в их мир. Пфейфер тоже, видимо, была рада, и сестры сидели бок о бок, почесывая друг другу головы.
Через несколько недель Пфейфер улетела, и только месяц спустя один из местных жителей увидел ее на расстоянии пяти километров от нашего дома, около одного из гнезд орлана-крикуна. Я отправилась туда и нашла ее в компании другого филина.
Много месяцев спустя, когда я после наступления темноты кормила Бунду, вдруг подлетела Пфейфер, а за ней маленький застенчивый детеныш. Я была счастлива, что она доверила мне кормление своего птенца, и, конечно, подумала: а не скажет ли она другим филинам: «Давайте приводить наших детей кормиться в лагерь Эльсы, это очень облегчит нашу трудную работу»? Я назвала вновь появившегося на свет птенца Того. Это был очень отважный филиненок. Скоро он начал летать по лужайке в поисках пищи, но когда слышался громкий шелест крыльев и орлан-крикун внезапно устремлялся вниз, тогда Бунду, Пфейфер и филин-бабушка мгновенно приходили птенцу на выручку.
В Эльсамере обитало много диких животных, но обезьяны гверецы и молочные филины были моими любимцами.

Признание Эльсы

Книги об Эльсе и Пиппе познакомили людей во многих странах мира с бедственным положением диких животных и с тем, что нужно сделать для их спасения.
Вследствие этого я получила приглашение от ряда стран. Самыми незабываемыми из моих путешествий были поездки в СССР, Японию, Венгрию и Таиланд.
После того как я прибыла в Москву, меня доставили на самолете на Черное море, в Сочи, где мне предложили сделать прививку на Дереве Дружбы. Это цитрусовое дерево было посажено в 1936 году, а в 1940 году советский ученый Шмидт сделал на нем первую прививку другого вида цитрусовых. За его прививкой последовали многие другие. Их делали выдающиеся люди — представители ста двадцати шести различных национальностей. Сегодня на дереве зреют плоды итальянского лимона, американского грейпфрута, апельсина, грейпфрута, гигантские и крохотные кумкваты. Некоторые прививки были сделаны в память о знаменитых людях, таких, как Чарлз Дарвин, Луи Пастер, и к подножию дерева была доставлена земля с мест погребения Толстого, Чайковского, Пушкина и Махатмы Ганди. Я была счастлива сделать прививку на этом дереве доброй воли; она символизирует мою надежду на то, что работа, проделанная от имени Эльсы ради спасения диких животных, станет движением, сближающим народы во имя мира.

Недалеко от Сочи находится большой заповедник
[47]
. Одна из главных задач, которую поставил перед собой его директор, — разведение зубра. Там обитает пятьдесят пять видов млекопитающих, включая триста бурых медведей. Это один из ста двух резерватов, и мне он показался очень интересным.

Но самым увлекательным было время, проведенное в Аскании-Нова. Здесь поставлена задача скрещивания домашних животных с родственными им дикими видами и улучшения таким образом породы. Кроме того, в Аскании-Нова занимаются размножением диких животных, таких, например, как лошадь Пржевальского, которая находится под угрозой исчезновения.

На следующий день после приезда в Асканию-Нова несколько человек, в том числе и я, отправились с директором на поиски лошадей Пржевальского. В маленькую тележку был запряжен гибрид лошади Пржевальского по кличке Капрон, и он повез нас по степи мимо табунов зебр, гну, антилоп канн, лосей, муфлонов, домашнего скота ватутси, зубров, буйволов водяных и африканских, куланов, лам, конгони, антилоп импала и некоторых других антилоп. Я заметила также зеброидов, крошечных шотландских пони, карликового самца оленя из Индокитая и оленя вапити. Казалось, в этом месте разгрузили весь Ноев ковчег.
К концу дня мы встретили табун лошадей Пржевальского, который состоял из четырнадцати кобыл и одного жеребца по кличке Пегас. Эти лошади очень дикие и не терпят прикосновения к ним людей. Мы подошли к табуну пешком, разбрасывая початки кукурузы, чтобы привлечь кобыл, которые постепенно приблизились к нам. В настоящее время в мире существует немногим больше двухсот лошадей Пржевальского, пятнадцать из них обитают в Аскании-Нова. Другим источником гордости могут служить африканские антилопы канны, которые размножаются в Аскании-Нова с 1892 года и которые были здесь одомашнены и дают молоко с 1948 года. Мое пребывание в заповеднике придало мне новые силы, и мне стало грустно, когда пришло время уезжать отсюда. Последний день своего пребывания а СССР я провела в охотничьем хозяйстве в ста двадцати километрах к северу от Ленинграда. Здесь я узнала, как строго контролируется в СССР охота: чтобы застрелить какое-либо крупное млекопитающее, требуются лицензии, а число животных, которых дозволяется убить из одного ружья в течение охотничьего сезона, весьма незначительно и зависит от того, насколько часто встречается данное животное.

Через два года после моего путешествия в СССР меня пригласили в Японию, чтобы встретиться там с людьми, заинтересованными в создании организации Фонда Эльсы в их стране. В городе Нара, знаменитом своими храмами, я видела ручных оленей, бродящих по окрестным холмам, и посетила научно-исследовательскую станцию. В Мино, древнем городе Японии, мы беседовали о священных обезьянах, обитающих там, а затем отправились в горы, в Манки-Хевн — центр исследований японского макака (Macaca fuscate).
Директор центра рассказал нам, что здесь более двадцати пяти лет исследуются три группы обезьян, насчитывающие в общей сложности около шестидесяти особей. Территория, занимаемая каждой группой, приблизительно равняется ста пятидесяти квадратным километрам. Средняя продолжительность жизни обезьян обычно составляет тридцать лет, но здесь она уменьшилась до двадцати четырех, возможно, из-за неподходящей пищи, предлагаемой им посетителями, несмотря на развешанные повсюду предупредительные плакаты.

Смотритель обратил мое внимание на один любопытный факт: когда человек смотрит прямо в глаза взрослой обезьяны, она впадает в панику и становится агрессивной, но детеныши могут смотреть в глаза смотрителю с выражением полного доверия.

Из Мино меня на самолете переправили на Хоккайдо — самый северный остров Японии — для посещения фермы Танчо, в Кусиро. Здесь занимаются изучением и разведением японских журавлей. Японский журавль — самый крупный из журавлей и к тому же самый красивый: у него белое туловище, черные крылья и хвост и красная шапочка на голове. К несчастью, великолепие этих величественных птиц стало их смертным приговором; число их снизилось в конце концов до 140
[48]
. Чтобы предотвратить окончательное уничтожение этих птиц, их теперь стали разводить на ферме Танчо и в зоопарках. Позднее одну пару японских журавлей я увидела в Токийском зоопарке; их птенец имел красновато-коричневый цвет и должен был начать белеть только в трехмесячном возрасте.

На следующий день меня привезли на территорию, которая может служить эквивалентом японского Национального парка и является национальной реликвией. К моему величайшему удивлению, на этой территории я увидела и поселения. Моей первой мыслью было, что такое

соседство может привести к браконьерству, но меня уверили, что этого не происходит, так как на браконьеров налагают слишком большие штрафы, а поскольку земли не хватает, использовать часть территории исключительно в целях сохранения диких животных нет возможности, и люди здесь гармонично уживаются рядом с дикими животными. В Японии нет крупных хищных животных, кроме медведя, обитающего только в лесу, и поэтому сочетание интересов человека и диких животных возможно.

Перед отъездом из Японии я посетила «Королевство животных» Хата на Хоккайдо; Хата, зоолог и писатель, основал научно-исследовательскую станцию на площади в 390 квадратных километров, желая оказать помощь ученым, изучающим диких и домашних животных. Для ее создания он использовал доходы от написанных им — в общей сложности свыше тридцати — книг. Особенно известна книга Хата, в которой он излагает историю своей жизни на острове в течение двух лет вместе с бурым медведем, ставшим его другом. Мы просмотрели и часть фильма, снятого автором. В фильме показано, как он проводит период зимней спячки бок о бок с медведем. Поразительно, что медведь даже в полусонном состоянии никогда не терял веры и доверия к своему сотоварищу — человеку.

Из Японии я отправилась в Таиланд, куда меня пригласил Осот Косин — страстный естествоиспытатель. Когда он встретил меня вместе с директорами заповедников для диких животных и национальных парков, я с удивлением узнала, что фильм «Рожденная свободной» в этот момент демонстрируется в Бангкоке. Мистер Осот устроил мне чудесное турне, включая посещение его частного заповедника, где я видела оленей аксисов, мунтжаков, оленей замбаров и двух газелей Томсона, которых Осот купил во время своего последнего посещения Кении. На следующий день Бурн, женщина, преданная задаче сохранения диких животных и консультант при национальных парках взяла меня с собой в национальный парк Кхао-Ян. По пути мы заехали на рынок животных в Бангкоке. Это было неприятное зрелище, и я предложила отчислить в помощь диким животным средства из Фонда Эльсы — такую сумму, которая дала бы возможность либо нанять инспекторов, либо по крайней мере напечатать книги о жизни диких животных и об обращении с ними. Когда мы прибыли в Кхао-Ян, нас встретил доктор Бунсонг Лекагул — самый известный орнитолог и защитник диких животных в Таиланде, а также несколько научных работников. Мне предложили выпустить на свободу одного лапундера, или свинохвостого макака, и одного леопарда, находившихся в специальных ящиках. Дать свободу обезьяне было нетрудно; совсем другое дело леопард — он изрядно-таки меня цапнул, прежде чем броситься в ближайшую чащу. Когда стемнело, мы отправились в гостиницу парка, где Бури показала нам фильм об уничтожении лесов. Одну из проблем здесь создают лица, возделывающие опиумный мак. Зная о противозаконности своей деятельности, они расчищают большие площади в глубине страны в надежде на то, что там их никто не отыщет. В наши дни им, конечно, приходится учитывать возможность контроля с воздуха, но даже если их и обнаруживают, то с опозданием, когда ущерб лесу уже нанесен.

Мне было жаль, что настало время покидать эту страну и возвращаться самолетом в Найроби. Влажный климат Японии выявил у меня скрытый артрит тазовой области, и болезнь начала быстро прогрессировать; теперь большую часть времени я стала испытывать мучительную боль. Кроме того, чтобы не нарушать традиционных японских обычаев во время еды, мне пришлось, когда я была там, садиться на пол и скрещивать ноги под низкими столиками, улыбаясь при этом вездесущим фотокамерам, несмотря на то что в эти моменты я страдала от сильной боли. К счастью, мне удалось стоически завершить поездку. Однако, возвратившись в Кению, я почти прямо из самолета отправилась в больницу, чтобы подвергнуться серьезной операции бедра.

Поправляясь, я наблюдала диких животных в Эльсамере и делала некоторые зарисовки, но незадолго до этого я сломала локоть правой руки, что ограничило возможность пользования ею. А потом повредила и правое колено…

Потребовалось два года для того, чтобы прийти в себя от всех этих несчастий, и терпение мое постепенно подходило к концу. И несмотря на то, что мое время было заполнено все возрастающим объемом работы для Фонда Эльсы, я жаждала вернуться к лагерной жизни и взяться за новое для меня дело — изучение леопардов.

Готовясь к предстоящей работе, я исследовала несколько национальных парков в поисках подходящего места для осуществления своего плана и сделала объявление по радио, гласившее, что я ищу детеныша леопарда, самку. Стремясь улучшить свое здоровье, я совершала длинные

прогулки пешком по горам вокруг Эльсамера. Когда мне стало известно, что на одном из самых отдаленных холмов еще обитает редкий вид антилопы бонго, я организовала туда поход с моими друзьями Рос и Биллом О'Хиллиар.

Билл только недавно поправился после серьезной операции ноги и не мог долго идти пешком, поэтому он сопровождал нас лишь до того пункта, куда мы могли добраться на машине, — до источника у подножия горы; там он остался дожидаться нашего возвращения. Пробираясь по тропе, проложенной буйволами через частые заросли бамбука, Рос и я обнаружили свежий помет и следы бонго, но следов буйволов было значительно больше, их мы видели повсюду. По очень крутой тропе мы через час добрались до вершины холма, но даже и тут лес был настолько густым, что невозможно было точно определить, где мы находимся. Тогда мы повернули назад, направляясь, как нам казалось, к тропе, проложенной буйволами, по которой мы поднимались наверх, по вскоре убедились, что ошиблись. Разыскивая нужную тропу среди многих других очень похожих троп, мы заблудились, Было уже далеко за полдень, и надо было поторапливаться. Перепрыгивая через сгнившие стволы и камни, я упала и сломала себе правую лодыжку. Медленно передвигаясь на локтях, я вскоре почувствовала страшную усталость, и, что еще хуже, меня искусали муравьи, походной колонне которых я преградила путь. Я уже не реагировала на болезненные укусы муравьев, единственной моей мыслью было добраться до подножия горы, прежде чем наступит темнота, ибо свежие следы буйволов не вызывали сомнений по поводу судьбы, которая нас постигнет, если ночь застанет нас на крутом склоне. Чем ниже мы спускались, тем больше жгучей крапивы касалось наших ног. Оказавшись наконец внизу, мы выбрались к болоту, находившемуся, по нашим расчетам, неподалеку от того родника, где нас должен был ждать Билл.

Мне удалось сползти по крутой тропе, проторенной буйволами, но передвигаться по болоту, которое, судя по следам, служило местом водопоя буйволов, я не могла. Ожидая Рос, которая отправилась разыскивать Билла, я располагала временем для оценки ситуации. Температура на высоте 2000 метров резко понизилась, и, если бы нам пришлось провести ночь в этом месте, мы либо замерзли, либо были бы растоптаны буйволами. Я думала о том, что вряд ли смогу теперь перейти болотистые места, погружаясь в воду по колено.

Даже если бы Рос нашла Билла, а Билл нашел меня, потребовалось бы много часов для организации спасательной операции. Через некоторое время Билл и в самом деле появился — с термосом горячего чая и пуловером, но я пришла в ужас от его предложения перенести меня через болото, так как знала, что в его теперешнем состоянии любое усилие может быть для него роковым, но он не обратил внимания на мои протесты, и в конце концов мы добрались до машины.

Меня повезли прямо в больницу в Найроби, куда мы прибыли к полуночи. Чем я могла отблагодарить своих друзей за то, что они спасли мне жизнь? Находясь в больнице, я услышала трагическое известие о внезапной смерти Билла Коллинза от сердечного приступа. Семнадцать лет назад, когда я скромно предложила Коллинзу издать книгу «Рожденная свободной», мы стали добрыми друзьями и опубликовали совместно десять книг. Он не только давал мне бесценные советы, полезные неопытному автору, но и окалывал щедрую помощь при создании Фонда Эльсы, попечителем которого был он сам.

Размышляя о необыкновенных событиях, происшедших с того дня, как мы впервые встретились, я поняла, что Эльса обрела бессмертие, что же касается меня, то я провела жизнь либо в одиночестве в буше Кении, либо в джунглях больших городов, приводивших меня в смятение.

Я путешествовала по Африке, Азии, Северной Америке, Европе, Австрии, Новой Зеландии и Японии, разговаривала с людьми от имени находящихся под угрозой уничтожения диких животных. Я получила много высоких наград, и меня удивляло, как все это могло произойти. У меня было такое чувство, что я почти не изменилась с того лета в Зайфенмюле, когда мы еще детьми играли в охоту на львов. Мои идеи остались теми же. Я верю и теперь, как верила тогда, что жизнь — в каждом луче солнца, в песне птицы, в шуршании ветра, сияние солнца, которое садится, заливая страну золотом, по-прежнему означает для меня больше, чем любая свеча в соборе.

Возвратившись в Эльсамер, я попыталась подытожить результаты усилий, приложенных нами для спасении диких животных. Взяв для примера Кению, я пришла к выводу, что размеры браконьерства все еще велики, но что теперь уже существует пятьсот клубов по изучению

диких животных, проводящих прекрасную работу среди молодых африканцев, которые несколькими годами раньше могли уничтожить дикое животное, попавшееся нм на глаза.
К числу многих планов, осуществлению которых помог Фонд Эльсы, относится основание охотничьих резерватов диких животных в Меру, Самбуру и Кора, постройка дома для инспектора в национальном парке Симба-Хилл и создание противопожарной полосы в национальном парке Цаво. Были сделаны взносы в Фонд ветеринарной службы Национального парка Найроби и в Фонд срочного обучения инспекторов по охране диких животных национального парка. Но помощь Эльсы не ограничивается Африкой — она охватывает и другие страны. Так, например, в Канаде были собраны взносы на рациональную охрану волков, карликовых американских лисиц, гагар, а также на охрану диких животных, обитающих в городах, были выделены средства и на то, чтобы помочь сократить промысел тюленей у берегов США, и была оказана помощь по учету птиц далеких Фолклендских островов.
Деятельность, направленная на то, чтобы помочь находящимся под угрозой уничтожения видам животных, будет для меня до конца жизни главной задачей. Сейчас огромным моим желанием стало изучение леопардов. Однако найти детеныша леопарда оказалось проблемой.
В это время в Кению приехала Хаксли, чтобы присутствовать на праздновании тринадцатой годовщины ЮНЕСКО, генеральным директором которой с 1946 по 1948 год был ее муж Джулиан. С того момента как супруги Хаксли посетили лагерь Эльсы в 1969 году, мы подружились и теперь, после окончания конференции, посетили вместе несколько национальных парков.
На озере Накуру на закате солнца мы стали свидетелями того, как розовое оперение фламинго постепенно превращается в красное, поразительно подчеркивая цвет холмов, окрашенных в индиго. Очарованные этим зрелищем, мы были так заняты фотографированием, что не успели заметить, как грунт под нами становился все мягче и колеса машины погрузились по самые ступицы.
Мы собрали хворост, сухую траву, тряпки, даже пожертвовали своими рубашками, но, несмотря на все наши усилия, машина погружалась все глубже и глубже. К счастью, с нами было двое мужчин, которые решили идти в ближайшее лесничество. Леди Хаксли и я остались в машине и стали включать и выключать фары, чтобы указать путь спасательной партии, на появление которой мы надеялись. Когда наконец наши друзья возвратились в сопровождении помощников, среди них оказался егерь из главного управления парка, и он сообщил мне волнующую новость. Как раз в это время, в октябре 1976 года, он присматривал за одномесячным детенышем леопарда.
Теперь детеныша поручали моим заботам. Появилась Пенни, и в моей жизни началась новая глава.

Послесловие

Четвертого января 1980 года трагически погибла Джой Адамсон. Многие советские читатели знакомы с Джой по ее книгам и рисункам, по ее деятельности в области охраны животных. Для многих людей она была символом беззаветного служения благородной идее защиты бесценного богатства человечества — многоликой, во многом еще не познанной Природы.
Джой Адамсон прожила необыкновенную, удивительную жизнь. О всех перипетиях ее бурной и сложной судьбы читатель узнал из автобиографической книги «Моя беспокойная жизнь». Поэтому мне хотелось бы остановиться на тех сторонах жизни и деятельности Джой Адамсон, которые остались в известной мере за рамками повествования. Особенно важно это для тех, кто встречается с Джой впервые. Ведь в автобиографиях почти, как правило, нет критической и объективной самооценки, а угол зрения, под которым рассматривается то или иное событие, может не совпадать с общепринятым.
Пожалуй, наиболее характерными качествами Джой были энергия и одаренность. Эти качества проявлялись буквально во всем: в занятиях музыкой, скульптурой и живописью, в подходе Джой к пропаганде идей охраны природы, наконец, в беспримерном эксперименте по возвращению к свободной жизни выращенных ею львицы Эльсы и гепарда Пиппы, ставшем не

только образцом поразительной преданности задуманному делу, но и важным научным достижением.
Центральное событие в жизни Джой Адамсон — работа со львицей Эльсой и гепардом Пиппой. Именно этот период жизни выявил духовные качества Джой и принес ей широкую известность. Не будь Эльсы и Пиппы, мы, возможно, не знали бы о Джой Адамсон, и знакомство с ней стало бы уделом специалистов-ботаников и посетителей Национального музея в Найроби, где хранится большинство ее рисунков. Начиная работу с львицей Эльсой, Джой, конечно, не планировала научного эксперимента и взяла на воспитание случайно осиротевшего львенка, повинуясь скорее чувству жалости. Однако это событие уже через короткое время поставило особые задачи, решению которых она отдалась со всей присущей ей энергией и энтузиазмом. По сути дела, в том, что Джой воспитала львенка, нет ничего особенного. Люди держали у себя диких животных, в том числе и львов, во все времена. Однако вернуть выращенного в неволе льва в природу, к самостоятельной жизни в естественных условиях не удавалось еще никому. Вообще до последнего времени считалось, что хищное животное, будь то млекопитающее или птица, должно пройти длительную школу под надзором родителей — только тогда оно сможет добывать себе пищу. Ведь охота — процесс всегда сложный, требующий определенных навыков, которые можно получить лишь на основе обучения. И если хищник вырос в неволе, то считалось, что судьба его предопределена: он должен кончить свои дни в клетке. Джой впервые доказала несостоятельность этой теории, а сейчас, буквально в последние годы, выяснилось, что ее выводы могут быть распространены значительно шире, даже и на хищных птиц. Интерес к ее эксперименту неслучаен: в настоящее время одним из основных методов спасения редких и исчезающих животных является создание генетических банков, то есть разведение их в неволе для последующего возвращения в природу. Таким образом, случайно начатое дело неожиданно получило сугубо практический резонанс и вышло на уровень научного исследования.
Но этим далеко не исчерпывается оценка работы Джой с Эльсой и Пиппой. День за днем скрупулезно фиксируя все нюансы поведения своих воспитанников, она выявила так много нового, что заставила специалистов пересмотреть целый ряд других, казалось бы непреложных, истин. Многое Джой Адамсон вообще открыла впервые. Ее данные о развитии детенышей льва и гепарда, о сроках наступления половой зрелости, о размерах охотничьих участков и способах их маркировки и охраны, о сроках беременности, величине выводка, размерах и причинах естественной смертности молодняка, длительности сохранения связи родителей с детенышами, о питании и способах добычи пиши явились для науки весьма весомым вкладом. Особенно это касается гепарда, относящегося к числу наименее изученных хищных животных земного шара. Чрезвычайно интересны и наблюдения Джой Адамсон в области раскрытия явлений психической жизни животных. Ей удалось показать, что каждый зверь — это неповторимая индивидуальность, что ему присуща своя собственная оценка внешних факторов и событий, своя собственная реакция на конкретную обстановку, «симпатии» и «антипатии». Вслед за известными этологами Конрадом Лоренцем и Нико Тинбергеном она нанесла сокрушительный удар по мифу о «животном — машине», до сих пор, к сожалению, еще бытующему среди части исследователей поведения животных. При этом следует помнить, что Джой Адамсон отнюдь не профессиональный ученый и не зоолог. Она никогда не училась ни в одном университете. Однако, как мне кажется, нельзя не согласиться с ее утверждением о том, что профессиональный подход и известный академизм нередко тормозят исследование, ибо во многом направляют мысль по привычному, стандартному руслу, оставляя в стороне то, что резко выходит за пределы привычной нормы. Некоторая склонность к антропоморфизму, субъективизм в оценках, в чем нередко ее упрекал ряд ученых, в произведениях Джой есть, по-моему, не более чем литературный прием. Во всяком случае, система документации наблюдений у нее безупречна, а трактовку свою она никому не навязывает.
Деятельность Джой Адамсон на поприще пропаганды охраны природы началась несколько позже, чем эпопея с Эльсой. Она включилась в мировое движение за охрану животных с такой энергией, что очень скоро приобрела известность как превосходный лектор и организатор. Свой талант писателя и художника, свой энтузиазм она приносит на службу главной идее — спасению диких животных. В первые годы Джой Адамсон была связана с Международным фондом охраны животных, а позже создала самостоятельную международную организацию — Фонд Эльсы. Все гонорары (а сумма их была весьма значительна) от издании, переизданий и переводов ее книг, от экранизации этих книг и репродукции ее картин, все гонорары за

публичные лекции она передавала этому Фонду, основным назначением которого было создание новых резерватов для животных, находящихся под угрозой исчезновения. Фонд Эльсы имеет широкую сеть филиалов в различных странах мира, и результаты его деятельности значительны. Успеху этой организации немало способствовало то, что Джой Адамсон была в дружеских отношениях с основными лидерами мирового природоохранительного движения, чрезвычайно высоко ценившими ее бескорыстие и энтузиазм и оказывавшими ей носильную поддержку.

Значителен и художественный талант Джой Адамсон, хотя ее деятельность как художника в настоящее время несколько затеняется ее известностью как борца за спасение животных. Для нее характерны три основных направления в живописи: растения, портреты представителей различных африканских племен и животные. В каждом из этих направлений она выработала особую, весьма самобытную манеру. Рисунки растений выделяются своей научной точностью и конкретностью. Однако Джой Адамсон сумела внести в изображения растений своеобразный оттенок «старины», в котором четкость линий удивительным образом сочетается с некоторой стилизацией. Отлично переданная цветовая гамма делает их особенно привлекательными и декоративными. Рисунки равно хороши как в научном атласе, так и на памятных открытках,

Совсем по-иному проявился талант Джой Адамсон, когда она писала портреты африканцев. Основной ее задачей первоначально было как можно более точно зафиксировать детали нарядов и уборов, искусство изготовления которых сейчас быстро уходит в прошлое. Однако под рукой Джой эта задача переросла свои рамки, и с портретов на нас смотрят не музейные манекены, а сама Африка. Лица представителей самых разных народов Африки: вождей, воинов, пастухов, женщин — исполнены чувства собственного достоинства, мудрости и глубокой человечности. Эти портреты сразу завоевали большую популярность, были очень высоко оценены в Кении и приобрели статус государственной собственности. Книга Джой Адамсон «Народы Кении», где помещены репродукции этих портретов, заслуженно считается серьезным трудом по этнографии Восточной Африки.

Наконец, в более поздние годы Джой выступила как художник-анималист. Правда, здесь она практически не создала законченных полотен. Однако ее наброски и эскизы по верности изображения, по одухотворенности и глубине понимания сути животного могут быть поставлены наравне с рисунками Ватагина, Кнерта и других замечательных мастеров, изображающих животный мир.

Джой Адамсон была исключительно эмоциональной натурой. Она умела беззаветно любить и так же сильно ненавидеть. Она ненавидела всякое убийство животных, будь то охота или браконьерство, и отрицательно относилась к зоопаркам и циркам, где животные содержатся в тесных мрачных клетках. Она не любила тех, кто держит животных дома только для развлечения, ради корысти или по иным причинам. Но та бескомпромиссность, с которой Джой отстаивала свою точку зрения, не могла не внушать уважения даже ее противникам.

Джой Адамсон высоко ценила работу по охране животных и природы в целом, проводимую в Советском Союзе. Она отлично понимала те объективные причины, которые лежали в основе успеха этих работ, и предсказывала им большое будущее. Меня, как и многих других советских зоологов, связывали с Джой Адамсон давние узы дружбы. Мы встречались с Джой и в Москве и в Кении, и для меня она всегда была образцом служения делу охраны природы. Такой она и останется в памяти — и моей, и других советских людей, ставших ее друзьями.

Профессор В. Е. Флинт

Фотографии к книге

Вилла «Фридерика», Зайфенмюле.

С прабабушкой за грибами. Джой верхом на ослике, мама и Трауте стоят рядом с тележкой.

Празднование рождества. Джой (справа) со своими родителями и сестрой Трауте.

Трауте и Джой (слева).

Джой в роли «гейши» в пьесе, написанной детьми к празднику.

Ома.

Лето 1931 г.

Катание на лыжах с Цибелем.

На пароходе в Кению, 1937 г.

Питер Балли.

Джордж Адамсон, 1944 г.

Джой на горе Кения во время ее экспедиции за цветами для зарисовок.

Джой с Эльсой.

Джордж с Эльсой.

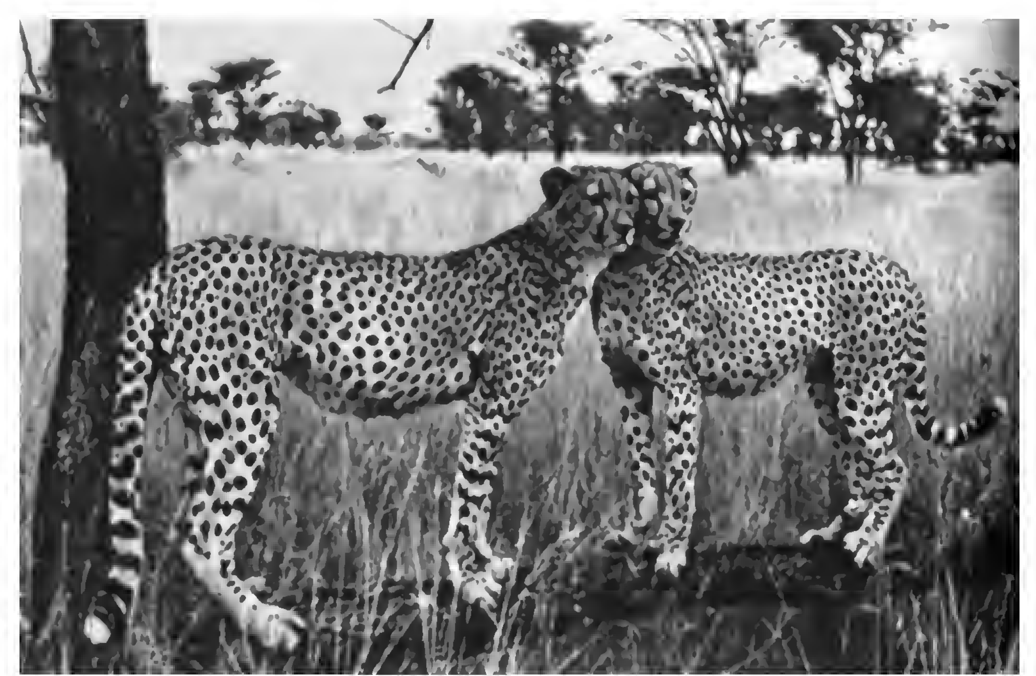

В лагере Эльсы: Билли Коллинз с Джорджем Адамсоном.

Эльса ведет трех своих львят в наш лагерь.

Пиппа и Джой.

Пиппа привела меня посмотреть на своих детенышей.

Таут и Уайти.

Пиппа.

С историей Эльсы познакомились миллионы людей.

Неотразимый коала в Перте, Австралия.

Выставка в Лондоне сделанных Джой портретов представителей африканских племен.

Джой протягивает початок кукурузы лошади Пржевальского в Аскания-Нова.

Джой делает прививку на Дереве Дружбы в Сочи.

Детеныши обезьян гвереца, играющие в Эльсамере.

Джой с молочным филином.

Джордж и Джой, 1976 г.

Эльсамер.

Примечания

1

В настоящее время город Опава. —
Прим. ред.

2

Сегантини (1858–1899) — итальянский живописец, писавший правдивые сцены из жизни альпийских крестьян, пастухов и суровые альпийские пейзажи. —
Прим. ред.

3

В 1964 году Танганьика и Занзибар образовали Объединенную Республику Танзания. —
Прим. ред.

4

Лапилли — округлые или угловатые обломки лавы размером от горошины до грецкого ореха. —
Прим. ред.

5

Система рифтовых долин (Рифт-Валли) — неповторимое явление на нашей планете. Они образовались в отличие от других долин в результате подвижек и разломов земной коры (англ.
rift
— расселина, ущелье). —
Прим. ред.

6

Бельгийское Конго — ныне Республика Заир. — Прим. ред. — Ныне Демократическая Республика Конго. — Прим. верст.

7

Уганда — бывший британский протекторат — получила независимость в 1962 году. —
Прим. ред.

8

В 1962 году на территории Руанда-Урунди были образованы дна независимых государства — Руанда и Бурунди. —
Прим. ред.

9

Бильгарция — червь-сосальщик, крошечные личинки которого живут в воде и проникают сквозь кожу человека во время купания. Они поселяются в мелких кровеносных сосудах, вызывая болезни кишечника, печени, мочевого пузыря и т. д. —
Прим. ред.

10

Порт в Уганде. —
Прим. ред.

11

Ныне Букаву. —
Прим. ред.

12

Теперь он называется Вирунга-парк. —
Прим. ред.

13

Ныне озеро Иди-Амин-Дада. —
Прим. ред.

14

Горы Рувензори часто отождествляли со сказочными Лунными горами, где, по легендам древних народов, находились истоки Нила. —
Прим. ред.

15

Многострунный щипковый музыкальный инструмент XV и, распространенный в основном в Австрии и Баварии. —
Прим. ред.

16

Растения, обитающие в сухих районах и переносящие сухой период за счет накапливания влаги в стеблях или листьях. —
Прим. ред.

17

В советской литературе Северная провинция. Впоследствии была разделена на Восточную провинцию и Северо-Восточную провинцию. —
Прим. ред.

18

В настоящее время озеро называется Сокорте-Гуда. —
Прим. ред.

19

Национальная одежда кенийцев. —
Прим. ред.

20

Ориксы, или сернобыки, относятся к подсемейству лошадиных антилоп. —
Прим. ред.

21

В настоящее время эти «виды» рассматриваются в качестве подвидов единого вида F
elis leo
. —
Прим. ред.

22

Речь идет о двух разных видах мангустов: карликовый мангуст
(Helogale imdulata)
обитает в Африке, а киплинговский Рикки-Тикки-Тави относится к серым индийским мунго
(Herpestes edwardsi)
— бесстрашным истребителям ядовитых змей. —
Прим. ред.

23

Лагга — пересохшее русло реки. —
Прим. перев.

24

Древнейшая форма письма при помощи пиктограмм, то есть условных рисунков,
обозначающих какие-либо действия, события, предметы и т. д. —
Прим. ред.

25

Бома — крааль, обнесенный высокой изгородью из срубленных колючих веток; на ночь в него загоняют весь домашний скот. —
Прим. ред.

26

На берегу реки Дунгу. —
Прим. ред.

27

Глава религиозной общими, назначаемый правительством. —
Прим. перев.

28

Огастес Джон (1878–1961) — английский живописец. Мастер яркого реалистического портрета. —
Прим. ред.

29

Собор Святого Стефана — шедевр средневековой архитектуры, крупнейшее готическое сооружение Австрии. Высота его шпиля — 140 метров. —
Прим. ред.

30

Дау — одномачтовое каботажное судно. —
Прим. перев.

31

Род трехкоготных черепах. Вероятно, речь идет об африканском трионихсе. —
Прим. ред.

32

Клаустрофобия — боязнь замкнутого пространства. —
Прим. перев.

33

Политико-административное объединение французских владений в Экваториальной Африке в 1910–1958 годах. К 1958 году в ФЭА образовалось несколько независимых государств и территорий. —
Прим. ред.

34

Подопечная территория под управлением Франции, так называемый Восточный Камерун. В 1960 году провозглашен независимым государством. В 1961 году вместе с Южным Конго образовал Федеративную Республику Конго. В 1972 году Федеративная Республика Конго преобразована в Объединенную Республику Конго. —
Прим. ред.

35

Рябок — птица размером с некрупного голубя. Обитатель открытых сухих ландшафтов — пустынь и полупустынь. —
Прим. ред.

36

Туареги представляют собой южную группу берберских кочевых племен. —

Прим. ред.

37

Позднемавританский дворцовый комплекс середины X — конца XV века на восточной окраине Гранады (Испания). —
Прим. ред.

38

Бальнеологический курорт с минеральными источниками на юге Франции. Место паломничества католиков. —
Прим. ред.

39

Итальянское наименование XV века. В эпоху Кватроченто наблюдался расцвет культуры Раннего Возрождения. —
Прим. ред.

40

Аутригер — шлюпка с выносными уключинами. —
Прим. перев.

41

Наружный ороговевший слой кожи змеи, сброшенный ею во время линьки. —
Прим. ред.

42

В 1964 году Объединенная Республика Танганьики и Занзибара получила название Танзания. —
Прим. ред.

43

Прайд — союз трех и более львов. Он может включать одну или несколько семей, возглавляемых взрослыми львами, или несколько взрослых львов, которые охотятся вместе. —
Прим. ред.

44

Условная линия, проходящая примерно по 180-му меридиану от Гринвича, при переходе через которую производится изменение даты: при переходе с запада на восток одно и то же число месяца и соответствующий день недели считают два раза, а при переходе с востока на запад одно число выбрасывается. —
Прим. ред.

45

Нежные изящные насекомые с сетчатыми прозрачными крыльями; личинки поденок развиваются и воле. —
Прим. ред.

46

Животные из семейства виверровых. —
Прим. ред.

47

Речь идет о Кавказском заповеднике в западном части Главного Кавказского хребта. —
Прим. ред.

48

В настоящее время мировая популяция японского журавля составляет 530 особей, из них около 210 оседло живут в Японии. —
Прим. ред.